

Л. М. Васильев

Современная
лингвистическая
СЕМАНТИКА

Л. М. Васильев

Современная лингвистическая СЕМАНТИКА

Допущено Государственным комитетом СССР по народному образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Русский язык и литература» и «Прикладная лингвистика»

*МОСКВА
«Высшая школа» 1990*

ББК 81
В 19

Рецензенты:

кафедра русского языка Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова (зав. кафедрой д-р филол. наук, проф.
К.В. Горшкова);

д-р филол. наук, проф. *А.В. Бондарко* и канд. филол. наук
Л.А. Бирюлин

(Институт языкознания АН СССР)

Васильев Л.М.

В19 Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.

ISBN 5-06-000781-2

В пособии анализируются природа языковых значений, их структура и типы, их отношение к фонетическим и грамматическим единицам, к различным типам лексических парадигм и функционально-семантических полей, к семантико-синтаксическим моделям и структуре высказывания. Приводятся краткие сведения из истории лингвистической семантики, даются общая характеристика основных современных ее направлений и общая оценка применяемых в ней методов.

4602000000(4309000000) – 166

В _____ 254 – 90

001(01) – 90

ББК 81

4

Учебное издание

Васильев Леонид Михайлович

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Редактор *Н.А. Страхова*. Мл. редактор *А.Ю. Одоева*. Художник *В.В. Корнев*.
Художественный редактор *М.Г. Мицкевич*. Технический редактор *А.А. Кубенина*.
Корректоры *Н.А. Кравченко*, *Е.К. Штурм*. Оператор *Т.Н. Гормылева*.

ИБ № 8314

Изд. № РЯ-348. Сдано в набор 19.05.89. Подп. в печать 20.12.89. Формат 60х88 1/16. Бум. офс. № 2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 10,78 усл.печ.л. 11,03 усл.кр.-отт. 10,62 уч.изд.л. Тираж 9000 экз. Зак. № 126. Цена 35 к. Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на участке персональных компьютеров издательства «Высшая школа».

Отпечатано в Московской типографии № 8 Госкомпечати СССР.

101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

ISBN 5-06-000781-2

© Васильев Л.М., 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом учебном пособии автор стремится отразить современное состояние лингвистической семантики и изложить свои взгляды по ее важнейшим проблемам. Главное внимание уделяется принципу системности в семантике, т.е. языковые значения как основные единицы семантической системы рассматриваются в их всевозможных связях: в их отношении к единицам плана выражения (фонетическим и грамматическим), к различным типам семантических парадигм и полей, к семантическим моделям предложения и структуре высказывания, к семантическим и понятийным категориям. В связи с этим, с одной стороны, дается краткая характеристика всех основных единиц языка и его общего устройства как системы систем, а с другой – значительное внимание уделяется не только анализу природы значения как одного из типов языкового знания, но и анализу внутренней структуры значений, их структурно-функциональных типов, анализу словарей, в которых отражаются системные связи значений. В книге приводятся краткие сведения из истории лингвистической семантики, дается самая общая характеристика основных современных ее направлений и оценка применяемых в ней методов.

При характеристике природы, типов и системных связей языковых значений основное внимание автор сосредоточивает на тех вопросах, которые не получили еще в лингвистической литературе однозначного решения или достаточного освещения. Авторская трактовка таких вопросов не всегда совпадает с известными точками зрения. Для вузовского пособия это вполне допустимо и даже желательно, если, разумеется, концепция автора достаточно аргументирована.

При написании пособия использована обширная научная литература, но, учитывая учебный характер издания, ссылки на нее даются только в необходимых случаях (в квадратных скобках цифра курсивом указывает номер публикации в списке литературы, остальные цифры – тома и страницы).

Автор

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>англ.</i>	–	английский	<i>польск.</i>	–	польский
<i>безл.</i>	–	безличный	<i>русск.</i>	–	русский
<i>болг.</i>	–	болгарский	<i>с.-х.</i>	–	сербскохорватский
<i>лат.</i>	–	латинский	<i>фр.</i>	–	французский
<i>нем.</i>	–	немецкий	<i>чешск.</i>	–	чешский
<i>перен.</i>	–	переносный			

ВВЕДЕНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Известный французский ученый П. Гиро делит семантику на лингвистическую, психологическую и логическую [231]. Кроме того, существует так называемая общая семантика и семантическая философия. В этой книге речь пойдет о лингвистической семантике.

Предметом лингвистической семантики является языковое мыслительное содержание, т.е. содержание, заложенное в словах, морфемах, грамматических формах, синтаксических конструкциях естественного языка. Однако так широко – как семантический аспект всех уровней языка: лексики, морфологии и синтаксиса – предмет лингвистической семантики стал пониматься не так давно (начиная в основном с работ английского семасиолога Ст. Ульмана [250]). Ранее же семантикой (семасиологией) называли главным образом учение о лексических значениях, а грамматические и словообразовательные значения изучали в грамматике (большое внимание уделялось им, например, в трудах В. Гумбольдта, Г. Штейнталя, Г. Пауля, К.С. Аксакова, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова). Термином «семантика» нередко обозначается и сам предмет лингвистической семантики как науки, т.е. языковое мыслительное содержание (языковая семантика).

В качестве самостоятельного раздела науки о языке лингвистическая семантика (семасиология) возникла в XIX в. Ее основоположниками считают обычно немецкого ученого Х. Рейзига и французского лингвиста М. Бреалья (им принадлежит и название этой науки: термин «семасиология» ввел Рейзиг, а термин «семантика» – Бреаль), у нас – М.М. Покровского. Это не значит, конечно, что раньше семантическим аспектом языка вовсе не занимались. Проблема значения и обозначения, в частности проблема языка, мышления и действительности, ин-

тересовала ученых и в античные времена, и в период средневековья, и в эпоху Возрождения. Но почти до конца XIX в. вопросы семантики были объектом философии, логики, риторики, грамматики и лексикографии. Особенно глубокий анализ содержательной стороны языка (лексических и грамматических значений) мы находим в трудах В. Гумбольдта и А.А. Потетни.

Своей первейшей задачей лексическая семантика (семасиология) считала исследование смысловой этимологии и истории отдельных слов или групп слов (такой характер имеют труды и основоположников семасиологии [243, 225, 155]); отсюда интерес к составлению этимологических и исторических словарей, столь характерный для второй половины XIX и начала XX в., но не утасший, впрочем, и позднее. Как правило, эта задача решалась в соответствии с требованиями сравнительно-исторического языкознания (исследования А.А. Потетни, М.М. Покровского, М. Бреалья, А. Мейе и др.). Но способы ее решения были разными. В исследованиях, ориентированных на психологию (под влиянием главным образом теоретических трудов Г. Штейнталя, Г. Пауля и В. Вундта), основное внимание уделялось изучению типов изменения значений и поиску причин этих изменений в психике говорящих – отдельных индивидуумов или народов (труды К. Эрдмана, Э. Велландера, Г. Шпербера, Г. Стерна, Г. Кронассера и др.). В работах же ономасиологического и культурно-исторического направлений (исследования школы «слова и вещи», возглавляемой австрийским ученым Г. Шухардтом, советской школы Н.Я. Марра, французской социологической школы Г. Маторе и Б. Кемада, антропологической лингвистики в США и др.) главный упор делается на изучение реалий, обуславливающих изменения в лексико-семантической системе языка, на изучение языка в связи с материальной и духовной культурой народов. Все эти задачи остаются актуальными и для современной лингвистической семантики.

В первый период своего существования семантика, как, впрочем, и языкознание в целом, была преимущественно исторической (диахронической) дисциплиной. Лишь во второй четверти XX в. под несомненным влиянием «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ, ратовавшего, как и де Соссюр, за синхронное изучение прежде всего живых языков и диалектов, наряду с диахронической стала интенсивно развиваться синхроническая лингви-

стика, в которой атомарный принцип младограмматиков (Лейпцигской школы) был заменен принципом системности (структурности). Сначала синхроническая лингвистика сосредоточила свои усилия на фонологии и грамматике (труды Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, А. Мартине, представителей Пражского лингвистического кружка, Ленинградской и Московской фонологических школ, Женевской школы, глоссематики, дескриптивной лингвистики и др.). Семантика в ранних течениях структурализма или вообще игнорировалась, или изучалась в очень незначительной степени. Вскоре, однако, стало ясно, что и структурная лингвистика не может успешно развиваться без разработки вопросов семантики.

Первые попытки создания структурной (системной) семантики были предприняты немецким ученым Й. Триром. Они оказались, как известно, не вполне удачными. Но идеи Трира были тем не менее подхвачены и критически осмыслены многими учеными, общими усилиями которых в 30 – 50-е годы была заложена научная база для создания структурной семантики.

Особенно быстро структурная семантика (и синхроническая и диахроническая) стала развиваться в 60-е годы. Ею активно начали заниматься даже те ученые, которые раньше были убежденными противниками всякого ментализма [221]. Интерес к семантике был обусловлен прежде всего теми неудачами, которые постигли ученых при попытке описать конкретные языки на чисто формальной основе, а вместе с тем и успехами, достигнутыми при системном изучении фонологии и грамматики. Острая потребность в разработке проблем семантики на иной научной основе была осознана, в частности, в теории порождающих моделей языка (в генеративной грамматике), на базе которой или отталкиваясь от которой родились некоторые новые направления зарубежной лингвистической семантики.

Русская семасиология как учение о собственно языковом, а не логическом содержании развивалась в русле новейших идей мировой науки о языке, а иногда и опережала их. Значительное влияние на нее оказывали, в частности, прогрессивные идеи В. Гумбольдта, Г. Штейнталя и других крупных языковедов того времени. Вместе с тем она вносила в теорию и практику семасиологических исследований много самобытного.

Большое влияние на развитие общей теории значения и изучение грамматических значений оказал А.А. Потебня. За-

службой этого ученого является разграничение языкового и неязыкового («внеязычного») мыслительного содержания. К языковому содержанию он относил «ближайшие значения», а к «внеязычному» — «дальнейшие значения». Первые имеют общенародный, абстрактный характер, а вторые — личный: «...ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично» [157, 20]. «Ближайшее значение слова, одно только составляющее предмет языкознания», по мысли Потебни, пусто «сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия», т.е. оно не включает в себе всей «полноты содержания, свойственной понятию и образу», а лишь указывает на него, является его представителем [157, 20]. Поэтому языковое содержание, представленное ближайшими значениями, Потебня считает формальным, знаковым: «...содержание языка состоит лишь из символов внеязычного значения и по отношению к последнему есть форма. Чтобы получить внеязычное содержание, нужно бы отвлечься от всего того, что определяет роль слова в речи, напр. от всякого различия в выражениях: “он носит меч”, “кто носит меч”, “кому носить меч”, “чье дело ношение меча”, “носящий меч”, “носитель меча”, “меченоситель”, “меченосец”, “меченоша”, “меченосный”» [157, 72]. Языковое содержание «есть только форма другого содержания, которое можно назвать лично-объективным на том основании, что хотя в действительности оно составляет принадлежность только лица и в каждом лице различно, но самим лицом принимается за нечто существующее вне его. Это лично-объективное содержание стоит вне языка» [158, 119]. Трудно переоценить также важность мыслей Потебни о «внутренней форме» слова, о своеобразии строя, семантической структуры каждого языка (ранее эта идея получила глубокое обоснование в исследованиях В. Гумбольдта), о систематизирующей роли грамматических значений и категорий по отношению к лексическим, об исторической изменчивости содержания грамматических категорий, о центральном положении учения о значении в науке о языке и многих других¹.

Сходные, но менее ясные и четкие мысли о необходимости разграничения собственно языкового («грамматического») и

¹ Более полный разбор и оценку семантической концепции Потебни см. [101, 29].

неязыкового («логического») содержания высказывали К.С. Аксаков и В.П. Сланский. Последнему принадлежат также интересные соображения о простейших содержательных элементах языковых знаков, предвосхитившие в какой-то мере идеи современного компонентного анализа значений [29].

К концепции А.А. Потебни о формальности языкового (знакового) содержания по отношению к неязыковому мыслительному содержанию очень близко учение И.А. Бодуэна де Куртенэ о трех типах знания: языковом, интуитивном (непосредственном) и научном (теоретическом). Языковое знание – это «воспринимание и познание мира в языковых формах» [27, 95]. Семасиологию (семантику) в соответствии с этим Бодуэн де Куртенэ определяет как науку «о значении слов, т.е. о сочетании языковых и внеязыковых представлений», а в «ассоциации представлений внеязыковых с представлениями исключительно языковыми» он видит сущность языка [27, 11, 70 – 71], т.е. признает, как и Потебня, семантическое содержание главным в языке.

Принцип содержательной формальности языка, предполагающий различие языкового и неязыкового («внеязычного», «логического») содержания, стал после трудов К.С. Аксакова, А.А. Потебни, В.П. Сланского и И.А. Бодуэна де Куртенэ традицией в русском и советском языкознании. Наибольшее развитие эта традиция получила в работах Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского, М.М. Покровского, Л.В. Щербы, И.И. Мещанинова и В.В. Виноградова.

Ф.Ф. Фортунатов определяет семасиологию как «отдел языковедения, в котором изучается история значений в данном языке или в данных языках (следовательно, и в человеческом языке вообще)» [201, I, 193], но фактически он рассматривает в своих работах и синхронный аспект языковых значений. Язык для него представляет собой «совокупность знаков главным образом для мысли и для выражения мысли в речи», а процесс мышления «состоит в образовании чувства соотношения между представлениями как частями одной цельной мысли» [201, I, 111, 116], т.е. понимается им психологически [207, 24 – 31]¹. Фортунатов выделяет два типа представлений: представления

¹ В том, что Фортунатов «при рассмотрении вопроса о соотношении языка и мышления ограничивается только чувственно-образной формой мышления, без рассмотрения его абстрактного содержания», Ф.М. Березин видит основной недостаток его концепции [22, 85].

самих предметов мысли и представления звуковой стороны слов («представления знаков для мышления»), выступающие в процессе речемыслительной деятельности «заместителями» первых. Он говорит о языковых знаках двоякого рода: с «формальными» (грамматическими) и «неформальными» (лексическими) значениями; при этом первые рассматриваются как часть, «принадлежность» вторых. Формальные значения «состоят в способности представлений части звуковой стороны знаков языка быть выделяемыми в качестве представлений таких принадлежностей знаков языка, которые образуют данные знаки из других знаков, изменяя значения последних» [201, I, 124]. Например, в представлениях русских слов *руку*, *ногу*, *воду* и т.п. звук *у* в конце может сознаваться как изменяющий известным образом значения, данные в словах *рука*, *нога*, *вода* и т.п. Неформальные значения в их отношении к формальным называются также реальными, или материальными, т.е. «дающими материал для изменений, образуемых знаками языка с формальными значениями» [201, I, 124]. В ряде своих работ Фортунатов, как и Потебня, дает прекрасные образцы анализа «формальных» значений (например, значений залога, наклонения, времени, сказуемости и др.), обращая при этом внимание на их объективную принадлежность языку. «Тот, кто не привык думать об отношении языка к мысли, замечает главным образом лишь внешнее проявление, обнаружение связи, существующей между мышлением и языком: язык представляется средством для выражения наших мыслей. <...> Однако стоит лишь повнимательнее присмотреться к процессу нашего мышления, чтобы убедиться в том, что слова не составляют лишь какой-то внешней оболочки по отношению к явлениям мысли и что односторонним и потому неправильным является взгляд на язык только как средство для выражения мыслей. Ближе к истине то определение языка в его отношении к мышлению, по которому язык представляет собой не только средство для выражения мыслей, но также и орудие для мышления <...> явления языка по известной стороне сами принадлежат к явлениям мысли» [201, II, 434 – 435].

Продолжая традиции Потебни и Фортунатова, много наблюдений над семантикой грамматических форм и синтаксических конструкций сделал в своей книге «Русский синтаксис в научном освещении»¹ и в ряде других работ А.М. Пешковский.

¹ Эта книга, по словам Л.В. Щербы, «является сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком» [219, 78].

А.А. Шахматов, как и его учитель Ф.Ф. Фортунатов, трактует языковое содержание в психологическом плане, хотя это не мешает ему проникать в самую глубинную его сущность. Основной единицей языка Шахматов считает предложение: «...в языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения)» [209, 17]. Предложение, по его определению, «это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» [209, 19]. Психологической основой мышления является «тот запас представлений, который дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями; психологическою же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений» [209, 19]. Этот умственный акт автор называет коммуникацией, соотнося его не только с утвердительными и отрицательными предложениями, соответствующими логической пропозиции (суждению), но и со всеми другими типами предложений (вопросительными, побудительными и т.д.). Простейшая коммуникация «состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную (т.е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь» [209, 19]. «Обычным посредником между коммуникацией и предложением, в котором коммуникация находит себе выражение, является внутренняя речь, т.е. облеченная в слуховые, частью зрительные знаки мысль; во внутренней речи впервые конкретизируются те сложные, расплывчатые образы, которые сочетались в коммуникации» [209, 20].

В качестве членов коммуникации выделяются психологический субъект (господствующее представление) и психологический предикат (зависимое представление). Во внешней речи первому соответствует грамматическое подлежащее (или состав подлежащего), а второму – грамматическое сказуемое (или состав сказуемого). Между грамматическими и психологическими категориями Шахматов, в отличие от Фортунатова, усматривает тесную внутреннюю связь. «Мы постоянно встречаемся с несо-

10

ответствием языковых форм предложения, – заявляет он, – психологической коммуникации; но несоответствие не тождественно с противоречием; положительному и последовательно проведенному требованию грамматики не может противоречить психологическая природа соответствующих грамматическим формам представлений. Таким образом, мы можем утверждать, что подобно тому, как в предложениях *птица летит* или *мать больна* подлежащим всегда при всяких условиях останется *птица* и *мать* (хотя бы на словах *летит* или *больна* лежало усиленное ударение, хотя бы такое усиленное ударение сопровождалось перестановкой: *летит птица, больна мать*), так же точно в соответствующем психологическом суждении субъектом или господствующим представлением будет всегда представление о птице, о матери, а зависимым – представление о признаках *летит, больной*» [209, 23].

В итоге предложению дается такое определение: «...это простейшая единица человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшим в нарочитое сочетание представлениям простым или сложным» [209, 29]. Из него следует, что «между предложением и психологической коммуникацией наблюдается прямая связь, такая же связь, как между словом и его значением; предложение является воспроизведением коммуникации средствами языка. <...> В каждом предложении (насколько, впрочем, оно не является предложением сокращенным) должны быть члены, соответствующие основным элементам коммуникации, выражающие словесно сочетание психологического субъекта и предиката» [209, 29 – 30]. Этот принцип лег, как известно, в основу шахматовского учения о типах предложений и их составе. В согласии с предлагаемой Шахматовым концепцией «название предмета в предложении будет всегда грамматическим подлежащим в отношении к сочетавшемуся с ним глаголу или прилагательному» и соответственно психологическим субъектом [209, 25], ибо, согласно утверждению Г. Пауля, разделяемому Шахматовым, «всякая грамматическая категория возникает на основе психологической» [151, 315].

Другие типы синтаксических значений, равно как и значения грамматических категорий, Шахматов также соотносит с соответствующими психологическими представлениями (понятиями), подчеркивая при этом «конкретизм членов коммуникации и расчлененность предложения» [209, 28]. Все представ-

ления он делит на четыре типа: представления о субстанциях (лицах или предметах), представления о качествах-свойствах, представления о действиях-состояниях и представления об отношениях. С этими типами Шахматов соотносит классификацию частей речи, синтаксическую в своей основе. Грамматическую категорию он определяет как «представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызываемому словом» [209, 420], а грамматическое значение языковой формы противопоставляет «реальному» (лексическому) значению: «Реальное значение слова зависит от соответствия его как словесного знака тому или иному явлению внешнего мира; грамматическое значение слова – это то его значение, какое оно имеет в отношении к другим словам» [209, 431 – 432]. Таково в общих чертах учение Шахматова о содержательной стороне языка. Оно оказало влияние не только на последующие научные лингвистические теории, но и на методику преподавания русского языка в школе и вузе.

О системном характере языка впервые заговорил выдающийся немецкий ученый В. Гумбольдт. Затем об этом писали Г. Штейнталь, Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн де Куртенэ (в отличие от де Соссюра он признавал системность языка и в диахронии), Н.В. Крушевский и др. Системный характер лексики раньше всех осознал (задолго до немецких теоретиков семантического поля Г. Ипсена, А. Йоллеса, Й. Трира, В. Порцига) замечательный русский филолог М.М. Покровский. Уже в 1896 г. в книге «Семасиологические исследования в области древних языков» он заявляет: «...история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [154, 75]. Первая глава этой книги – «Ассоциация слов, сходных или прямо противоположных по значению. Влияние одних из этих слов на другие» – начинается со следующего тезиса: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже а priori, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое; понятно также, что эти слова употребляются в сходных синтаксических сочетаниях» и «могут иметь свои собст-

венные формальные особенности» [154, 82 – 83]. Этот тезис иллюстрируется далее глубоким и всесторонним анализом групп слов, связанных со сферой представлений 'собираться и собрание', 'язык', 'мера и вес', 'игры и зрелища', 'обед, пир' и др., а также анализом семантического аспекта различных морфологических категорий.

Принципу анализа языковых явлений по «сферам представлений», под которыми автор понимает «известные стороны нашего быта или группу однородных явлений внешнего или духовного мира» [154, 29], большое внимание уделяется также в работах Покровского «О методах семасиологии», «Материалы для исторической грамматики латинского языка» и др. Семасиологию отдельного языка, особенно древнего, в ранних своих работах ученый еще не мыслит без сравнения его с другими языками, хотя уже и тогда он сочувственно отнесся к мысли М. Бреалья о том, что исходным пунктом для семасиолога должен служить его родной язык. Этим, а также приверженностью к психологической и социальной сторонам языковых явлений он отдает дань времени, в частности концепции одного из своих учителей – Ф.Ф. Фортунатова. Но в работе «Соображения по поводу изменения значений слов» Покровский итожит свои многолетние размышления так: «...каждый семасиолог должен предварительно упражняться в области своего родного и особенно современного языка, потому что только в нем легче наблюдать самые тонкие изгибы и варианты семасиологического процесса и, в особенности, говорить с уверенностью о забвении первоначального этимологического значения данного слова; между тем этой уверенности больше не существует в отношении более древнего периода, будь то даже в области родного языка, так же как ее нет в отношении иностранных языков, как бы их хорошо ни знать» [154, 55].

Значительный теоретический вклад в разработку семантического аспекта грамматики, а также в лексикографию внес Л.В. Щерба. О связи языка с мышлением он говорит так: «Единство языка и мышления сводится в конце концов к тому, что средства выражения, начиная от простого звучания и кончая самыми тонкими синтаксическими и иными формами, абсолютно неотделимы от соответственных понятий: слова перестают быть словами, если отнять у них их значение» [219, 352 – 353]. В другой работе он высказывается еще более решительно: «Совершенно ясно, что весь язык сводится к смыслу, к значению. Нет смысла, нет значения – нет языка» [219, 153].

Исходя из этого принципа грамматическую категорию Щерба определяет как единство содержания и «формальных признаков, подчеркивая ведущую роль содержания (смысла): «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех формальных признаков...» [219, 80].

Характеризуя части речи как грамматические категории, Щерба постоянно указывает не только на их формальные особенности, но и на их категориальные значения: предметность – у существительных, качество – у прилагательных, действие – у глаголов и т.д. Лексическое грамматическому противопоставляется как единичное типовому, причем системная организация языковых фактов признается им как в грамматике, так и в лексике. Кроме того, и в лексике и в грамматике Щерба строго различает два аспекта: формальный и семантический: «С одной стороны, все индивидуальное, существующее в памяти как таковое и по форме никогда не творимое в момент речи – лексика, и с другой стороны – все правила образования слов, форм слов, групп слов и других языковых единств высшего порядка – грамматика. И тот и другой отдел, само собой разумеется, со своей семантикой» [219, 51]. В основе значений, по мнению Щербы, лежат понятия. Однако содержание научных понятий (терминов) он считает необходимым ограничивать от языковых значений: «*Прямая* (линия) определяется в геометрии как 'кратчайшее расстояние между двумя точками'. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что *прямой* мы называем в быту 'линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» [219, 280]. Напоминая о том, что «при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые», ученый имеет в виду «и правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [219, 24], предвосхищая тем самым современную теорию валентности. В работах Щербы немало и других мыслей о категориях языка, объективно существующих (это он неоднократно подчеркивал) в единстве их содержания (значения) и формы (формальных признаков).

Идеи Щербы и его предшественников о грамматической категории как единстве формальных признаков и соответствующего им языкового содержания плодотворно развивает И.И. Мещанинов. «Грамматические категории, – полагает он, – устанавливаются по грамматическим формам, передающим те понятия, которые вкладываются в основу выделяемых грамматических категорий. Другими словами, в грамматическую категорию входят грамматические понятия и грамматическая форма, или грамматическое понятие, выражаемое через грамматическую форму» [138, 250]. Рассуждая о частях речи как лексических группах, которые выявляются в их грамматических категориях, ученый подчеркивает тесную связь семантики слов с их функционированием в составе высказываний: «Вне синтаксического его использования слово остается выразителем отвлеченного представления о предмете или понятии и в значительно большей степени входит в словарь языка, чем в его разговорную речь» [138, 246].

Особенно большой вклад внес Мещанинов в типологическое изучение взаимосвязи лексических и грамматических (в частности, синтаксических) значений. Результатом этой огромной работы является учение о понятийных категориях. «Понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся... грамматическими понятиями» [138, 238]. Например, «субъект и предикат (логические) будут понятийными категориями. Они же, выявляясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого» [138, 238]. Понятийные категории оказываются при определенных условиях также и категориями сознания, в том или ином виде выражающимися в языке.

Подытоживая сказанное о способах выражения понятийных категорий в языке и об их отношении к грамматическим категориям, Мещанинов пишет: «...1) понятийная категория выявляется в семантике слов, в синтаксических построениях и в оформлении слова, 2) синтаксически и морфологически выявляемая понятийная категория становится грамматическим понятием, 3) грамматические понятия, выявляясь в синтаксиче-

ском строе и морфологии, должны получать в них свои грамматические формы, 4) грамматические формы, образующие в языке определенную систему, выделяют те грамматические категории, по которым проводится деление на члены предложения и части речи» [138, 239]. И у членов предложения, и у частей речи устанавливаются общие свойства, обнаруживаемые во всех языках, «дающих членение предложения и членение лексического состава». Мысли Мещанинова о строе разносистемных языков и его концепция понятийных категорий нашли широкое применение в современной теории универсалий, в теории семантических полей, в теории функциональных грамматик.

Заслуга В.В. Виноградова как семасиолога состоит прежде всего в том, что он подвел итог предшествующим разработкам семантического аспекта грамматических категорий (морфологических, синтаксических, словообразовательных) в русской науке и наметил дальнейшие пути их изучения. Наряду с тем он разработал оригинальную типологию лексических значений, классификацию устойчивых сочетаний слов и теорию форм слова. Они сыграли важную роль в развитии лексической и синтаксической семантики. Нельзя не отметить и того огромного вклада, который внес Виноградов в изучение эстетических функций слова в художественных произведениях. Его многочисленные труды в этой области явились исходной базой для развития современной семантики текста.

Мы остановились лишь на главных этапах истории лингвистической семантики и на трудах крупнейших представителей отечественного языкознания, хотя история семасиологии богата и многими другими славными именами.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Наряду с традиционной лексической семантикой, занимающейся в основном изучением значений отдельных слов или групп слов в процессе их функционирования и исторического развития (изучением различных типов переносов и семантических сдвигов, полисемии, синонимии и т.д.), в наше время успешно развиваются также новые направления: структурная семантика, интерпретирующая семантика, порождающая (генера-

тивная) семантика, концептуальная семантика, коммуникативная семантика, психолингвистическая семантика и др.¹

Основы структурной семантики были заложены М.М. Покровским, Р. Мейером, Ф. де Соссюром, Л. Ельмслевом, Й. Триром, В. Порцигом, Л. Вейсгербером, Ст. Ульманом, Л. Теньером и их последователями. Главная ее цель – изучение системных связей языковых значений, лексико-семантических парадигм и других типов семантических полей. В наши дни структурная семантика, освобождаясь постепенно от присущих ей ранее формализма и релятивизма, становится, по сути дела, системной семантикой, рассматриваемой в качестве важнейшего компонента системной лингвистики [134]. Она ставит перед собой уже более широкие задачи и стремится решать их не только структурными методами.

Интерпретирующая семантика возникла как необходимый дополнительный компонент порождающей грамматики Н. Хомского (Chomsky) (например, в работах Д. Катца, Д. Фодора и П. Посталя [234, 235], позднее – самого Хомского [203]), как содержательная интерпретация порождаемых этой грамматикой глубинных структур. «Семантический компонент лингвистического описания ставит в соответствие глубинной структуре любого предложения данного языка ее семантическую интерпретацию»; он «призван описывать способность говорящих производить и понимать бесконечно много новых предложений, а именно ту часть процесса использования языка, которая остается за пределами сферы действия синтаксического и фонологического компонентов» [97, 33]. В дальнейшем (особенно в исследованиях У. Вейнрейха» [56]) интерпретирующая семантика получила относительно самостоятельное развитие. Главный недостаток этой теории (во всех ее вариантах) состоит в том, что она характеризует лишь правила системы языка, которыми владеет говорящий, а не их применение в акте коммуникации, связанное со сложными психологическими процессами, т.е. она не раскрывает до конца реальные процессы речевой деятельности. Основной же тезис о зависимости семантического компонента от синтаксического, поскольку только за ним признается порождающая функция, с точки зрения современной лингвистики вообще неприемлем.

¹ Направлениями теоретико-прикладного характера являются, например, процедурная семантика, вычислительная семантика, лингвистическое конструирование (семантический его аспект) и др.

Теория порождающей семантики также создана на основе генеративной лингвистики, «в некоторых важных аспектах она сходна с теорией интерпретирующей семантики... она выражает те же самые факты в другой форме» [23, 194]. Специфика этой формы главным образом в том, что порождающая семантика (в отличие от интерпретирующей) не противопоставляет синтаксис и семантику и отказывается поэтому от понятия глубинной структуры как синтаксической категории (оно сливается с понятием семантической структуры). «Вкратце позиция порождающей семантики, – пишет Д. Лакофф, – сводится к следующему: нельзя разделять синтаксис и семантику, и задачей трансформаций или преобразований вообще является соотнесение семантических представлений с поверхностными структурами» [122, 302]. По словам другого представителя этого направления, Д. Макколи, порождающая семантика «признает право на существование и семантики и синтаксиса, но подчеркивает их неизменное взаимовлияние, без которого явления одного порядка не поддаются адекватному толкованию без учета явлений другого порядка» [82, 21].

Идеи и принципы концептуальной семантики (так называет эту семантическую теорию В.А. Звегинцев) наиболее полно изложены в книге У. Чейфа «Значение и структура языка». Не видя оснований для отождествления глубинной структуры с чем-нибудь, кроме семантической структуры, Чейф полностью отказывается от принципов порождающей грамматики Хомского. По его мнению, от правильно сложившихся семантических структур, охватывающих не только лексическую, но и грамматическую семантику, «путь ведет к правильно организованным поверхностным структурам и их фонетическим репрезентациям» [98, 415 – 416]. Между начальной (семантической) и конечной (фонологической) фазами процесса порождения речи (под которым он понимает реальную речевую деятельность, т.е. процессы мышления-говорения и слушания-понимания) располагаются промежуточные фазы линеаризации, материализации и др., что придает всему процессу многофазовый характер. Основным элементом, открывающим процесс порождения, является, по его мнению, глагол, в значении которого потенциально представлено все предложение. Таким образом, из интерпретирующего компонента семантика превращается в главный компонент. Мир понятий (от них он не отграничивает языковые значения), как и мир звуковых символов, представляется Чейфу дискретным, а оба плана языка (содержательный и

формальный) – автономными, имеющими собственное членение. Дискретность плана содержания Чейф связывает с субкатегоризацией («субконцептуализацией») понятий.

Коммуникативная семантика является в той или иной мере результатом развития всех предшествующих направлений. Ее основная цель – изучение речевых (коммуникативных) процессов, при которых из языковых (системных) значений и аккумулируемых ими неязыковых значений порождаются конкретные смыслы высказываний (шире – дискурсов, текстов)¹. Сходные цели ставит перед собой и психолингвистическая семантика [113].

Советская семасиология развивает лучшие традиции отечественного языкознания, изучая план содержания как главный компонент языка в его всевозможных функциональных связях с планом выражения, с системой языковых форм и категорий (такой подход побеждает сейчас и в некоторых направлениях зарубежной семантики). Вместе с тем, чутко реагируя на процессы, происходящие в мировой науке, наша лингвистика вбирает в себя все новое и полезное из зарубежных семантических теорий. Значительный вклад в развитие семантики внесли А.И. Смирницкий, В.А. Звегинцев, Р.А. Будагов, Ф.П. Филин, С.Д. Кацнельсон и многие другие советские ученые. В настоящее время наши языковеды активно разрабатывают все аспекты лингвистической семантики: 1) лексический (Д.Н. Шмелев, Ю.Н. Караулов, В.Г. Гак, А.А. Уфимцева, Ю.Д. Апресян, Л.А. Новиков и др.); 2) словообразовательный (И.С. Улуханов, Е.С. Кубрякова, И.Г. Милославский, А.Н. Тихонов, О.П. Ермакова и др.); 3) морфологический (А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина и др.); 4) синтаксический (Н.Ю. Шведова, В.А. Белошапкова, Н.Д. Арутюнова и др.); 5) логический и семиотический (Ю.С. Степанов, В.З. Панфилов, В.М. Солнцев, Н.Д. Арутюнова, А.Т. Кривоносов и др.); 6) коммуникативный (Г.В. Колшанский, Н.А. Слюсарева, И.А. Стернин и др.); 7) психолингвистический и нейрофизиологический (А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Залевская и др.); 8) социолингвистический и страноведческий (Ю.Д. Дешериев, А.Д. Швейцер, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин и др.); 9) историко-этимологический (О.Н. Трубачев, Н.И. Толстой и др.) и т.д. При этом

¹ Особенности этого направления достаточно полно освещены в книге И.А. Стернина «Лексическое значение слова в речи».

используются самые разнообразные современные методы и приемы исследования.

Особенно интенсивно развивается в последние годы синтаксическая и контекстная семантика. Ее составными частями являются теория валентности (комбинаторная семантика), восходящая в своей основе к «Структурному синтаксису» Л. Теньера [248; см. также 57, 223], теория глубинных (семантических) падежей Ч. Филлмора, логический анализ высказываний и теория речевого акта [см. 12].

Фактической базой современной лингвистической семантики являются не только отдельные языки и не только их синхронное состояние. Успешно развиваются также сравнительно-историческая, сопоставительная (контрастивная) и типологическая семантика – контенсивная типология (см., например, работы Р.А. Будагова, В.Н. Ярцевой, Б.А. Серебренникова, С.Д. Кацнельсона, В.Г. Гака, М.М. Маковского и др.)¹. В центре внимания находятся закономерности семантических изменений (семантические законы), универсальное и специфическое (национальное) в семантическом содержании родственных и неродственных языков мира, особенности структуры их семантических полей и категорий.

Вопросы, рассматриваемые в данном пособии (это, по преимуществу, общие, проблемные вопросы), связаны прежде всего с тем направлением в современном языкознании, которое называется системной лингвистикой. При необходимости в нем учитываются, однако, и идеи других направлений.

О МЕТОДАХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Недостатка в литературе о методах семантических исследований, пожалуй, нет [8, 133, 183, 159, 15, 242]. И тем не менее вряд ли можно говорить об их удовлетворительной разработанности, об их глубоком теоретическом обосновании и эффективном применении.

В современной лингвистической семантике используются разнообразные методы: от чисто интуитивных приемов простого наблюдения и интроспекции до точных математических методов. Поскольку главная задача современных семантических исследований – изучение значений единиц языка в их всевоз-

¹ В Болгарии издается международный журнал «Съпоставително езикознание», в котором значительное внимание уделяется и вопросам семантики.

можных связях, изучение состава и структуры различных семантических полей, имеющих, несмотря на все трудности их практического выделения, психологическую и лингвистическую реальность, анализ языкового содержания методом поля является, видимо, наиболее эффективным и перспективным. А при выделении полей (лексико-семантических и функционально-семантических) большую помощь оказывают приемы оппозитивного, компонентного и контекстологического анализа.

Оппозитивный анализ (метод оппозиций) является на сегодня методом, наиболее разработанным, проверенным на большом фактическом материале разных уровней языка и хорошо себя зарекомендовавшим. Возник он, как известно, в фонологии, а затем был небезуспешно применен в грамматике и лексикологии. Главное достоинство этого метода в том, что он полностью согласуется с системным характером языка, так как имеет дело не с атомарными языковыми фактами, а с их связями (синонимическими, антонимическими, родо-видовыми, деривационными и т.д.).

Компонентный анализ является, по существу, составной частью оппозитивного анализа, ибо сравнивать (противопоставлять и отождествлять) единицы языка можно только по тем или иным их структурным компонентам, в частности по их семантическим признакам (семам). А структурирование значений (их внутреннее расчленение и упорядочение) как раз и является главной задачей этого метода. Нельзя лишь забывать о том, что «семантические компоненты, их набор и толкование не должны переходить грань восприятия среднего носителя языка, так как в противном случае утрачивается сама цель данного описания, ориентированного прежде всего на человека – носителя языка и пользователя языком» [94, 183].

В отличие от оппозитивного анализа компонентный анализ возник в семасиологии, и до сих пор его считают методом семантического анализа (в последнее время – и синтеза). Впрочем, он успешно применяется при изучении фонетических и грамматических единиц языка. В таком расширенном понимании его называют иногда дифференциальным анализом.

Контекстологический (дистрибутивный) анализ можно рассматривать как дополнение и к методу семантического поля (все семантические поля имеют не только парадигматическую ориентацию, они структурируются и на базе семантических валентностей единиц языка), и к оппозитивному анализу (семантические оппозиции единиц языка и их нейтрализации

тесно связаны, как известно, со строго определенными синтаксическими позициями в составе предложения), и к компонентному анализу (его различные приемы и процедуры способствуют более строгому выделению семантических компонентов в составе языковых значений). Очень важно в ходе этого анализа разграничивать языковые (узуальные, системные) и речевые (окказиональные) факторы.

Существенную роль в семантических исследованиях играют также трансформационный, психолингвистический и математический методы. Трансформационный анализ (метод синтаксических преобразований) является важным средством разграничения лексико-семантических вариантов и выявления диффузных значений. Вместе с тем он помогает выделить метаязыковые единицы (синонимические, перифрастические и др.). Одним из вариантов такого анализа можно считать синтаксический эксперимент, предложенный Л.В. Щербой [219, 31 – 39].

Психолингвистический метод (различные виды психолингвистического эксперимента), особенно в соединении со статистическими методиками обработки полученных от информантов данных, оказывает существенную помощь при выявлении ассоциативных связей между словами и при составлении ассоциативных словарей, имеющих важное значение в практике преподавания языка. Немаловажную роль играет направленный психолингвистический эксперимент и при решении других семасиологических задач: при разграничении узуальных и окказиональных значений (шире – языковых и речевых значений), при определении парадигматических (синонимических, антонимических, гипонимических) и синтагматических связей единиц языка, а также при решении других проблем [136].

Математические методы изучения значений, в том числе логико-математические, привлекательны прежде всего как точные методы. Но их точность во многом зависит от того, насколько достоверны, объективны исходные языковые данные, которые задаются, как правило, с опорой на интуицию говорящих (авторов или информантов).

Таким образом, все методы, применяемые в семантике, опираются в той или иной мере на интуицию – на интуицию языкового содержания или формы [27, 204, 55]. Интуиция формы предпочтительнее, ибо она более автоматизирована в нашем сознании (и подсознании) и, следовательно, более спонтанна. В этом плане формализацию лингвистических методов следует рассматривать как положительное явление.

Глава 1

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА

ПОНЯТИЕ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Принцип системности единиц языка был обоснован и введен в лингвистику Ф. де Соссюром. Правда, о системном характере языка говорили многие ученые: В. Гумбольдт, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др. Однако, как справедливо считает Э. Бенвенист, «никто столь ясно, как Соссюр, не осознал и не описал системной организации языка» [19, 95]. Язык, по де Соссюру, – «система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности» [181, 120]. Речь, в отличие от языка, не системна. С точки зрения современной лингвистики это не совсем верно: речевые структуры тоже подчиняются принципу системности, хотя и в меньшей мере, чем язык. «Если в речи нет ничего коллективного, то каким образом может стать социальным язык? При анализе этих противоречий неизбежно следует признать, что язык вплетен в речь, присутствует в каждом речевом акте. Если язык – система, то не может быть несистемной и речь. В противном случае люди не могли бы общаться. Тезис Соссюра о самостоятельном бытии языка и речи с точки зрения марксистского языкознания неправилен» [170, 12]. В связи с этим целесообразно разграничивать речь как речевую деятельность (процессы говорения и понимания, акты речи), в которой используются единицы и правила языка (системы языка), и как результат речевой деятельности (устные и письменные тексты, «языковой материал»). Язык в конечном итоге тоже является продуктом речевой деятельности, результатом обобщения текстов. Но чтобы состоялась речь (речевая деятельность), все же нужен язык. Таким образом, «язык одновременно и орудие и продукт речи» [181, 57].

Следует отметить, что де Соссюр в отличие от своих последователей (например, Л. Ельмслева) не считал язык системой чистых отношений, безразличных к какой бы то ни было субстанции. Напротив, в «Курсе общей лингвистики» он неоднократно подчеркивал связь абстрактных сущностей языка с их конкретным материальным субстратом: «...абстрактные сущности в конечном счете всегда основываются на конкретных. Никакая грамматическая абстракция немыслима без целого ряда материальных элементов, которые служат для нее субстратом и к которым в конечном счете необходимо всегда возвращаться» [181, 171].

Не отвергая связей абстрактных сущностей языка с его конкретными единицами, с его материальной субстанцией, де Соссюр вместе с тем подчеркивал особую важность тех признаков единиц языка, которые лежат в основе их тождеств и различий и, следовательно, в основе их системности: «В применении к единице [языка] принцип дифференциации может быть сформулирован так: отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу»; «весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых» [181, 154, 141].

Термины «система языка» и «структура языка» долгое время не разграничивались, употреблялись как синонимы, а де Соссюр говорил везде только о системе языка. В последние десятилетия наметилась, однако, тенденция к их размежеванию. Проследив употребление терминов «система» и «структура» в целом ряде их значений, А.С. Мельничук пришел к выводу, что «наиболее распространенным при различении этих терминов является понимание системы как внутренне организованной совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, а структуры – как схемы взаимоотношений между элементами системы, их внутренней организации» [135, 43]. Такое понимание системы и структуры языка мы находим, например, в работах Ф.П. Филина, Г.П. Мельникова, Э.В. Кузнецовой. Оно вполне согласуется с научными принципами современного языкознания и материалистической диалектикой.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯЗЫКЕ КАК СИСТЕМЕ УРОВНЕЙ

Структурную сложность системы языка установили давно. Об этом свидетельствует, например, традиционное выделение таких уровней, как фонетика, морфология, синтаксис. Однако глубокое теоретическое осмысление система языка получила лишь в современных уровневых (стратификационных) теориях языка.

Одной из первых таких теорий можно считать учение Л. Ельмслева о двух планах языка – плане выражения и плане содержания, восходящее в основе своей к учению Ф. де Соссюра об означающих и означаемых. Выделение этих двух планов прочно вошло в современное языкознание, но все другие членения языка на ярусы (или стратумы), уровни и подуровни остаются пока дискуссионными. Недостатками предлагаемых вариантов членения языка можно считать следующие: 1) понимание системы уровней только как ступенчатой иерархии: единицы более низкого уровня образуют (конституируют) в ней единицы более высокого, а единицы более высокого уровня, наоборот, интегрируют единицы более низкого; 2) неразграничение односторонних и двусторонних единиц языка; 3) объединение моделей «горизонтального» (от морфемы к высказыванию) и «вертикального» (от фонемы к семеме) типов; 4) различение уровней, выделенных на разных основаниях (например, фонологический, морфологический и т.п. уровни выделяются в соответствии с единицами языка, а словообразовательный, морфонологический и т.п. – в соответствии с функциями единиц языка); 5) совмещение в единой системе уровней конкретных и абстрактных единиц языка (например, звуков, фонем и морфем, морфов и морфем, словоформ и лексем и т.д.).

Некоторые из этих недостатков преодолеваются в исследованиях Т.В. Булыгиной и Г.А. Климова, С. Лэма, В.А. Звегинцева. Булыгина и Климов разграничивают одноплановые (незнаковые) и двуплановые (знаковые) единицы языка, а в составе одноплановых, в свою очередь, выделяют единицы выражения (фонологические) и единицы содержания (семантические). К единицам фонологического яруса они относят дифференциальный признак, фонему, слог, акцентную группу (=фонологическое слово) и фонологическую фразу. К единицам семантического яруса отнесены дифференциальный семантиче-

ский признак, семема (общее название для лексического и грамматического значений словоформы), онематема (значение лексемы или эквивалентного ей по номинативной функции фразеологизма) и означаемое предложения. Единицы каждого из этих ярусов языка находятся в конститутивно-интегративных отношениях. Возможность конститутивных отношений между двуплановыми единицами языка справедливо отрицается. Между единицами фонологического и семантического ярусов (например, между фонемой и семемой, слогом и онематемой, акцентной группой и означаемым предложения) усматривается изоморфизм, т.е. сходство в их строении [41].

Американский ученый С. Лэм выделяет шесть ярусов языка (стратумных систем): гипофонемный (ярус дифференциальных признаков фонем), фонемный, морфемный, лексемный, семемный и гиперсемемный (уровень семантических категорий). Каждую из систем характеризует, по его мнению, свой собственный синтаксис (или тактика) и другие типы элементарных отношений. Фонемная и гиперфонемная системы могут быть объединены под названием «фонология», морфемная и лексемная – под названием «грамматика», семемная и гиперсемемная – под названием «семология». Фонология связана с речью, семология – со значением, а грамматика занимает промежуточное положение между ними. При этом «точное соответствие между семологическими и фонологическими системами невозможно» [152, 31 – 32, 11].

В.А. Звегинцев предлагает такую схему уровней языка:

- I этаж – 1. Предложение.
- II этаж – 2. Словосочетание (синтагма).
- 3. Слово.
- 4. Морфема.
- III этаж – 5. Слог.
- 6. Фонема.
- 7. Дифференциальный признак.

«Распределение уровней по этажам, – комментирует он, – указывает на различие их отношений к содержательной стороне языка... I этаж определяется как суперзнаковый (он строится из знаков, но сам не является знаковым); II этаж – как знаковый и III этаж – как субзнаковый (он содержит набор элементов-фигур, из которых строятся знаки» [83, 47].

Суть предлагаемой нами языковой стратификации заключа-

ется в следующем. Любой язык как система состоит из трех ярусов: фонетического, лексико-грамматического (формального) и семантического, находящихся в отношении дополнительности друг к другу. Основной единицей фонетического яруса является звук (звукотип), лексико-грамматического – словоформа, семантического – семема. Структурными компонентами звука как дискретной единицы языка являются интегральные и дифференциальные фонетические признаки; структурными компонентами словоформы – морфы и грамматические множители (непосредственно составляющие компоненты словоформы, отражающие ее словообразовательные и парадигматические связи); структурными компонентами семемы – семы, понимаемые как элементарные, далее не делимые компоненты, и семантические множители, т.е. непосредственно составляющие компоненты семемы, выражающие ее деривационные связи. Сочетания простых единиц языка образуют различные типы сложных единиц (конкретных синтагм): сочетания звуков (нормативных звукотипов) – конкретные фонетические синтагмы, сочетания словоформ – конкретные лексико-грамматические синтагмы, сочетания семем – конкретные семантические синтагмы. Следовательно, в каждом ярусе языка выделяются нулевой уровень (уровень структурных компонентов простых знаковых единиц), уровень простых знаковых единиц и уровень сложных знаковых единиц (уровень синтагм). Каждый уровень представлен, наряду с конкретными, также абстрактными единицами (они составляют подуровни единиц по степени и характеру их абстрактности): фонемами, морфонемами, лексемами, типоформами, абстрактными лексико-грамматическими и семантическими синтагмами (моделями).

КОНКРЕТНЫЕ И АБСТРАКТНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

ЕДИНИЦЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО ЯРУСА

Основными (простыми, исходными) конкретными единицами фонетического яруса языка являются звуки, а основными абстрактными единицами – фонемы и морфонемы.

Звук языка (звукотип) как минимальная единица речевой цепи – это результат отвлечения от всех сугубо индивидуальных свойств звука, от его речевых вариантов (первая ступень фонетической абстракции) и обобщения только нормативных его признаков. Значит, составными компонентами звукотипов являются лишь их нормативные фонетические признаки: глу-

хость, звонкость, мягкость, твердость, лабиальность, дентальность и т.п., имеющие симультанный (от фр. *simultané* 'одновременный') характер и выделяющиеся поэтому в противопоставлениях (парадигматически). Понятие звукотипа очень близко к понятию фонемы у Л.В. Щербы и его учеников и последователей. Щерба, как известно, относил к одной фонеме физические близкие друг к другу звуки, выполняющие одну и ту же смысловозначительную функцию. Например, звуки [л] и [лъ] в слове *голова* [гъл'вá] он считал оттенками (вариантами, как теперь говорят) фонемы /а/, а звуки [т] и [д] в словоформах *сад* [сáт], *сада* [сáдъ] – разными фонемами. Как разные фонемы трактовались им также звуки [и] и [ы].

При отвлечении не только от индивидуальных, но и от несущественных для различения смысла слов нормативных признаков звука (вторая ступень фонетической абстракции) и при обобщении лишь релевантных (т.е. значимых) признаков мы получаем фонему, в понимании Н.С. Трубецкого (или синтагмофонему, в понимании М.В. Панова), т.е. совокупность фонологически значимых признаков, присущих звуку в данной его позиции. Например, в сильной позиции в современном русском языке выделяется пять гласных фонем: /а/, /о/, /у/, /е/, /и/ (например, в *мал*, *мял*, *мол*, *мёл*, *мил*, *мыл*), а в слабой позиции – три фонемы: /а/, /у/, /и/ (например, в *сорок* – *сурок* – *сырок*, *полевой* – *пулевой* – *пылевой*). Таким образом, под ударением в русском языке выделяется максимальное число гласных фонем, т.е. гласные звуки входят в максимальное число фонологических оппозиций (поэтому-то ударная позиция и называется сильной для гласных), а в безударных позициях их количество сокращается до четырех, трех и даже до двух фонем.

Фонемы слабых позиций, которым соответствует несколько фонем (две и более) сильных позиций, Трубецкой называет архифонемами (у Р.И. Аванесова им соответствуют слабые фонемы), а сам факт совпадения двух и более фонем в одной архифонеме – нейтрализацией. Например, в архифонеме /а/ совпали фонемы /а/, /о/ и /е/ (ср.: *воды* /вóди/ – *вода* /вадá/, *травы* /тра́ви/ – *трава* /травá/, *мала* /малá/ – *мела* /м'алá/); в архифонеме /т₂/ совпали фонемы /т/ и /д/ (ср.: *потом* /пóтам/ – *пот* /пот₂/, *годом* /гóдам/ – *год* /гот₂/). При нейтрализации сильных фонем в той или иной позиции некоторые их признаки теряют свою фонологическую значимость, хотя фонетически один из признаков оппозиции может сохраняться.

Поскольку, например, в конце русского слова возможен только глухой шумный, фонологическая оппозиция согласных по глухости ~ звонкости в этой позиции (в отличие, скажем, от украинского, сербскохорватского и английского языков) невозможна, признак же глухости конечных согласных является чисто фонетическим, функционально незначимым. Иначе говоря, пары фонем /д/ – /т/, /б/ – /п/ и т.п. всегда представлены здесь слабыми фонемами (архифонемами) /т₂/, /п₂/ и т.п., отличающимися от соответствующих сильных фонем тем, что в их составе нет ни признака глухости, ни признака звонкости (физическое наличие признака глухости в расчет не принимается, ибо не имеет функциональной значимости).

Нейтрализацию необходимо отличать от фонологической нейтральности. Под нейтральностью понимается безразличие фонемы к противопоставлению по тому или иному признаку (по глухости ~ звонкости, по мягкости ~ твердости и др.) не только в слабых, но и в сильных позициях. Например, шумные согласные [ц], [ч] и все сонорные звуки русского языка нейтральны к фонологическому противопоставлению по глухости ~ звонкости во всех позициях, несмотря на то что в некоторых позициях они имеют звонкие или глухие пары (ср.: *отец – отец был, ночь – ночь была, лось – вошь*); звуки [ц] и [ч] не имеют фонологических пар также по мягкости ~ твердости, т.е. они нейтральны и к этой фонологической оппозиции. Вообще говоря, фонологически нейтральным можно считать такой признак данного звука, который не участвует в фонологических (смыслоразличительных) оппозициях.

От своих вариантов фонемы в таком их понимании отличаются следующими двумя свойствами: 1) фонемы находятся в отношении контрастной дистрибуции по отношению друг к другу, а их варианты – в отношении свободного варьирования или дополнительной дистрибуции (дополнительного распределения); 2) фонемы (по Л. Ельмслеву) связаны друг с другом отношением коммутации, а варианты фонем – отношением субституции¹.

Итак, на второй ступени фонологической абстракции сознание говорящих выделяет фонемы (в понимании Трубецкого), т.е. абстрактные единицы языка, представляющие собой совокупности (пучки) значимых признаков звука, обусловленных

¹ О разграничении фонем и сочетаний фонем см. [192, 62 – 73].

теми фонологическими оппозициями, в которые он входит, и той позицией, которую он занимает. Фонема – понятие функциональное, и поэтому оно полностью определяется через понятия позиции, оппозиции и фонологического признака.

Кроме сегментных (линейных) простых абстрактных единиц языка, каковыми являются фонемы, на втором уровне фонетической абстракции выделяются также суперсегментные (нелинейные) фонологические единицы: диэремы, просодемы и интономы.

Диэремы – это «фонемы стыка», т.е. признаки звуков, выполняющие функции пограничных сигналов между словами или морфемами. Так, звук [а] между мягкими согласными внутри слова становится максимально закрытым (*пять*), но на границе между двумя словами он остается открытым (*царь Александр; быть, а не знать*); внутри фонетического слова мягкие губные невозможны перед твердыми губными, а на стыке слов они допустимы (*оставь нас, сыпь сюда*)¹.

Просодемы – это фонологические признаки ударения (ср. оппозиции типа *му́ка ~ мука́, за́мок ~ замо́к*). Ударение может быть силовым (экспираторным), тоновым (музыкальным, или моровым) и количественным (квантитативным). Обычно эти типы ударений сочетаются друг с другом. Например, русское ударение является количественно-силовым, сербское – музыкально-силовым и т.д.

Интономы – это типы интонации, выполняющие фонологическую функцию (ср.: *Он пришел. ~ Он пришел?*). Под интонацией в современной лингвистике понимается обычно мелодика, тактовое и фразовое ударение, паузы, темп, ритм и тембр (иногда в понятие интонации включают только мелодику). В русском языке интонация, в частности мелодика, лежащая в основе интоном, выполняет главным образом семантико-синтаксические функции, т.е. выделяет коммуникативные и модальные типы предложения, обособленные члены предложения и т.д. (поэтому она и изучается обычно в синтаксисе). Е.А. Брызгунова различает семь типов интонационных конфигураций, имеющих фонологическую значимость (семь интоном): ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-4 и т.д.². В китайском языке, на-

¹ Учение о диэремах в русском языке наиболее полно разработал М.В. Панов.

² См.: Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. 5-е изд. М., 1983.

против, с помощью интонации (музыкальных тонов) дифференцируется и семантика слов (здесь четыре типа тонов)¹.

Таким образом, на фонологическом уровне абстракции выделяются два основных типа простых единиц языка: сегментные (собственно фонемы) и суперсегментные (диэремы, просодемы и интонымы). Основными (базовыми) являются фонемы.

На третьей ступени абстракции мы отвлекаемся от любых физических признаков звука – нормативных и ненормативных, фонологических и нефонологических, – учитывая лишь общность позиции звуков или фонем в составе данной морфемы, и получаем в результате этого отвлечения морфонеми. Термин «морфонема» принят в работах М. Халле, Л.Р. Зиндера и др. Р.И. Аванесов называет морфонеми фонемным рядом, С.И. Бернштейн – фонемой второй ступени, М.В. Панов – парадигмофонемой. Морфонеми, в отличие от фонем как компонентов слогов и фонетических слов, выделяются только в составе морфемы. Они представляют собой, в сущности, ряды фонетически обусловленных чередований. Например, чередующиеся гласные [о // а // ы] в корневых морфемах словоформ *воды* [вóды], *вод* [вóт], *вода* [вaдá], *воде* [вaд'é] составляют морфонеми /о/; чередующиеся согласные [д // т // д'] в тех же корневых морфемах образуют морфонеми /д/ и т.д. Спорным остается вопрос о том, следует ли рассматривать как морфонеми исторические чередования (например, чередование [к//ч] в корневой морфеме словоформ *пеку*, *печешь*). Н.С. Трубецкой относил такие чередования к морфонемам. Более того, только такие чередования он и называл морфонемами. Многие современные ученые (например, А.А. Реформатский), как правило, исключают их из морфонологии и относят к области грамматики, мотивируя это тем, что исторические чередования не обусловлены фонетической системой современного языка (синхронными фонетическими нормами) и что они используются чаще всего для дифференциации грамматических форм. С этим нельзя не согласиться, тем более что в исторических чередованиях не выделяются сильные и слабые фонемы (по крайней мере, в синхронном плане).

Фонетика естественных языков вполне может обойтись рассмотренными тремя ступенями абстракции, подразделяющими ее на фонетику языка (или сонемнику), фонологию (или фоне-

¹ См.: *Задогенко Т.П., Шуйн Хуан. Основы китайского языка. Вводный курс.* М., 1983. С. 17.

мику) и морфологию (или морфонемику). Однако в абстрактной фонологии искусственных семиотических систем возможна и четвертая ступень абстракции, на которой абстрагируются от любой фонетической или какой-либо иной конкретной субстанции (но не от субстанции вообще), учитывая лишь характер парадигматических и синтагматических соотношений между единицами любой субстанции, т.е. их оппозиции (парадигматику) и позиции (синтагматику, дистрибуцию). Абстрактные фонемы такого типа выделяют американский ученый У. Туодел, датский ученый Л. Ельмслев и др.

Из простых (основных) фонетических единиц образуются сложные единицы (всех трех ступеней абстракции): из звуков (звукотипов) – фонетические слоги, из слогов – фонетические слова, из слов – речевые такты, из тактов – фонетические фразы; из фонем – фонологические слоги, из слогов – фонологические слова, из слов – такты, из тактов – фонологические фразы и т.д. Однако и речевые такты и фонетические фразы могут быть представлены также отдельными фонетическими словами (а фразы – и отдельными речевыми тактами) (*Зима; Холодно; Сильный мороз*). Возможны и фразы, равные одному звуку (*О!* – междометное предложение). Слоги могут быть семантически значимыми (*дом, сон, пильщик*) и незначимыми (*страна, сестра*), а фонетические слова, речевые такты и фонетические фразы всегда обладают значением. Более того, само выделение этих единиц в речи обусловлено главным образом семантическими факторами.

Все сложные фонетические единицы – это ритмические единицы: они представляют собой ряды (последовательности) более мелких единиц, чередующихся по тем или иным признакам. Минимальной ритмической единицей языка является слог. Он состоит из минимальных неритмических единиц: из звуков (как фонетическая единица) или из фонем (как фонологическая единица). К сложным ритмическим единицам относят фонетические (или фонологические) слова, речевые такты и фразы. Фонетическое слово – это слог или ряд слогов, объединенных единым словесным ударением. Оно соотносится с одним или несколькими грамматическими словами (русск. *лес, в лесу*; болг. *струва се му* ‘ему кажется’; с.-х. *чини се ми* ‘мне кажется’ и т.д.). Носителями словесного ударения являются обычно гласные или сонорные согласные (ср. чешск. *vlk*, с.-х. *врх* и т.п.), но функционально оно характеризует фонетическое слово в целом. Речевые такты – это отдельные фонети-

ческие слова или ряды фонетических слов, выделяемые в составе фонетической фразы паузами и единым тактовым ударением (т.е. наиболее интенсивным в речевом такте словесным ударением) (*Думаю/, ты в этом не прав*). Наконец, **фонетические фразы** – это фонетические слова, речевые такты и их ряды, выделяемые единым фразовым ударением и другими компонентами интонации (*Постой!; Позвони мне сегодня вечером; Когда вернешься/, позвони мне*). Фонетические фразы – это максимальные ритмические единицы языка.

Рассмотренные три типа фонетических единиц отображаются условно в трех типах транскрипции: звуковой, фонологической и морфонологической (по Аванесову, фонетической, словофонематической и морфонематической).

ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ЯРУСА

Основными конкретными (реальными) единицами лексико-грамматического яруса языка являются словоформы, а основными абстрактными единицами – лексемы, типоформы и грамматические формы.

Словоформа – это форма или одна из форм конкретного слова, способная стать элементом речи (текста). Например, предложение *Скоро наступит ночь* состоит из словоформ *скоро, наступит, ночь*. Независимо от того, извлекаются словоформы из нашей памяти или создаются в процессе акта речи по известным правилам формообразования, они являются, в отличие от абстрактных единиц лексико-грамматического яруса (лексем, типоформ и др.), конкретными единицами текста. В составе лексико-грамматического (или грамматического, т.е. формального) яруса словоформа – минимальная самостоятельная конкретная единица языка. Ее минимальными несамостоятельными структурными компонентами являются конкретные варианты морфем (морфы) (*пере-пис-а-ть* – *пере-пиш-у* и т.д.).

Лексема – это класс (парадигма) словоформ, идентичных по лексическому значению и принадлежащих к одной и той же части речи, т.е. тождественных по своей синтаксической функции, по «частеречному значению»¹. Например, все словоформы числа и падежа существительного *дом* образуют лексему *ДОМ*

¹ В таком же примерно значении термин «лексема» употребляется в работах Н.И. Толстого и Э.В. Кузнецовой.

(в словарях в качестве ее символа используется форма именительного падежа единственного числа), все словоформы глагола *петь* образуют лексему *ПЕТЬ* (в словарях русского языка она дается обычно в инфинитиве, а в словарях болгарского языка – в форме 1-го лица единственного числа) и т.д. Структурными компонентами лексемы являются морфемы, а ее идентифицирующими элементами – неформообразующие морфемы (формообразующие морфемы, напротив, дифференцируют словоформы одной лексемы).

Типоформа (термин введен А.И. Смирницким) [178] – это класс словоформ с одним и тем же формантом (формообразующим аффиксом) [*порт-а ~ стен-а ~ стран-а...* = типоформа (ТФ) с общим формантом *-а*]. Формант как инвариант, как идентификатор типоформы должен быть тождествен сам себе не только субстанционально (физически), но и функционально. По этой причине нельзя, например, отнести к одной типоформе слова *село*, *холодно*, *быстро*, хотя конечные их форманты физически тождественны. Грамматическая парадигма (например, парадигма склонения) представляет собой, следовательно, систему типоформ.

Грамматическая форма – это класс типоформ, тождественных по семантико-грамматической функции [$ТФ_1$ (*столов*, *домов...*) ~ $ТФ_2$ (*стульев*, *сучьев...*) ~ $ТФ_3$ (*коней*, *саней*) ~ ... $ТФ_n$ (*солдат*, *партизан...*) = грамматическая форма (ГФ) {род.п. мн.ч.}] [178]. Материальная общность формантов для всех типоформ грамматической формы не обязательна, необходима лишь общность их семантико-синтаксических функций.

Сочетания простых единиц образуют различные типы лексико-грамматических синтагм (простых и сложных).

Сочетания словоформ и их возможные комбинации дают конкретные лексико-грамматические синтагмы, т.е. простые и сложные словосочетания (*интересная книга*, *ученик читает книгу* и т.д.) [201, I, 131, 182 – 190, 201; II, 451 – 458]. Строение и грамматических слов (словоформ) и грамматических синтагм определяется в основном их семантическими функциями, их смыслом, но вместе с тем и те и другие идиоматичны. Например, фразеологизмы *бить баклуши*, *питать надежду*, *кот наплакал* с формально-грамматической точки зрения представляют собой синтагмы, т.е. сочетания словоформ (грамматических слов), а с точки зрения содержания являются простыми единицами языка – эквивалентами слов.

В результате сочетания лексем в сознании возникают абст-

рактные лексико-грамматические синтагмы (конструкты), представленные на уровне частей речи конкретными лексическими значениями (ЛЗ). Например, существительное с ЛЗ 'ученик', глагол с ЛЗ 'читать', существительное с ЛЗ 'книга' реализуются в конкретных лексико-грамматических синтагмах *Ученик читает книгу. ~ Ученики читают книги. ~ Ученикам читают книгу* и т.п.; существительное с ЛЗ 'мальчик', глагол с ЛЗ 'рисовать', существительное с ЛЗ 'карандаш' реализуются в конкретных лексико-грамматических синтагмах *Мальчик рисует карандаш. ~ Мальчик рисует карандашом. ~ Мальчики рисуют карандашами* и т.д.

Сочетание типочформ по правилам, предусмотренным нормами языка, дает абстрактные формально-грамматические синтагмы на уровне формальных классов словоформ той или иной части речи. Например, существительное с нулевым окончанием, глагол с окончанием *-ет*, существительное с окончанием *-у* реализуются в синтагмах *Мальчик читает книгу. ~ Брат встречается сестру. ~ Ученик рисует кошку* и т.п.; ср. в этой связи искусственную фразу Л.В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка*¹.

Наконец, последовательности грамматических форм, упорядоченные тем или иным способом (в реальной речи – в соответствии с содержанием высказывания), образуют абстрактные семантико-грамматические синтагмы на уровне функционально-грамматических классов словоформ той или иной части речи. Например, ГФ именительного падежа единственного числа существительного, ГФ 3-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения глагола, ГФ винительного падежа единственного числа существительного реализуются в конкретных лексико-грамматических синтагмах *Мальчик читает книгу. ~ Мать пишет письмо. ~ Машина везет груз* и т.д. Такие синтагмы и лежат обычно в основе грамматического моделирования словосочетаний и предложений.

Все рассмотренные единицы лексико-грамматического яруса языка немислимы вне их связи с частями речи. Это необходимо учитывать при построении даже абсолютно формальных лексико-грамматических синтагм (моделей, схем). Таким образом, любое грамматическое оформление единиц языка начинается с их распределения по частям речи, что подтверждается языковой практикой: есть языки без грамматических категорий

¹ Различные интерпретации этой фразы см. [109, 75 – 81].

(китайский, японский и др.), но нет языков без частей речи. Это заставляет нас думать, что части речи и соответственно члены предложения являются обязательным условием языкового мышления.

ЕДИНИЦЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЯРУСА

Основными конкретными единицами семантического яруса языка являются семемы, а основными абстрактными единицами – лексические, словообразовательные и грамматические значения.

Семема – это содержательный аналог, семантическая функция словоформы как основной единицы лексико-грамматического яруса. Например, словоформе *пишу* соответствует семема ‘пишу’, словоформе *пишут* – семема ‘пишут’ и т.д. Структурными компонентами семемы являются семы и семантические множители. Семы – это элементарные, далее не делимые для языкового сознания компоненты семем (например, такие компоненты, как ‘быть’, ‘предмет’, ‘действие’, ‘состояние’ и т.п.). Семантические множители – это непосредственно составляющие семемы. Они могут быть и сложными по своему составу. Например, непосредственно составляющими семемы ‘юноша’ являются семантические компоненты ‘молодой’, ‘взрослый’, ‘мужчина’ и ‘обычно неженатый’ (последний компонент имеет факультаивный характер).

Лексическое значение – это общее (инвариантное) значение всех словоформ данной лексемы, отвлеченное от их грамматических значений (если лексема однозначна), или одно из инвариантных значений лексемы (если она многозначна). Таким образом, одна и та же лексема (в сочетании, разумеется, с другими знаковыми средствами языка) может выражать несколько лексических значений (полисемия), и наоборот, одно и то же лексическое значение может выражаться несколькими лексемами и эквивалентными им по функции фразеологизмами (синонимия). В связи с этим встает вопрос о лексеме как потенциально многозначной единице системы языка и о лексеме как единице типового синтаксического контекста, обладающей только актуальным значением. Лексему как единицу системы языка называют иногда словом-ономатемой, а лексему как единицу контекста, представленную одной из своих словоформ, – словом-синтаксемой.

Словообразовательное значение – это в конечном итоге зна-

чение словообразовательного аффикса, являющееся частью лексического значения производного слова. Например, приставка *под-* в глаголе *подходить* имеет словообразовательное значение приближения, приставка *у-* в глаголе *уходить* – значение удаления, суффикс *-тель* в существительном *читатель* – значение действующего лица. От лексического словообразовательное значение отличается, в принципе, лишь тем (если отвлечься от абсолютно конкретных лексических значений), что его внешнее формальное выражение связано с аффиксальными (а не с корневыми) морфемами и соответствующими деривационными моделями (или формулами, операциями). Более абстрактный характер словообразовательных значений (по сравнению с лексическими) обусловлен прежде всего тем, что они связаны, как правило, с сериями слов, созданных по одной модели, т.е. со словообразовательными типами (*читатель*, *писатель*, *издатель* и т.д.). Поэтому словообразовательные значения, как и грамматические, всегда функционируют как категориальные, т.е. они выражают абстрактное содержание тех или иных семантических категорий и субкатегорий. Иными словами, в состав словообразовательных значений входят лишь категориальные семы, лексические же значения могут включать и некатегориальные семы.

Грамматическое значение – это языковое содержание словоформы, остающееся после вычитания из нее лексического и словообразовательного значений (о положительном определении грамматического значения см. далее). Например, в словоформе *идем* это значение 1-го лица множественного числа настоящего времени. Во флективных языках грамматические значения имеют, как правило, комплексный характер, т.е. грамматическая семантика словоизменительного аффикса часто бывает представлена несколькими грамматическими значениями, несколькими «граммемами» (как, например, в *идем*). В пределах лексемной (словесной) парадигмы эти значения дифференцируются. Например, в парадигме *иду ~ идешь ~ идет ~ идем ~ идете ~ идут* дифференцируются значения лица и числа, в парадигме *несу ~ нес ~ буду нести* – значения времени, в парадигме *несу ~ неси ~ нес бы* – значения наклонения. Системы грамматических значений таких парадигм в их единстве с грамматическими формами образуют грамматические категории.

При сочетании простых единиц семантического яруса обра-

зуются различные типы простых и сложных семантических синтагм конкретного или абстрактного характера.

Сочетания семем, созданные по правилам их семантического согласования, представляют собой простые конкретные семантические синтагмы (*новый дом, ребенок спит* и т.п.). В результате более сложных комбинаций семем и простых семантических синтагм образуются сложные семантические синтагмы (*новый дом + уже + строится* → *новый дом уже строится*; *мы узнали + изъяснительное отношение + новый дом уже строится* → *мы узнали, что новый дом уже строится*). Вопрос о линейности семантических единиц является спорным. У. Чейф считает, например, что содержание предложений имеет не линейный, а конфигуративный характер [204]. С точки зрения системы языка это, видимо, верно. Так, многие словоформы, особенно глагольные, выражают целый комплекс понятий (к примеру, со словоформой *делает* связаны и понятие о действии, и понятие о действующем лице, и понятие об объекте действия, и понятие о времени, и понятие о числе¹). Однако в конкретном речевом высказывании смысл (по крайней мере, основное содержание, номинативный его аспект) расчленяется (квантуется) в соответствии с линейной упорядоченностью словоформ.

Абстрактные семантические синтагмы (или семантические модели) возможны, как мы видели, уже на уровне лексико-грамматического яруса языка: на уровне неграмматических значений лексем (например, существительное с ЛЗ 'учитель', глагол с ЛЗ 'читать', существительное с ЛЗ 'ученик', существительное с ЛЗ 'книга': *Учитель читает ученикам книгу. ~ Учителя читают ученикам книги*) и на уровне значений грамматических форм (например, ГФ именительного падежа единственного числа существительного, ГФ 3-го лица единственного числа настоящего времени глагола, ГФ винительного падежа единственного числа существительного: *Отец пишет письмо. ~ Сын читает книгу*), но отвлечения от частей речи такие модели не допускают. Иначе обстоит дело на семантическом ярусе. Здесь возможно полное отвлечение и от общекатегориальных значений (или значимостей) частей речи, и от значений (или значимостей) их грамматических категорий. В основе таких обобщений лежат абстрактные понятийные ком-

¹ Интересные мысли о семантической целостности пропозиций и лежащих в их основе реляционных предикатов см. [99].

поненты лексических значений, которые называются семантическими категориями. Семантические категории (СК) имеют обычно и самостоятельное словесное выражение (*предмет, лицо, деятель, объект, адресат, действие, состояние, отношение, оценка, поведение* и т.п.). Такие слова и используются, как правило, в качестве идентификаторов семантических классов слов (семантических полей). Вместе с тем они употребляются для конструирования абстрактных семантико-синтаксических моделей (абстрактных синтагм) на уровне семантических классов слов той или иной степени абстракции: «*деятель* – его действие – результат этого действия», «*лицо* – его состояние», «*физический предмет* – его состояние», «*одушевленный предмет* – его поведение – оценка этого поведения» и т.д. Чем же отличаются семантические категории от грамматических? На этот вопрос коротко можно ответить так: для грамматических категорий (ГК) необходимо противопоставление грамматических форм (форм словоизменения и синтаксических конструкций). Например, в тюркских языках нет противопоставления ГФ рода, нет и ГК рода; в болгарском языке нет противопоставления ГФ падежа, нет и ГК падежа. Иначе говоря, содержание грамматической категории выражается только противопоставлением грамматических форм, т.е. парадигмами грамматических форм. Кроме того, грамматические категории могут быть и чисто формальными (например, род, число и падеж у русских прилагательных). Что же касается семантических категорий, то они могут выражаться как грамматическими формами, так и многими другими средствами языка: лексическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими. Просьбу, например, можно выразить и формой повелительного наклонения (*Останься*), и словом *прошу* (*Прошу остаться*), и формой сослагательного наклонения в сочетании с определенной интонацией (*Остался бы...*), и т.д. Тожественные или сходные функции языковых средств являются предметом изучения функциональной грамматики.

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Слово многие ученые (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий и др.) считают основной единицей языка. По мнению Виноградова, слово – это фокус, в котором отражаются все важнейшие свойства языка [61, 22]. Тем не менее

единого понимания слова, общепринятого его определения до сих пор нет. Именно это обстоятельство побудило уже Ф. де Соссюра усомниться в том, следует ли основную единицу языка искать в слове [181, 137–138]. Какие же определения слова предлагались учеными и почему ни одно из них не стало общепризнанным?

Не так давно была предпринята попытка свести важнейшие научные определения слова к шести типам: 1) слово – это предельный минимум предложения (Щерба, Блумфилд и др.); 2) слово – это минимальная синтаксическая единица (Бодуэн де Куртенэ, Мейе, Сепир и др.); 3) слово – это минимальная значимая единица речи (Реформатский, Ельмслев и др.); 4) слово – это единица языка, совмещающая в себе фонетические, грамматические и семантические признаки (Овсяннико-Куликовский, Мейе, Бюлер, Виноградов и др.); 5) слово – это обозначение элемента действительности (Виноградов, Дорошевский, Галкина-Федорук и др.); 6) слово – это самостоятельный и цельный элемент речи (Фортунатов, Мейе, Вандриес, Виноградов и др. [5]. Все эти определения по сути своей верны, но ни одно из них не исчерпывает всех признаков слова как основной единицы языка и ни одно из них не соответствует нашему обиходному пониманию слова. Под первое и второе определения не подойдут, например, слова, не употребляющиеся в функции предложения, т.е. предлоги, послелоги, союзы, частицы, артикли и т.п.; третье определение не ограничивает слова от морфемы и исключает из состава слов единицы типа *баклуши*, *балясы*, *тормашки*, *впросак*, *зги*, употребляющиеся во фразеологизмах (*бить баклуши*, *точить балясы*, *вверх тормашками*, *попасть впросак*, *ни зги не видно*); четвертое определение не отделяет слово от словосочетания и предложения, тоже совмещающих в себе фонетические, грамматические и семантические признаки; пятое и шестое определения имеют слишком общий характер и не раскрывают языковой сущности слова.

Предпринималось немало попыток дать определение слова и на основании большего числа признаков. Н.М. Шанский выделяет, например, 12 признаков, в том числе фонетическую оформленность, семантическую валентность, непроницаемость, недвуударность и др. Но и такие определения оказались не вполне удовлетворительными.

Наиболее приемлемым, пожалуй, является определение слова как минимальной самостоятельной значимой единицы

языка (ср. близкое к нему определение В.М. Жирмунского: «Слово есть кратчайшая единица языка, самостоятельная по своему значению и форме» [79, 7]). Это определение предполагает единство в слове всех трех его сторон: фонетической, грамматической и семантической. Но именно к слову оно все же в ряде случаев и неприменимо. Конечно, такие слова, как *строитель, строительный, строительство* и т.п., представляют собой единство фонетических, грамматических и семантических признаков. А как быть со словами типа *в лесу, не могли бы, во что бы то ни стало?* В первом случае фактически мы имеем одно фонетическое и два грамматических слова, во втором – одно фонетическое и три грамматических, в третьем – два фонетических и шесть грамматических, выражающих, по существу, одно лексическое значение¹. Еще сложнее структура французской фразы *Il ne s'en doute pas* 'Он в этом не сомневается', реализующей одно фонетическое слово, шесть грамматических (фиксируются орфографией) и четыре «семантических», т.е. четыре значения: 'он', 'сомневаться', 'отрицание', 'это' (плюс грамматические значения).

Из приведенных примеров со всей очевидностью следует: 1) слово не всегда является трехсторонней единицей, фиксирующей в себе фонетический, лексико-грамматический и семантический параметры языка; 2) фонетическое слово, если под ним понимать ряд звуков (или фонем), объединенных словесным ударением, не всегда представляет собой лишь одно грамматическое слово; 3) грамматическое слово (словоформа) не всегда соотносится лишь с одним «семантическим» словом (с одним лексическим значением), и наоборот. Более того, законом языка является скорее асимметрия функционально-относительных фонетических, лексико-грамматических и семантических единиц языка, что и было отмечено уже С.И. Карцевским, а позднее чешским ученым В. Скаличкой. Таким образом, слово как единство звучания, значения и формы – всего лишь абстрактное условное обозначение комплекса единиц языка (фонетических, лексико-грамматических и семантических), связанных друг с другом только функционально.

Итак, мы пришли к выводу, что определить слово как единство спаянных друг с другом функционально соотноси-

¹ Ср. понятие фракционированного знака у Ш. Балли: «Фракционированным знаком мы называем распределение одного означаемого между несколькими псевдозначащими, которые имеют смысл только в их совокупности» [16, 161].

тельных фонетических, лексико-грамматических и семантических единиц языка во многих случаях практически невозможно, а теоретически такое определение, видимо, вообще неприемлемо. Поэтому необходимо признать оправданность терминов «фонетическое слово» (resp. «фонологическое слово») и «лексико-грамматическое слово» (или «грамматическое слово»). Термином «грамматическое слово» можно именовать и конкретное грамматическое слово (словоформу) – в соответствии с традицией Ф.Ф. Фортунатова и А.М. Пешковского, – и абстрактное грамматическое слово (лексему) – в принятом выше ее понимании. В термине «семантическое слово», очевидно, нет необходимости, если его употреблять как синоним терминов «значение», «семема», «лексико-семантический вариант» и т.п. Лучше в таких случаях говорить о семантических функциях (или значениях) грамматических слов. Но вполне допустимо противопоставление семантических, т.е. наделенных семантической функцией (значением), и асемантических, формальных, т.е. не наделенных семантической функцией, грамматических слов. Слово в обиходном понимании – это прежде всего грамматическое слово (ср. контексты типа *значение слова, одно из значений слова*). На него ориентирована унилатеральная теория языкового знака [180, 92 – 125; 150, 45 – 60]. Только по отношению к нему реальна постановка вопроса о тождестве и отдельности слова в пределах предложения в соответствии с идеями А.И. Смирницкого [176, 177]. Следовательно, именно грамматическое слово следует рассматривать в качестве основной единицы системы языка. Однако при этом необходимо, разумеется, помнить, что функционирование и, значит, выделение грамматического слова невозможно вне связи с семантической или какой-либо иной его функцией, а также вне связи с его материальной (фонетической) субстанцией.

МОРФЕМА КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Морфема – это абстрактная (инвариантная) единица языка, конкретными представителями которой в составе словоформ выступают морфы (варианты морфемы). И морф и морфема являются несамостоятельными единицами: они функционируют как структурные компоненты словоформ и лексем (самостоятельных единиц). Чаще всего морфему определяют как значимую единицу языка. Однако это определение не всегда соответствует реальным языковым фактам. Невозможно, на-

пример, приписать какие-либо значения выделенным морфемам в словах *о-крошка*, *вод-о-воз*, *чит-а-ть*, *реш-и-ть*, *чеп-ец*. Таких случаев немало. И с ними нельзя не считаться. Поэтому, чтобы сохранить статус морфемы как значимой единицы языка, т.е. как единицы, обладающей и планом выражения, и планом содержания, ученые вынуждены постулировать новые структурные компоненты слова: интерфиксы, субморфы и т.п., не имеющие самостоятельного значения. Так, Е.А. Земская трактует аффиксы *-ец*, *-ок*, *-ик*, *-ак* в словах *конец*, *чулок*, *парик*, *колпак* как субморфы (они «тождественны морфам данного языка, но только по форме»), а аффиксы *-л-*, *-в-*, *-ин-*, *-ан-* в словах *жи-л-ец*, *пе-в-ец*, *чит-ин-ск-ий*, *америк-ан-ск-ий* – как интерфиксы (как «межморфемные прокладки, играющие в структуре слова чисто соединительную функцию») [85, 81 – 82, 113]. В.В. Лопатин относит к интерфиксам только соединительные элементы сложных слов, усматривая в них особый (третий) тип словообразовательного значения – синтагматическое значение (с чем, впрочем, очень трудно согласиться) и квалифицируя их, следовательно, как морфемы – значимые части слова. Структурные же компоненты слова, лишённые (с точки зрения автора) самостоятельной семантической функции и обладающие лишь формальной (морфонологической) значимостью (например, *-ос* в *космос*, *-ец* в *чепец*, *-в-* в *певун*, *-ов-* в *орловский*), он рассматривает как субморфы, т.е. как части морфов, как их линейные сегменты.

Как же оценить рассмотренные концепции? Думается, что при всей важности выделения субморфов и интерфиксов как специфических структурных компонентов слова или морфемы (морфа) нельзя все же в принципе отрицать возможность в языке как семантических (значимых), так и асемантических морфем. Реальным языковым фактам в большей мере отвечает другой вывод: как и грамматические слова, морфемы могут не иметь значений, но всем им присущи те или иные функции (словообразовательные, формообразовательные, морфонологические, согласовательные и т.п.) и системные значимости. Несомненно, однако, и другое: хотя семантическая функция для морфем и не является обязательной, в большинстве своем они (причем не только корневые, но и аффиксальные) все же имеют значения. В связи с этим встает такой важный вопрос: чем же значения морфем отличаются от значений слов? Правильный ответ на него дал, на наш взгляд, М.В. Никитин. Все функциональные содержательные (контенсивные) единицы

языка он подразделяет на четыре типа: дистинкторы, фиксаторы, номинаторы и коммуникаторы. «Дистинктором является такая единица, которая способна различать смысл в составе единиц высшего порядка, но сама по себе не соотносится с каким-либо концептом...» [144, 8]. Дистинкторы могут быть простыми (фонемы в функциональном понимании) и сложными (единицы любого порядка в их фонологическом аспекте). К фиксаторам относятся «те единицы, которые не только различают смысл, но и фиксируют его, т.е. соотносены с определенными единицами содержания» [144, 8]. В их состав входят морфемы, служебные слова и соответствующие им сложные единицы, а также просодические (интонация) и схемные (чередования, нулевые морфемы) средства. Например, в равенстве *вино : кино = вол : кол* единицы *в* и *к* имеют лишь статус дистинкторов, тогда как в равенстве *в лодке : к лодке = в ванне : к ванне* они обладают также статусом фиксаторов. Номинатор – это такая единица, «которая сама по себе способна актуализировать в сознании фиксируемый ею концепт». Следовательно, фиксаторы отличаются от номинаторов тем, что «актуализируют связанный с ними смысл только в составе номинаторов». Например, десигнатор *чан* как слово может сам по себе выражать понятие ‘вид сосуда...’, т.е. быть номинатором, выполнять номинативную функцию, а тот же десигнатор в статусе морфемы актуализирует смысл ‘житель некоторого места’ только лишь в составе номинативных единиц (*ростовчане, свердловчане* и т.п.), т.е. сам по себе он не может выражать понятие, выполнять номинативную функцию. Наконец, коммуникатор – это функциональная языковая единица, содержащая сообщение, простой коммуникатор – «приблизительно то же, что предложение в обычном функциональном понимании» [144, 9]. Все рассмотренные единицы могут быть простыми и сложными. При этом единицы более высокого порядка выполняют, кроме своих собственных, также функции единиц низшего порядка: фиксаторы выполняют также функции дистинкторов, номинаторы – функции фиксаторов и дистинкторов, коммуникаторы – функции номинаторов, фиксаторов и дистинкторов.

Итак, слова в отличие от морфем являются номинативными единицами (номинаторами), способными выражать понятия самостоятельно, независимо от их окружения. Значит, морфему (морф) можно рассматривать как структурный компонент слова не только в формальном (грамматическом), но и

в содержательном плане. «Номинативность, таким образом, является функцией синтаксической автономии языковой единицы от окружения при сообщении связанного с ней значения» [144, 10]. А поскольку степень самостоятельности словесных единиц языка (номинаторов) разная, степень их номинативной способности тоже неодинакова.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Слова и морфемы являются простыми единицами языка: слово (грамматическое слово) – это самостоятельная простая единица языка, а морфема – его минимальный структурный компонент, не способный функционировать самостоятельно.

Словосочетания (как свободные, так и устойчивые) относятся к сложным единицам языка: они состоят из грамматических слов (словоформ). Как и слова, словосочетания имеют три аспекта: фонетический, лексико-грамматический и семантический, причем асемантические словосочетания (при наличии значительного числа асемантических слов и морфем) в естественных языках практически вряд ли возможны. Слово в составе словосочетания как бы теряет в той или иной мере свой обобщающий характер, приобретая какое-либо конкретное значение (лексическое или грамматическое). При этом словосочетание – лишь первая ступень конкретизации слова. Следующими ступенями его конкретизации и актуализации являются предложение (высказывание) и текст.

С точки зрения принятой нами общей стратификации языка словосочетания должны рассматриваться как любые грамматически оформленные соединения слов, взятые в их отвлечении от вещественного (предметно-логического) содержания, т.е. как лексико-грамматические синтагмы. Такое понимание словосочетания, близкое к его трактовке в трудах Ф.Ф. Фортунатова и А.М. Пешковского, охватывает все возможные виды сочетаний слов: предикативные и непредикативные, простые, сложные и комбинированные, с подчинительными и сочинительными связями. Однако все словосочетания должны обязательно удовлетворять двум условиям: грамматической правильности и номинативной самодостаточности (относительной смысловой законченности). Первое условие предполагает оформление любого словосочетания по морфологическим и синтаксическим нормам данного языка; второе же условие требует, чтобы словосочетание имело смысл. Необходимость осмысленности

словосочетания определяется его номинативной функцией, но из этого отнюдь не следует, что значение и грамматическая форма словосочетания абсолютно изоморфны друг другу. Напротив, они в значительной мере самостоятельны, так как связаны между собой не субстанционально, а функционально.

При таком понимании словосочетания устойчивые и идиоматические сочетания слов тоже следует рассматривать как лексико-грамматические синтагмы, а их компоненты – как грамматические слова. Нельзя, следовательно, согласиться с А.И. Молотковым в том, что словосочетание, лежащее в основе фразеологизма, является лишь его генетическим источником, его прототипом и что компоненты фразеологизма, сохранив звуковой образ слова, не являются словами ни по значению, ни по форме. По его мнению, фразеологизм «отличается от словосочетания, во-первых, своим составом: если словосочетание – это сочетание слов по определенным законам языка, то фразеологизм – не словосочетание, так как он составляется не из слов, а из компонентов, только генетически восходящих к слову; во-вторых, тем, что компонент фразеологизма не только не имеет лексического значения, но и утратил формы изменения слова, а соответственно и все лексико-грамматические особенности слова, так как ни парадигматические формы фразеологизма, ни формальные варианты компонента фразеологизма не выражают их» [140, 26]. Утверждая это, Молотков исходит из убеждения в том, что словом может быть только двусторонняя единица языка, состоящая из означающего (формы) и означаемого (значения), и из предпосылки, что слово должно быть представлено всеми его возможными «парадигматическими формами» (формами словоизменения). Но эти предпосылки нельзя признать аксиомами. Они сами требуют серьезного научного обоснования. И прежде всего надо доказать, что лексическое значение должно быть присуще всякому слову.

Мы уже знаем, что многочисленные попытки определить слово как двустороннюю или трехстороннюю единицу языка не увенчались успехом. Поэтому лингвисты, да и сами носители языка, исходят обычно не из слова вообще, а из фонетического или грамматического слова. Абстрактное грамматическое слово (лексема) – это класс словоформ, реально функционирующих и объективно вычленяемых в составе высказывания (например, по принципам, разработанным А.И. Смирницким). Как осмысленная, т.е. как сознательно выделяемая говорящими, единица языка грамматическое слово обязательно обладает

какой-либо функцией и системной значимостью, но далеко не всегда оно имеет лексическое значение, т.е. не всегда выполняет номинативную функцию. Трудно, например, приписать какое-либо значение предлогу *на* в сочетании *ответить на вопрос* (ср. англ. *to answer the question*). Так же обстоит дело, как мы видели, со словами в составе фразеологизмов типа *бить баклуши*, *точить лясы*, хотя, впрочем, полная десемантизация компонентов фразеологизма – явление довольно редкое: чаще всего наблюдается сложное взаимодействие целостного значения фразеологической единицы с полностью не «утасшей» семантикой составляющих ее слов. Что же касается ущербности, неполноты словоизменительных парадигм образующих фразеологизм слов, то это явление не представляет собой специфической особенности только фразеологических единиц: оно нередко встречается и в лексике (ср.: *Светаает*; *Смеркается*; *Следует* ‘надо, необходимо’; *Подумаешь!* – в функции экспрессивно-эмоционального предложения и т.п.). Кроме того, не во всех «парадигматических формах» выступают лишь синтаксически зависимые компоненты фразеологизмов; главные же, синтаксически доминирующие компоненты, с помощью которых фразеологизм как целостная синтагма включается в высказывание, в этом отношении чаще всего не отличаются от соответствующих компонентов свободных словосочетаний. Ср., например, *бить баклуши* и *собаку съел*: в первом фразеологизме глагол имеет все формы словоизменения, а во втором – лишь формы рода и числа.

Лексический состав фразеологизмов, конечно, более стабилен, чем лексический состав нефразеологических сочетаний. Однако многие типы фразеологизмов все же допускают значительное варьирование компонентов: возможна замена отдельных компонентов семантически и синтаксически тождественными их эквивалентами (*бросать* <*кидать*, *наводить*> *тень на кого ~ что*), вставка или добавление факультативных компонентов [*мотать (себе) на ус*, *вешать нос (на квинту)*, *воротить нос (на сторону)*, *лить слезы (в три ручья)* и т.д.]. Более устойчива (по сравнению со структурой нефразеологических сочетаний) и грамматическая структура фразеологизма: во многих случаях компоненты фразеологизма (например, фразеологизмов *так себе*, *как пить дать* и т.п.) нельзя ни переставить, ни расположить дистантно. И тем не менее ни устойчивость грамматической структуры, ни стабильность и воспроизводимость лексического состава не являются, как считает Мо-

лотков, специфическими свойствами только фразеологических единиц. Фразеологизм, как любая синтаксическая единица, допускает лишь такие изменения в своей формальной структуре, которые не нарушают его семантического и функционального тождества.

Главное отличие фразеологизмов от свободных и нефразеологических устойчивых словосочетаний заключается в целостности, идиоматичности их значений и в их синтаксической монофункциональности (фразеологизм выполняет функцию только одного члена предложения). В этом отношении фразеологизм сближается со словом, выступая обычно в качестве его семантического и синтаксического эквивалента. О функционально-семантической близости фразеологизма к слову говорит и то, что фразеологизмы входят в лексико-семантические оппозиции, лежащие в основе различных системных группировок лексики (синонимических, антонимических, тематических и др.), заполняя в них те или иные лакуны, т.е. заменяя отсутствующие в языке лексемы с тем же значением (ср.: *быть внимательным ~ проявлять внимание ~ обращать внимание ~ принимать во внимание*) или стилистически варьируя компоненты лексических парадигм (ср.: *сесть ~ занять место ~ плюхнуться ~ совершить <произвести> посадку*). Об этом же свидетельствует и такой факт: фразеологизмы, как и слова, могут иметь связанные значения, т.е. употребляться лишь с определенным кругом слов или даже с одним словом. Особенно это характерно для адвербиальных фразеологизмов: (*знать*) *вдоль и поперек <как свои пять пальцев>*; (*разбираться*) *как свинья в апельсинах*; (*смотреть, глядеть*) *во все глаза*; (*беречь, хранить*) *как зеницу ока*; (*жить*) *душа в душу* и т.п. «Слова-сопроводители» как единицы, имеющие самостоятельное лексическое значение, не входят в состав таких фразеологизмов, хотя без них немыслимы ни их употребление, ни их «семантическая реализация» [80]. Кстати, по этой причине не следует, видимо, квалифицировать как фразеологизмы устойчивые словосочетания типа *закадычный друг, понурить голову, насунуть брови* (фразеологические сочетания, в понимании В.В. Виноградова), один из компонентов которых имеет избирательную лексическую сочетаемость и, следовательно, «связанное», но свое собственное значение [188].

Таким образом, по форме фразеологизм в отличие от грамматического слова как цельнооформленной единицы представляет собой словосочетание (сочетание словоформ), т.е. раздель-

нооформленную единицу номинации, состоящую, как и свободное словосочетание, не менее чем из двух грамматических слов. Нет никаких серьезных оснований отвергать эту «традиционную» точку зрения, которой придерживались такие крупные ученые, как В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, Б.А. Ларин и др. Грамматическая структура фразеологизма может быть аналогичной как словосочетанию (*морочить голову, обвести вокруг пальца* и т.п.), так и предложению (*Комок подступил к горлу; Душа в пятки ушла* и т.п.), но как единица системы языка в обоих случаях фразеологизм представляет собой словосочетание (в понимании Ф.Ф. Фортунатова). Исключение составляют фразеологизмы междометного и оценочного характера, не имеющие грамматической структуры в обычном смысле этого слова (*Ну и ну!; Вот те на!* и т.п.). По своей семантике (лексической и грамматической) и синтаксической функции фразеологизм является эквивалентом грамматического слова (знаменательного или служебного), выполняющим чаще всего образно-характеристическую или оценочную, а иногда также номинативно-описательную (дескриптивную) функцию. Устойчивые словосочетания, не обладающие указанными свойствами (поговорки, фразеологические сочетания, речевые штампы и т.п.), не следует относить к фразеологизмам.

Остановимся на еще одном важном вопросе, связанном с понятием словосочетания и имеющем прямое отношение к семантике. В последнее время некоторыми лингвистами было высказано мнение, согласно которому словосочетание нельзя считать единицей языка, и в частности номинативной единицей. «Словосочетание, – заявляет, например, Ю.В. Фоменко, – это не единица языка, а свободная комбинация единиц (слов) в составе предложения. Предметом синтаксиса являются не словосочетания как таковые, а правила (законы) сочетания слов в процессе порождения фразы (высказывания)» [200, 11]. Тем самым отвергаются основы учения о словосочетании (разработанного В.В. Виноградовым и развитого затем Н.Ю. Шведовой, В.А. Белошапковой и другими советскими учеными), в соответствии с которым словосочетания – это номинативные единицы языка, выделяемые в составе предложения и вместе с тем являющиеся «строительным материалом» для предложения. В праве на статус единицы языка словосочетанию отказывается по следующим причинам: оно не обладает такими фундаментальными свойствами единиц языка, как воспроизво-

димось, субстанциональность, цельность, номинативность. В какой мере состоятельны эти аргументы?

С утверждением, что словосочетания нельзя считать единицами языка, тем более цельными и воспроизводимыми, если они не являются устойчивыми, можно согласиться. Но почему бы их не признать единицами речи, реализующими в конкретной языковой субстанции абстрактные модели языка, в том числе вероятностные модели (грамматические и семантические)? Ведь эти модели заложены в смысловой структуре слов, в их семантических валентностях. Такое решение вопроса Фоменко, однако, тоже отвергает, считая, что любая единица языка должна иметь субстанциональную природу. Если быть последовательными, то с этой точки зрения нельзя признать единицами языка ни фонемы, ни морфемы, ни дистрибутивные формулы (абстрактные грамматические синтагмы, или структурные схемы), ни семантические модели (абстрактные семантические синтагмы), ни какие-либо другие инвариантные единицы языка. Но с такой концепцией современная лингвистика, естественно, согласиться не может, ибо главным ее достижением справедливо признается проникновение в сущность именно абстрактных, инвариантных единиц языка (лингвистических констант).

Итак, словосочетания (свободные и устойчивые, предикативные и непредикативные) имеют, как правило, три аспекта: фонетический, лексико-грамматический и семантический. Однако и в них, по существу, представлены три типа функционально связанных, но неоднородных по своей природе единиц языка: фонетические, лексико-грамматические и семантические синтагмы. В идиоматическом выражении лексико-грамматической синтагме соответствует не сочетание семем, не семантическая синтагма, а отдельная семема. Например, фразеологизму *во что бы то ни стало* соответствует семема 'обязательно, непременно', фразеологизму *питать уважение* – семема 'уважать'. Это одно из проявлений асимметрии языковых знаков.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Предложение – это минимальная и основная коммуникативная единица языка как речевой деятельности. Более сложными единицами коммуникации являются различные виды текста (дискурс, монолог, диалог и др.).

Коммуникативной единицей языка в полном смысле слова

предложение является лишь тогда, когда оно выступает в функции конкретного высказывания, получая при этом соответствующее замыслу говорящего (пишущего) актуальное членение, что находит свое внешнее выражение в нормативном порядке слов и интонационном рисунке, а также в целой системе специфических словесных и грамматических средств (модальных слов, частиц, грамматических категорий и т.д.). На конструктивно-синтаксическом уровне, т.е. на уровне простой или развернутой по существующим в языке правилам грамматической синтагмы, в основе которой всегда лежат какие-то абстрактные модели (формальные и семантические), предложение, как и словосочетание, остается номинативной единицей языка, расчлененным наименованием какой-либо ситуации, какого-либо события, и следовательно, псевдопредложением.

В предложении как высказывании фонетический, лексико-грамматический и семантический аспекты не просто обязательны: они образуют «функциональный сплав», подчиненный коммуникативным задачам, выражению определенного содержания. «Предложение как явление языка должно удовлетворять условиям грамматической, семантической и логической правильности», а предложение как явление речи, как высказывание – целенаправленности и ситуативной соотнесенности, управляемым мыслью» [83, 242]. Это дает основание многим лингвистам (например, А.А. Шахматову, И.И. Мещанинову, Ю.С. Степанову) считать предложение основной единицей языка.

В.В. Виноградов, развивая идеи Шахматова, разработал учение о предложении как грамматически оформленной по законам данного языка целостной единице речи, являющейся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. В качестве ведущих грамматических признаков предложения им выдвигаются предикативность и интонация сообщения. При этом предикативность понимается как значение отнесенности основного содержания предложения к действительности, выражаемое в синтаксических категориях модальности, времени и лица [71]. Учение Виноградова получило дальнейшее развитие в трудах Н.Ю. Шведовой и других советских ученых. В концепции Шведовой важное место занимают понятия предикативности, синтаксической парадигмы и детерминанта. Предикативность как основной семантико-грамматический признак предложения выражается, по ее мнению, в синтаксических категориях времени и наклонения (категория лица

исключается из понятия предикативности)¹. Под синтаксической парадигмой она понимает ряды предложений, варьирующихся по способу морфологического выражения сказуемого (*Сын учится. ~ Сын учился. ~ Сын будет учиться. ~ Сын учился бы. ~ Пусть сын учится* и т.д.), а под детерминантами – такие члены предложения, которые связаны со всей его структурой (*У нас сейчас белые ночи; Первого мая будет салют; Для ребенка здесь сыро* и т.п.) [72]. И понятие предикативности, и понятие синтаксической парадигмы, и понятие детерминанта (детерминирующего члена предложения) подвергались серьезной научной критике [83, 162, 33]. Тем не менее важную роль синтаксических (точнее, семантико-синтаксических) категорий модальности (наклонения), времени, лица, залога и даже вида в порождении предложения нельзя, видимо, отрицать, ибо все эти категории в той или иной степени ориентированы на говорящего, стоящего в центре любого высказывания.

В функции предложения, понимаемого как высказывание, а не как синтаксическая конструкция из словоформ (не как лексико-грамматическая синтагма), соотнесенная с пропозицией (пропозициональной логической функцией) и предназначенная для того, чтобы быть сообщением, могут выступать и всевозможные предикативные словосочетания (простые, сжатые до номинативного минимума, или развернутые), и различные типы непредикативных словосочетаний, в том числе конструкции с доминирующими формами именительного падежа (*Какая красота!* и т.п.), и отдельные слова или междометия (*Светает; Да; Нет; Увы!* и т.п.), и фразеологизмы (*Ну и ну!; Вот еще!* и т.п.²), и даже отдельные члены грамматического предложения (например, при парцелляции³ и в неполных предложениях).

Любое высказывание имеет два основных аспекта: фор-

¹ Ср. мнение Ф.Ф. Фортунатова: «Формы, делающие глагол грамматическим сказуемым, – это формы времени и наклонения, которые вместе могут быть называемы формами сказуемости в глаголе...» [201, II, 454].

² И междометные и фразеологизированные высказывания выполняют в речи обычно «реактивную» (прагматическую) функцию.

³ Возможность расчленения предложения (имеется в виду грамматическое предложение) на несколько сообщений [например, *Но нельзя же так. Вслух. Криком. При всех. Точно на эшафоте перед казнью* у М. Цветаевой] В.А. Белошапкова считает одним из важнейших его отличий от высказывания [17].

мальный (план выражения) и семантический (план содержания). Формальный аспект высказывания образуют его лексический состав в определенном грамматическом оформлении, иерархический (а также линейный) порядок частей и интонация (в широком понимании). Содержательный аспект высказывания представлен тремя планами: номинативным (пропозициональным), модальным (предикативно-оценочным) и коммуникативным¹. Номинативный план высказывания определяется обычно как его номинативный минимум (как пропозиция, или пропозитивная номинация, по Н.Д. Арутюновой), в основе которого лежит та или иная семантическая модель. Модальный план (в широком понимании модальности) включает значения семантических категорий модальности (в узком понимании модальности), оценочности (оценки)², актуальности, темпоральности и персональности. Вместе номинативный и модальный (предикативно-оценочный) планы высказывания составляют его семантическую структуру³, его отражательную (денотативную и сигнификативную) семантику.

Напротив, коммуникативный план высказывания, представленный его актуальным членением и функциональной (смысловой) перспективой, имеет дейктическую природу: конституирующие его синтаксические оппозиции, выражаемые (манифестируемые) прежде всего порядком слов и интонацией (часто в сочетании со специальными лексическими и фразеологическими средствами), указывают на тему и рему, на более важное и менее важное в сообщении, на ту или иную ориентацию сообщения и им подобные коммуникативные категории, т.е. характеризуют перспективу высказывания, коммуникативную значимость его компонентов и настраивают таким образом слушателя (читателя) на желаемое его восприятие. Коммуникативный план высказывания очень тесно связан с модальным планом. Именно эти планы обеспечивают своими средствами актуализацию предложения, т.е. преобразование

¹ Логической основой грамматического, т.е. номинативного, предикатно-актантного, членения предложения В.З. Панфилов считает суждение как пропозициональную функцию, а логической основой коммуникативного (логико-грамматического) его членения – субъектно-предикатную структуру суждения [149].

² В.Н. Телия все виды оценки относит к семантической сфере модальности [187, ср. 65].

³ Более частные компоненты этой структуры охарактеризованы В.В. Богдановым [25].

предложения как единицы языка, как слова или лексико-грамматической конструкции, построенной по тому или иному образцу, в высказывание – как единицу речи, наделенную вполне определенным, актуальным смыслом. Высказывание, по мысли Э. Бенвениста, «и есть приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования» [19, 312]. Прагматические (коннотативные) компоненты в содержании высказывания выступают обычно как своеобразное наложение на номинативный, модальный и коммуникативный его план. Поэтому вряд ли целесообразно выделять их в самостоятельный аспект.

В предложении, равно как и в слове и словосочетании, представлены единицы всех ярусов языка: фонетического, лексико-грамматического и семантического. Однако функции их в составе высказывания значительно усложняются. Интонация, например, может иметь в нем самостоятельную семантическую значимость, языковые значения наполняются дополнительным содержанием или преобразуют свое прежнее содержание и т.д. Форма высказывания, таким образом, максимально сливается с содержанием, являющимся целью данного высказывания. Но вместе с тем происходит и противоположный процесс – спецификация языковой формы. С.Д. Кацнельсон так, например, представляет себе формирование предложения (высказывания): «Предложение формируется не путем соединения разрозненных слов или морфем, а на основе пропозиции. Отбор языковых элементов в главнейшем предопределен содержанием пропозиции, местом ее в сообщении и общей ситуации речи. Структурно предложение резко отличается от пропозиции. Переход от пропозиции к предложению предполагает замену многочисленных отношений бинарными. Необходимость такого шага диктуется формальной природой процесса построения речи (линейным характером расположения дискретных единиц языка в речевой цепи и древовидной структурой предложения). Развертывание предложения начинается с разбиения содержания пропозиции на подлежащее и группу сказуемого. Возведение одного из членов многоместного отношения в ранг подлежащего и соответственно низведение остальных до уровня “дополнений” к сказуемому – таково неперемное условие преобразования пропозиции в предложение» [99, 8]. Под пропозицией он понимает реляционный предикат (некий элемент мысли), «места» которого заполнены конкретными обозначениями (образами), а развертывающийся в пропозициях мысли-

тельный процесс и есть, по его мнению, то, что психологи называют внутренней речью.

ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЕДИНИЦАМИ ЯЗЫКА

Единицы языка по их природе и функциям целесообразно разделить на однородные (гомогенные) и неоднородные (гетерогенные). К однородным принадлежат единицы одного и того же яруса, уровня и подуровня, а к неоднородным – единицы разных ярусов, уровней и подуровней. Отношения между этими двумя основными типами языковых единиц коренным образом отличаются друг от друга.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕДИНИЦАМИ РАЗНЫХ ЯРУСОВ ЯЗЫКА

При рассмотрении отношений между единицами разных ярусов языка исходят обычно из членения языка на план содержания и план выражения. При этом отношения между единицами плана содержания (означаемыми) и единицами плана выражения (означающими) трактуются часто как знаковые функции или как отношения манифестации (в работах Н.Д. Арутюновой, Э.В. Кузнецовой и др.). Мы будем исходить из основного членения языка на три яруса: семантический, лексико-грамматический и фонетический. Единицы этих ярусов выполняют функции «представителей» (репрезентантов) по отношению к предметам реальной действительности (а также понятиям о них) и по отношению друг к другу. Значения (семемы) представляют предметы (денотаты), выявляя их в нашем сознании; лексемы (словоформы) представляют значения, выявляя их в лексико-грамматической системе языка; звуки (звукотипы) представляют словоформы, реализуя их материально. Поэтому отношения между ними можно назвать функционально-репрезентативными (с дальнейшей их дифференциацией по способу репрезентации). Тем самым мы отграничиваем данный тип функциональных отношений от других типов (например, от функционально-синтаксических отношений). Функционально-репрезентативные отношения необратимы: семантические единицы представляют признаки денотатов («естественные знаки»), лексико-грамматические единицы – семантические, а фонетические единицы – лексико-грамматические, но не наоборот. Однако каждый из этих типов репрезентации имеет свою специфику: отношение семантических единиц к признакам денотата – это отношение отражения, отношение

лексико-грамматических единиц к семантическим – это отношение манифестации, отношение фонетических единиц к лексико-грамматическим – это отношение материальной реализации.

Между единицами разных ярусов языка нет полного соответствия: одно значение может быть представлено несколькими лексико-грамматическими единицами (синонимия), а одной лексико-грамматической единице могут соответствовать несколько семантических (полисемия и омонимия). С.И. Карцевский назвал такое явление асимметрическим дуализмом языкового знака. В соответствии с этим принципом «обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны: будучи парными (*accouplés*), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия» [95, 90]. «Если бы язык был “устроен” иначе, – комментирует этот тезис Карцевского Р.А. Будагов, – он превратился бы в плоскую структуру, непригодную для передачи всего многообразия мыслей и чувств человека. Реальная же структура любого современного развитого языка сохраняет “подвижное равновесие”, несмотря на наличие двух, казалось бы, противоречивых “стремлений”, отмеченных автором» [37, 25]. С другой стороны, одна лексико-грамматическая единица может реализоваться в ряде фонетических единиц (отсюда проблема вариантов и инвариантов в плане выражения: *шкаф – шкап, калоши – галоши, тождество – тожество* и т.п.). Таким образом, единицы лексико-грамматического яруса языка являются как бы посредником между единицами семантического и фонетического ярусов: по своей материальной сущности, по своей объективированности они объединяются с единицами фонетического яруса в плане выражения, а по своим структурным свойствам, по своей дискретности – с единицами семантического яруса.

При рассмотрении отношений между единицами разных ярусов языка мы последовательно руководствовались функциональным принципом: соотношение между фонетическими, лексико-грамматическими и семантическими единицами языка в пределах слова понималось нами как функциональное единство. Принципиально иное понимание этих отношений представлено в лингвистической традиции, идущей от Ф. де Соссюра. Согласно концепции де Соссюра и его последователей, означаемое языка не существует вне связи со своим означающим, т.е. означаемое и означающее являются лишь сторонами

двуединных языковых сущностей. Сам де Соссюр, сравнивая язык с листом бумаги, говорил об этом так: «Мысль – его [языка] лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную. Так и в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии» [181, 145]. Не менее определенно высказывался по этому поводу Э. Бенвенист: «...означающее и означаемое, акустический образ и мысленное представление являются в действительности двумя сторонами одного и того же понятия и составляют вместе как бы содержащее и содержимое. Означающее – это звуковой перевод идеи, означаемое – это мыслительный эквивалент означающего. Такая совмещенная субстанциональность означающего и означаемого обеспечивает структурное единство знака» [19, 93].

Эти и подобные им высказывания верны лишь в том смысле, что все означаемые (языковые значения) в реальной речи обычно бывают представлены теми или иными единицами лексико-грамматического яруса языка, а лексико-грамматические единицы – единицами фонетического яруса. Современные психологи, психолингвисты и нейрофизиологи убедительно доказывают, что между значением и звуковой формой слова нет неразрывной связи, что «звучание слов и их значения хранятся у человека в разных полушариях мозга, функции которых могут нарушаться независимо друг от друга; при этом способ хранения смысла слов в правом полушарии не зависит от их звуковой оболочки» [81, 8]. Более того, значения многозначных слов, как показали эксперименты, хранятся в нашей памяти независимо не только от их звуковой формы, но и друг от друга, т.е. в составе разных семантических полей. Это свидетельствует о том, что о неразрывной связи между формой и значением можно говорить лишь в функциональном, а не в психологическом плане, т.е. только в том смысле – подчеркнем еще раз, – что каждое языковое значение представлено обычно каким-либо внешним средством (внешней формой).

В конечном итоге материальной формой у лексико-грамматических, семантических и даже суперсегментных фонетических единиц языка (например, ударения и интонации) являются сегментные фонетические единицы, звуки и их сочетания. В этом отношении фонетический ярус наиболее самостоятелен из всех ярусов языка, а его минимальные единицы

(звуки и фонемы) – наиболее универсальны. Количество звуков и тем более фонем во всех языках мира, как известно, весьма ограничено, причем многие из них или одинаковы, или сходны по своей акустико-физиологической природе. Именно этим объясняется то, что, слушая речь даже на совершенно незнакомом языке, мы способны расчленять ее на звуки и слоги. Совсем иначе обстоит дело с лексико-грамматическим и семантическим членением речи: не зная языка, нельзя выделить в потоке речи ни грамматических слов (словоформ), ни тем более их значений.

Лексико-грамматическое членение высказывания (шире – текста) обусловлено в основном структурой его содержания, а отчасти также историческими традициями. Однако между единицами лексико-грамматического и семантического ярусов языка тоже нет однозначного соответствия. И морфемы и лексемы имеют какое-то одно значение лишь в определенном контексте. Даже основы слов в сочетании с разными окончаниями могут выражать разные лексические значения (ср., например, лат. *clau-us* ‘твоя’, *clau-is* ‘ключ’ и *clau-a* ‘палка’) [132]. Бывает и так, что (вопреки мнению Бенвениста, отрицавшего возможность в языке «пустых форм») лексико-грамматические единицы языка не имеют семантических коррелятов, т.е. существуют «пустые» лексемы и морфемы, а семантические единицы (отдельные языковые значения или понятия) не имеют иногда соответствующих лексико-грамматических единиц. Скрытые категории, например, это «подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке» [113, 83]. Об относительной самостоятельности семантического яруса свидетельствует, в частности, окказиональное слово- и формообразование, т.е. такие ситуации, при которых некоторые означаемые (семемы) не воспроизводятся, а создаются нашим сознанием в процессе речемыслительной деятельности (так сказать, *ad hoc*), и для их выражения мы вынуждены создавать также новые означающие (окказионализмы) или использовать старые означающие в новой функции. Все это заставляет нас глубже вникать в механизм взаимоотношений между единицами фонетического, лексико-грамматического и семантического ярусов языка.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕДИНИЦАМИ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ОДНОГО ЯРУСА ЯЗЫКА

Поскольку единицы низших уровней являются составляющими (конституэнтами) единиц высших уровней, а единицы

высших, наоборот, – интегрантами единиц низших уровней, отношения между единицами разных уровней одного и того же яруса языка можно именовать конститутивно-интегративными. Нельзя, однако, говорить о таких отношениях, имея в виду (по примеру Э. Бенвениста, В.А. Звегинцева и многих других ученых) как односторонние, так и двусторонние единицы языка. В непосредственные конститутивно-интегративные отношения вступают лишь единицы разных уровней одного и того же яруса. Морфемы (точнее, морфы), конечно, состоят из звуков, представлены обычно звуками (ср., впрочем, понятие нулевой морфемы), но они не конституируются ими, а являются лишь их материальным субстратом¹.

Не связаны такими отношениями и единицы разных подуровней одного и того же уровня, выделяемые по степени их абстрактности, т.е. конкретные и абстрактные единицы языка (например, звуки и фонемы, морфы и морфемы, словоформы и типоформы). В конститутивно-интегративных отношениях находятся только единицы одного и того же уровня (в пределах одного яруса языка), однородные по степени их абстрактности, а именно: 1) в границах фонетического яруса соотносимы друг с другом, с одной стороны, звуки, фонетические слоги, фонетические слова и фонетические фразы, а с другой – фонемы, фонологические слоги, фонологические слова и фонологические фразы (особый статус имеют в нем суперфонемы, т.е. диэремы, просодемы и интонымы); 2) в границах лексико-грамматического яруса соотносимы, с одной стороны, морфы, словоформы и конкретные лексико-грамматические синтагмы, а с другой – морфемы, лексемы, типоформы и абстрактные лексико-грамматические синтагмы; 3) наконец, в границах семантического яруса соотносимы, с одной стороны, алloseмы, семемы и конкретные семантические синтагмы, а с другой – семы, лексические значения, грамматические значения, словообразовательные значения и различные типы абстрактных семантических синтагм (семантических моделей словосочетаний и предложений).

Конститутивно-интегративные отношения «можно также представлять как отношения средства и цели, поскольку еди-

¹ Мысль о том, что фонемы и морфемы принадлежат к различным ярусам языка и что морфемы представлены комбинациями фонем, а не включают в себя фонемы как члены, была высказана американским лингвистом Ч. Хоккетом [130, 45].

ницы нижележащего уровня представляют набор средств, служащих цели создания единиц вышележащего уровня» [83, 48].

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕДИНИЦАМИ РАЗНЫХ ПОДУРОВНЕЙ ОДНОГО УРОВНЯ

Единицы разных абстрактных подуровней одного и того же уровня, т.е. единицы, различающиеся по степени и типу абстракции (например, звуки и фонемы, фонемы и морфемы и т.д.), связаны друг с другом вариантно-инвариантными отношениями. Суть этих отношений в том, что менее абстрактные единицы языка выступают обычно в функции вариантов более абстрактных единиц. В основе вариантно-инвариантных отношений лежат общие и различительные признаки единиц языка. Они, как и соответствующие им вариантно-инвариантные отношения, могут быть субстанциональными, функциональными и структурными (значимостными). Субстанциональные и структурные отношения возможны только между единицами одного яруса языка: фонетическими, лексико-грамматическими или семантическими (артикуляционно-акустическими, дистрибутивными и стилистическими вариантами фонем могут быть, например, только звуки). Функциональные же отношения допустимы и между единицами разных ярусов языка (словоформа, например, выступает, с одной стороны, в качестве функционального варианта лексемы, являясь членом ее парадигмы – если таковая у нее имеется, – а с другой – в качестве функционального варианта семемы – при абсолютной синонимии: *смотреть* – *глядеть*, *перестать* – *прекратить* и т.п.).

С вариантно-инвариантными отношениями мы имеем дело лишь при частичном тождестве единиц языка (субстанциональном, функциональном или структурном), т.е. лишь в случаях логического включения (привативные оппозиции) или логического пересечения (эквиполентные оппозиции). Инвариантные абстрактные единицы языка являются как бы сокращенными названиями соответствующих им классов вариантных единиц: фонемы – это абстрактное наименование класса функционально (а часто и субстанционально) тождественных звуков, морфемы – это условное название класса функционально тождественных морфов и т.д. Такая трактовка инвариантных единиц языка хорошо согласуется с разъяснением природы абстрактных понятий, данным Ф. Энгельсом: «Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не

что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как “материя” и “движение”, суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей»¹.

Рассмотренные три типа отношений между разнородными единицами языка схематично можно представить так:

↑ семмы ↓ словоформы ↓ звуки		функционально-репрезентативные отношения (однонаправленные)
семмы ↔ семмы ↔ семантические синтагмы морфы ↔ словоформы ↔ лексико-грамматические синтагмы компоненты звуков ↔ звуки ↔ фонетические синтагмы		конститутивно-интегративные отношения (разнонаправленные)
звуки ↔ фонемы ↔ морфемы морфы ↔ морфемы словоформы ↔ лексемы//типоформы семмы ↔ лексические значения//словообразовательное значение//грамматические значения		вариантно-инвариантные отношения (разнонаправленные)

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОДНОРОДНЫМИ ЕДИНИЦАМИ ЯЗЫКА

Между однородными единицами языка, т.е. между единицами одного и того же яруса, одного и того же уровня и одного и того же подуровня, существует два основных типа отношений (впервые их четко разграничил Ф. де Соссюр): синтагматические и парадигматические (последние де Соссюр называл ассоциативными). С одной стороны, говорит де Соссюр, «слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно... Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи» [181, 155]. Такие сочетания элементов, имеющие протяженность, он называет синтагмами, а отношения между их компонентами – синтагматическими. Понятие синтагмы поясняется следующими примерами: фр. *re-lire* ‘пере-читать’, *contre tous* ‘против/всех’, *la vie/humaine* ‘человеческая/жизнь’, *s’il fait beau temps,/ nous sortirons* ‘если будет хо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 550.

рошая погода,/мы пойдем гулять'. Член синтагмы получает значимость «лишь в меру своего противопоставления либо тому, что ему предшествует, либо тому, что за ним следует, или же тому и другому вместе. С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения. <...> ...Эти отношения имеют совершенно иной характер, нежели те отношения, о которых только что шла речь. Они не опираются на протяженность, локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык. Эти отношения мы будем называть ассоциативными отношениями. Синтагматическое отношение всегда *in praesentia*: оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный, мнемонический ряд; члены его всегда *in absentia*» [181, 155 – 156].

В современной лингвистике синтагматические отношения приравниваются часто к логическим отношениям конъюнкции (отношение *и ~ и*), а парадигматические отношения – к логическим отношениям дизъюнкции (отношение *или ~ или*). Первые трактуют нередко как отношения по горизонтали, а вторые – как отношения по вертикали.

Итак, однородные единицы языка связаны между собой синтагматическими и парадигматическими отношениями. Д.Н. Шмелев выделяет в качестве самостоятельного типа также деривационные (или эпидигматические) отношения [213].

Типы синтагматических (или синтаксических в широком смысле) отношений довольно разнообразны. Уже в традиционной грамматике различались сочинение и подчинение (в зарубежных работах – координация и субординация), а внутри подчинения – согласование, управление и примыкание. Позднее к ним были добавлены еще тяготение, корреляция, координация и аппликация. Непосредственные синтагматические отношения возможны только между единицами фонетического или лексико-грамматического яруса языка, т.е. между означающими де Соссюра (он говорил о линейном характере именно означающих, а не означаемых). Синтагматические же отношения между единицами семантического яруса (между означаемыми) всегда опосредованы отношениями единиц лексико-грамматического и фонетического ярусов.

Между единицами фонетического и лексико-грамматического ярусов возможны, в принципе, два основных типа синтагматических отношений: конститутивно-интегративные и контрастирующие (или отношения контраста).

В конститутивно-интегративных отношениях находятся, как мы уже видели, линейные единицы разных уровней одного и того же яруса языка, обладающие большей или меньшей структурной сложностью: с фонетической точки зрения поток речи состоит из фонетических фраз, фонетические фразы – из речевых тактов (фонетических синтагм, в понимании Л.В. Щербы), речевые такты – из фонетических слов, фонетические слова – из слогов, слоги – из звуков (такая же иерархия может иметь место между единицами фонологической ступени абстракции); с лексико-грамматической точки зрения текст состоит из предложений (высказываний), предложение – из лексико-грамматических синтагм большей или меньшей сложности, лексико-грамматические синтагмы – из грамматических слов (словоформ), словоформы – из морфов. У однословных предложений такой иерархии может, разумеется, и не наблюдаться, ибо словоформа бывает одновременно и словом, и синтагмой, и предложением (*Ночь* – номинативное предложение; *Да*; *Нет* – модальные предложения; *Ого!* – междометное предложение и т.п.). Более того, один-единственный звук бывает иногда и морфемой, и словом, и синтагмой, и предложением [лат. *I* ‘иди’ (ср. *I-te* ‘идите’), русск. *О!* (междометное предложение) и т.д.]. Конституируя единицы высшего уровня, единицы низшего уровня вместе с тем оформляют их, обеспечивают их структурную расчлененность, т.е. являются не только средством образования «высших» единиц, но и средством их оформления. В свою очередь, единицы высшего уровня, интегрируя единицы низшего в более сложное и качественно новое целое, являются сферой их функционирования, осуществления ими своих функций. «Форму языковой единицы, – пишет Э. Бенвенист, – можно определить как способность этой единицы разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня. Значение языковой единицы можно определить как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня» [20, 444]. Советские языковеды (В.А. Звегинцев, Г.А. Золотова, Э.В. Кузнецова и др.) интерпретируют это отношение как отношение между средством и функцией. Такая интерпретация более соответствует принятой в нашей работе концепции языкового значения.

Можно ли говорить о конститутивно-интегративных отношениях между единицами семантического яруса языка? Видимо, можно, но с оговорками. Во-первых, необходимо учитывать комплексность, «конфигуративность» единиц семантического яруса, особенно глагольных значений. Во-вторых, линейность семантических единиц языка можно рассматривать лишь как их проекцию на определенную последовательность лексико-грамматических единиц. В-третьих, минимальной линейной конститутивной единицей семантического яруса необходимо признать семему, ибо означаемое морфемы (морфа) является несамостоятельным, симультанным компонентом семемы как целостной конфигурации. В-четвертых, между линейным (конститутивным) членением единиц семантического и лексико-грамматического ярусов нет полного соответствия. В-пятых, содержание единиц высшего семантического уровня не сводится к содержанию составляющих их единиц низшего уровня, не является их суммой.

Контрастирующие отношения возможны только между однородными конкретными единицами фонетического или лексико-грамматического яруса языка, т.е. между звуками, слогами, фонетическими словами, фонетическими синтагмами (речевыми тактами) и фонетическими фразами – в фонетическом ярусе; между морфами, словоформами (грамматическими словами), лексико-грамматическими синтагмами и предложениями (высказываниями) – в лексико-грамматическом ярусе. Невозможны такие отношения, например, между морфами и словоформами или между словами и предложениями.

Линейные отношения контраста могут быть контактными (отношения смежности, стыка) и дистантными (отношения линейной прерванности). Первые допустимы между любыми однородными фонетическими или лексико-грамматическими единицами языка (самостоятельными и несамостоятельными), а вторые, как правило, между самостоятельными лексико-грамматическими его единицами, т.е. между словами, между словосочетаниями и между предложениями (ср., однако: *ни о чем, ни у кого* и т.п.). Это объясняется тем, что между дистантно расположенными однородными единицами языка допустима вставка только таких означающих, которые связаны с ними функционально.

Парадигматические отношения между единицами языка могут быть четырех типов: отношения полного различия, полного тождества, включения и пересечения. Но структуру

(структурный каркас) системы языка и отдельных ее частей образуют лишь отношения включения и пересечения. В лингвистике такие отношения называются **оппозициями**. Типология оппозиций впервые была разработана Н.С. Трубецким по отношению к фонетике (фонологии) [192]. Затем она была перенесена в лексику, грамматику и семантику.

Трубецкой выделял три типа оппозиций: эквиполентные (равносильные), привативные и градуальные. Позднее они были сведены к двум типам, так как градуальные оппозиции являются, по существу, разновидностью привативных [226]. Эквиполентные оппозиции выражают равноправные отношения между единицами языка, а привативные оппозиции – отношения иерархии (т.е. гипонимические отношения). В какой-то мере эти два типа отношений соответствуют двум основным типам синтаксической связи: сочинению и подчинению. Но есть между ними и существенная разница. Эквиполентные оппозиции выражают не любое равноправное отношение, а лишь логическое отношение пересечения. Члены такой оппозиции имеют общие признаки (основание оппозиции), но каждый из них характеризуется (маркируется) вместе с тем специфическим признаком (или признаками). Например: /б/ ~ /д/, /тот/ ~ /кот/ (оппозиции между единицами фонетического яруса); *книгу* ~ *книгой*, *пишешь* ~ *пишет*, *большой дом* ~ *новый дом* (оппозиции между единицами лексико-грамматического яруса); 'идти' ~ 'ехать', 'идти' ~ 'лететь' (оппозиции между единицами семантического яруса). Привативные оппозиции тоже выражают не любое подчинительное отношение, а лишь логическое отношение включения: объем признаков (структурных компонентов) одного из членов оппозиции (его называют обычно немаркированным) полностью включается в состав другого (маркированного) члена. Например: /п/ ~ /б/, /то/ ~ /тот/ (оппозиции между единицами фонетического яруса); *иди* ~ *идите*, *лес* ~ *леса*, *дом* ~ *большой дом* (оппозиции между единицами лексико-грамматического яруса); 'идти' (= 'перемещаться пешком') ~ 'брести' (= 'медленно перемещаться пешком'), 'говорить' ~ 'тараторить' (= 'говорить очень быстро') (оппозиции между единицами семантического яруса).

В лексико-грамматическом и семантическом ярусах языка оба типа рассмотренных оппозиций могут выражать также **деривационные** отношения: эквиполентные оппозиции выражают отношения параллельной деривации, т.е. отношения между производными одной и той же степени (*учить* → *учи-*

тель / / ученик / / ученый / / учеба), а привативные оппозиции – отношения последовательной деривации (*учить* → *учитель* → *учительство* → *учительствовать*). Ввиду асимметрического дуализма языкового знака различают формальную и семантическую деривацию. Направления формальной и семантической деривации могут совпадать (*дом* → *домик*, *писать* → *написать*), но они могут и различаться. Например, в паре слов *стыдить* – *стыдиться* формальным дериватом является глагол *стыдиться* (*стыдить* → *стыдиться*), а семантическим дериватом – глагол *стыдить* (*стыдиться* → *стыдить*, т.е. заставлять стыдиться, вызывать стыд). Более того, семантическая деривация формально (т.е. внутренней, словообразовательной структурой словоформы) может быть вообще не выражена (например: ‘человек’ → ‘мужчина’ → ‘юноша’). В таком случае говорят о скрытой (имплицитной) семантической деривации.

В фонетическом ярусе языка вряд ли можно говорить о деривационных отношениях, хотя попытки такие предпринимались [238].

Глава 2

ПРИРОДА, СТРУКТУРА И ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Языковое значение является предметом изучения многих наук: языкознания, логики, философии, психологии, семиотики и др. При этом каждая из наук трактует его по-разному. Неодинаково подходят к изучению значения и в различных отраслях языкознания. В связи с этим встает такой вопрос: как должно определяться языковое значение и какие его аспекты должны изучаться в современной лингвистической семантике? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, хотя бы коротко, сказать о кардинальных семасиологических проблемах.

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Многочисленные определения значения, предлагавшиеся представителями различных направлений языкознания, можно свести к двум основным: 1) к определению значения как психической, отражательной сущности, соотносимой с такими психическими явлениями, как представления, эмоции, понятия и т.п.; 2) к определению значения как реляционной сущности, как отношения языкового знака к предмету (денотативное значение), к понятию (сигнификативное значение), к условиям акта речи и его участникам (прагматическое значение), к сфере или ситуации его употребления (стилистическое значение), к другим языковым знакам (структурное значение) и т.д.

Понимание языкового значения как отражательной, психической сущности утвердилось в период господства логического и психологического направлений в языкознании, когда значение слова приравнивалось или к понятию, или к представлению (совокупности представлений) [см. 42, 151]. Позднее в содержание значения, кроме понятий и представлений, стали

включать также экспрессивные оттенки (Nebensinn), эмоциональную окраску (Gefühlswert), различные ассоциативные компоненты [см. 230, 245, 253, 247, 237]. В таких случаях значение уже не отождествлялось с понятием или представлением, а рассматривалось как «более или менее сложное душевное явление, связанное с чувственно воспринимаемым символом» [237, 56], т.е. как сложная психическая сущность, в которой могут выражаться мышление, чувства и воля человека [43]. Наиболее четко подход к значению как к интеллектуально-эмоциональной, психической сущности был охарактеризован Г. Стерном, Г. Кронассером и А.И. Смирницким [247, 237, 175]. По определению Смирницкого, «значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [175, 89]¹. С отражательной концепцией значения сближается в значительной мере и понимание значения как информации, которую несет единица языка [184, 167]. Многие наши психологи и психолингвисты (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев, А.А. Залевская и др.), признавая отражательный характер значения, подчеркивают при этом (вслед за Л.С. Выготским) его процессуальный характер: «Значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс, не система или совокупность вещей, но динамическая иерархия процессов» [125, 8]. С точки зрения речемыслительной деятельности это, конечно, верно. Однако в таком случае мы имеем дело скорее с речевым смыслом, т.е. со значением, актуализированным в речи. Значение же как единицу системы языка вполне можно рассматривать и как относительно статическую данность, т.е. как результат предшествующей перцептивной и речемыслительной деятельности, как определенный вид информации, хранящейся в нашей памяти.

Понимание значения слова как отношения связано в линг-

¹ Сходным образом определяет языковое значение известный советский психолог А.Н. Леонтьев [124, 290].

вистике прежде всего с именами Ч. Пирса, Ф. де Соссюра и Ч. Морриса, с их знаковыми теориями языка.

Денотативный подход к природе значения, т.е. определение значения как отношения знака (или символа) к денотату (референту), характеризует направление, у истоков которого стоят Ч. Огден и И. Ричардс [240]. С ним сближается учение о значении как речевой реакции на языковой стимул Л. Блумфилда. Разновидностью этой концепции является и точка зрения на значение как на отношение слова (знака) к социальной культуре (Е. Найда, Дж. Ферс) или типическим контекстам ситуации (Ч. Фриз) [143, 197, 202].

Понимание лексического значения как отношения знака (означающего) к понятию (означаемому) восходит к де Соссюру. Однако у де Соссюра мы не находим ни строгого определения значения, ни четкого его отграничения от введенного им понятия значимости. Более последовательно эти идеи отстаивают Л. Вейсгербер и Ст. Ульман [252, 250]. Последний определяет значение как «взаимоотношение между именем и смыслом» [250, 70]. В отличие от де Соссюра, Вейсгербер и Ульман трактуют отношение между означающим (звуковой формой, именем) и означаемым (содержанием) не как ассоциативную, психическую связь, а как функцию, причем эта необходимая (функциональная) связь возводится в закон знака [251, 45 – 50]. В аналогичных концепциях, ориентированных на ассоциативную психологию, значение определяется иногда как отношение между знаком и представлением [108, 14 – 18].

Выделение наряду с денотативным и сигнификативным прагматического значения связано с делением семиотики на семантику, прагматику и синтактику в трудах Ч. Морриса. По Моррису, прагматика – это «дисциплина, изучающая отношения знаков к их интерпретаторам» [142, 62]. Прагматическое же значение (в соответствии со взглядами Блумфилда) определяется как внеязыковая реакция (поведение), вызываемая языковым стимулом (знаком). В него включаются также оценочные и эмоционально-экспрессивные компоненты значения [8]. При учете иного положения знака в блумфилдовской цепочке $S - r...s - R$, а именно речевой реакции на внеязыковой стимул (денотат), выделяется «ситуативное» значение, которое объединяется обычно с предметным (денотативным).

С прагматическим перекрещивается стилистическое значение, выделяемое, например, в работах Т.Г. Винокур, М.Н. Кожиной и др. Стилистическое значение – это те дополнительные

к собственно лексическому, предметному или грамматическому значению признаки, которые имеют постоянный характер и воспроизводимость в определенных условиях и входят в семантическую структуру языковой единицы [106, 32]. Если из стилистического значения исключить различные экспрессивно-эмоциональные компоненты (они входят в содержание слов), то этим термином можно было бы обозначить то, что называют функционально-стилистической значимостью слов [215, 168 – 182], т.е. свойства единиц языка, обусловленные их соотношенностью с различными сферами и типами речи (книжность, разговорность, просторечность, временная приуроченность и т.п.).

В структурном языкознании широкое распространение получил (под несомненным влиянием учения де Соссюра о значимости) взгляд на значение как на отношение знака к другим знакам. Этот вид значения часто называют структурным (или дифференциальным)¹. Поскольку и в парадигматические, и в синтагматические отношения единицы языка вступают как по своим означающим (формам), так и по своим означаемым (значениям), возможны разные концепции структурного значения. Они и были реализованы в различных направлениях структурализма. В дескриптивной лингвистике, например, развивалось понимание значения прежде всего как отношения между означающими знака. При этом дескриптивисты в основном изучали синтагматические отношения между знаками («лингвистическими формами»), т.е. синтаксические значения (валентности), оставляя часто в стороне их парадигматические отношения, т.е. дифференциальные значения (значимости). Последний тип структурного значения был в центре внимания глоссематики, где изучали как «валентности», так и «значимости». Более того, представители глоссематики уделяли большое внимание корреляциям и реляциям (по терминологии Л. Ельмслева) не только в плане выражения, но и в плане содержания [147, 85]. В структуралистических теориях семантического поля значение истолковывалось нередко как отношение или как совокупность отношений между составными частями парадигмы (семантического поля) или синтагмы (словосочетания, предложения).

Парадигматический релятивизм наиболее отчетливо про-

¹ Ч. Фриз называет такое значение лингвистическим, подразделяя его на лексическое и структурное.

явился в теории семантических полей Трира – Вейсгербера. По мнению Й. Трира, «значение отдельного слова зависит от значения его понятийных соседей» [249, 3], т.е. от других членов данной семантической парадигмы. «Только как часть целого имеет оно [слово] смысл, ибо только в составе поля оно может что-то означать» [249, 6]. Еще более четко формулирует этот подход к природе значения Л. Вейсгербер: «Значение (Geltung) отдельного члена складывается (entspringt) из структурных закономерностей целого. Не целое формируется из отдельных самостоятельных частей, а отдельное значение (Einzelwert) вычленяется из целого, обуславливается им и становится понятным в его составе» [252, 99]. Эту зависимость Вейсгербер назвал законом поля.

Синтагматический релятивизм проявляется главным образом в утверждении несамостоятельности слова в составе предложения (или синтагмы), в утверждении зависимости его значения от смысла всего предложения или отдельных его частей. Эти утверждения неизбежно приводят к отказу от слова как самостоятельной единицы языка и к признанию главной его единицей предложения. Таким образом, парадигматический и синтагматический релятивизм в семантике ведет к отрицанию лексического значения как самостоятельной единицы системы языка, с чем, конечно, не могут согласиться лингвисты, стоящие на позициях марксистской философии.

Многие ученые (В.А. Звегинцев, А.А. Уфимцева, И.А. Стернин и др.) пытаются синтезировать рассмотренные теории значения, включая в понятие значения и отношение слова к предмету, и отношение слова к понятию, и отношение слова к системе языка. Но от этого природа значения не становится яснее.

Из двух основных теорий значения более приемлемой, на наш взгляд, является отражательная («субстанциональная») теория. В ее защиту можно привести следующие важные аргументы: во-первых, понимание значения как отражательной, психической сущности соответствует сути ленинской теории отражения¹; во-вторых, любая конкретизация отношения слова к предмету или понятию неизбежно приводит к необходимости формулировать (или, по крайней мере, осмыслять) те признаки предмета, которые лежат в основе этого отношения, а следовательно, и в основе значения как более или менее аб-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 244 – 256.

страктной модели, образа предмета; в-третьих, сознательная языковая и поведенческая реакция на речевой стимул (концепция Блумфилда) возможна лишь в том случае, если знак-стимул не только воспринимается, но и понимается, т.е. если ясно значение знака, содержание его «семантической функции»; в-четвертых, знание говорящими чисто реляционных, несодержательных свойств единиц языка (например, знание их отношений друг к другу в составе формальных парадигм и синтагм, их связей с определенными сферами употребления и т.п.) представляет собой своеобразный тип знания языка, коренным образом отличающийся от знания языковых значений.

Пока мы говорили о языковом значении недифференцированно, не разграничивая лексических, грамматических и словообразовательных значений, поскольку и те, и другие, и третьи могут быть интерпретированы и как отражательные и как реляционные сущности. Вопрос об их специфике будет рассмотрен в связи с анализом внутренней структуры языкового значения.

ЗНАЧЕНИЕ И ДРУГИЕ ТИПЫ ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ

Вопрос о необходимости разграничения языкового и неязыкового знания (мыслительного содержания) был поставлен уже в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и А.А. Потебни. «В языке, или речи человеческой, – писал Бодуэн де Куртенэ, – отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. Поэтому мы вправе считать язык особым знанием, т.е. мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим. <...> Признавая язык третьим знанием, знанием языковым, мы должны помнить, что только незначительная частичка наличных особенностей и различий физического и общественного мира обозначается в данный момент в речи человеческой. В одном языке отражаются одни группы внеязыковых представлений, в другом – другие. То, что некогда обозначалось, лишается со временем своих языковых экспонентов; с другой стороны, особенности и различия, ранее вовсе не принимаемые в соображение, в более поздние эпохи развития того же языкового материала могут получить вполне

определенные экспоненты (таково, например, различие формальной определенности и неопределенности существительных, свойственное ныне романскому языковому миру, но чуждое состоянию латинского языка). Известные эпохи жизни языка благоприятствуют обнаружению одних сторон человеческой психики в ее отношении к внешнему миру, другие – обнаружению других сторон; но в каждый момент жизни каждого языка дремлют в зачаточном виде такие различия, для которых недостает еще особых экспонентов» [27, 79, 83 – 84]. Потребны наряду с «ближайшими» (языковыми) выделял «дальнейшие значения», соотнесенные со сферой неязыкового знания (содержания). Языковые значения слов являются, по его мнению, внутренней формой, иначе – «способом представления внеязычного содержания» [157, 47]. Не менее актуален этот вопрос и для современной науки о языке [156]. Что же представляет собой языковое знание?

Существует, по меньшей мере, три типа языкового знания: знание значений, знание значимостей и знание функций единиц языка. Важнейшим из них для речемыслительной деятельности и речевого общения является, безусловно, знание языковых значений. Однако чтобы владеть языком, чтобы активно и умело использовать его в актах речи, необходимо знание всего механизма языка, а также правил и норм его функционирования, т.е. знание значимостей и функций единиц языка.

ЗНАЧИМОСТЬ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Понятие языковой значимости ввел в теорию языка Ф. де Соссюр. Что же понимал он под этим термином? Анализ языковых значимостей в «Курсе общей лингвистики» предшествует рассмотрению конкретных языковых сущностей и единиц, а также тождеств и различий между ними. Все эти понятия де Соссюр пытается свести к категории значимости, ибо «в конце концов, все затронутые... понятия, по существу, не отличаются от того, что мы раньше называли значимостями» [181, 142]. И далее целую главу де Соссюр посвящает разъяснению языковых значимостей. Он рассматривает их с трех сторон: со стороны означающего, со стороны означаемого и со стороны знака в целом.

Рассмотрение первого вопроса он начинает со следующего рассуждения: «Когда говорят о значимости слова, обыкновенно

и прежде всего думают об его свойстве репрезентировать понятие – это действительно один из аспектов языковой значимости. Но если это так, то чем же значимость отличается от того, что мы называем значением? Являются ли эти два слова синонимами? Мы этого не думаем, хотя смешать их легко, тем более что этому способствует не столько сходство терминов, сколько тонкость обозначаемых ими различий. Значимость, взятая в своем концептуальном аспекте, есть, конечно, элемент значения, и весьма трудно выяснить, чем это последнее отличается от значимости, находясь вместе с тем в зависимости от нее» [181, 146]. Разъяснив далее различие между отношением означающего к означаемому, т.е. акустического образа к понятию, и отношением одного языкового знака к другому (под знаком де Соссюр понимает психическую сущность, представляющую собой единство означающего и означаемого), он разрешает свои сомнения следующим вопросом: «...как определенная таким образом значимость может быть спутана со значением, т.е. с тем, что находится в соответствии с акустическим образом?» [181, 147]. Следовательно, под значимостью он склоняется понимать только лишь отношения между знаками, только лишь отношения по горизонтали.

Понятие языковой значимости, ценности (*valeur*) де Соссюр сравнивает с понятием ценности за пределами языка. Чтобы говорить о ценности, по его мнению, необходимо: «...1) наличие какой-либо непохожей вещи, которую можно **обменивать** на то, ценность чего подлежит определению; 2) наличие каких-то **сходных** вещей, которые можно **сравнивать** с тем, о ценности чего идет речь. <...> Так, для того чтобы определить, какова ценность монеты в 5 франков, нужно знать 1) что ее можно обменять на определенное количество чего-то другого, например хлеба, и 2) что ее можно сравнить с подобной ей монетой той же системы, например с монетой в один франк, или же с монетой другой системы, например с фунтом стерлингов и т.д. Подобным образом и слову может быть поставлено в соответствие нечто не похожее на него, например понятие, а с другой стороны, оно может быть сопоставлено с чем-то ему однородным, а именно с другими словами. Таким образом, для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием, т.е. что оно имеет то или иное значение; его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями, т.е. с другими словами, которые можно ему противопоставить.

Его содержание определяется как следует лишь при поддержке того, что существует вне его. Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью, а это нечто совсем другое» [181, 148].

Далее де Соссюр разъясняет понятие языковой значимости на конкретных примерах: «Французское слово *mouton* ‘баран’, ‘баранина’ может совпадать по значению с английским словом *sheep* ‘баран’, не имея с ним одинаковой значимости, и это по многим основаниям, в частности потому, что говоря о приготовленном и поданном на стол куске мяса, англичанин скажет *mutton*, а не *sheep*. Различие в значимости между англ. *sheep* и франц. *mouton* связано с тем, что в английском наряду с *sheep* есть другое слово, чего нет во французском. <...> По-французски говорят *louer (une maison)* как в смысле ‘снять (дом)’, так и в смысле ‘сдать (дом)’, тогда как в немецком языке употребляются для этого два слова – *mieten* ‘снять’ и *vermieten* ‘сдать’, – так что точного соответствия значимостей не получается» [181, 148 – 149].

Со стороны означающего де Соссюр характеризует значимость таким образом: «Подобно концептуальной стороне, и материальная сторона значимости образуется исключительно из отношений и различий с прочими элементами языка. В слове важен не звук сам по себе, а те звуковые различия, которые позволяют отличать это слово от всех прочих, так как они-то и являются носителем значения. <...> Русский родительный падеж множественного числа *рук* не отмечен никаким положительным признаком... а между тем пара форм *рука* : *рук* функционирует столь же исправно, как и предшествовавшая ей исторически пара *рука* : *рукъ*, и это потому, что в языке важно лишь отличие одного знака от другого: форма *рука* имеет значимость только потому, что она отличается от другой формы» [181, 150 – 151].

«Все сказанное... – подытоживает де Соссюр, рассматривая с точки зрения значимости знак в целом, – приводит нас к выводу, что в языке нет ничего, кроме различий. Вообще говоря, различие предполагает наличие положительных членов отношения, между которыми оно устанавливается. Однако в языке имеются только различия без положительных членов системы. Какую бы сторону знака мы ни взяли, означающее или означаемое, всюду наблюдается одна и та же картина: в языке нет ни понятий, ни звуков, которые существовали бы независимо от языковой системы, а есть только смысловые различия и

звуковые различия, проистекающие из этой системы. И понятие и звуковой материал, заключенные в знаке, имеют меньше значения, нежели то, что есть вокруг него в других знаках» [181, 152 – 153].

В современной лингвистике значимостями называют отраженные в нашем сознании (в виде специфического знания) свойства единиц языка, обусловленные их статусом в системе языка и речемыслительной деятельности: их системными связями, нормами употребления в речи и т.д. Эти свойства, равно как и соответствующие им значимости, весьма разнообразны. Реляционные свойства единиц языка, обусловленные их связями с определенными парадигмами, образуют область парадигматических значимостей (в русском языке, например, сосуд для питья называют словами *чаша*, *чашка*, *стакан*, *бокал*, *кружка*, *фужер*, *рюмка*, а в болгарском – в основном словом *чаша*; следовательно, парадигматические значимости слова *чаша* в русском и болгарском языках разные)¹. Сочетательные (дистрибутивные) свойства единиц языка, обусловленные их отношением к определенным синтагмам (линейным последовательностям тех или иных единиц), образуют область синтагматических значимостей (ср.: нем. *ich* и *ach*, русск. *перестать* и *прекратить*, русск. *вступить* и чешск. *vstoupit*, русск. *смотреть внимательно* и **видеть внимательно*). Свойства единиц языка, связанные с историей их образования, с их деривационными отношениями, образуют область деривационных значимостей, синхронных и диахронических, или этимологических (ср.: русск. *строитель*, *отказать*, *отрицание*, *зарок*, *забыть*, *пропадать*, с.-х. *пропадати* ‘проваливаться’, польск. *podbiać* ‘мать-и-мачеха’, *mniszek* ‘одуванчик’ и т.д.). Свойства, противопоставляющие архаизмы и неологизмы нейтральным в этом отношении словам, образуют область темпоральных значимостей (ср.: *аэроплан* – *самолет* – *воздушный лайнер* – *аэробус*, *геликоптер* – *вертолет* и т.п.). Свойства единиц языка, обусловленные сферой их употребления, образуют область стилевых, или узуальных, значимостей (ср.: *сообщить* – *уведомить* – *поставить в известность* и т.п.). Свойства единиц языка, обусловленные их частотностью в речи, образуют область статистических значимостей и т.д.

¹ Парадигматическими значимостями могут различаться и члены внутрисловной семантической парадигмы (например, лексико-семантические варианты слова *дорога*).

Значимостями обладают все единицы языка: лексические, грамматические и фонетические. Например, синтагматическими значимостями (формальными валентностями) различаются и приведенные выше лексемы *прекратить* – *перестать* (*прекратить* сочетается как с инфинитивом, так и с существительным, а *перестать* – только с инфинитивом: нельзя сказать **перестать работу*), и фонологически тождественные звуки [и] – [ы] (первый употребляется только после мягких согласных, а второй – только после твердых); парадигматическими значимостями различаются и слова *печалиться* – *грустить* (*печалиться* имеет каузативную пару *печалить*, а *грустить* такой не имеет), и грамматические формы *светит* – *светает* (*светит* соотносится с другими личными формами), и фонемы /т/ – /ц/ (первая имеет звонкий и мягкий корреляты, а вторая таковых не имеет), и т.д.

Значимости могут быть как семантическими (например, сочетаемость наречия *внимательно* с глаголом *смотреть* и несочетаемость с глаголом *видеть* обусловлены содержательными валентностями этих глаголов), так и формальными (как в приведенных выше примерах), но в обоих случаях они представляют наши словесно не выраженные (невербальные) знания о внутренних системных связях единиц языка.

Кроме выделенных выше типов языковых значимостей (они полностью покрывают сферу так называемых структурных значений), к значимостям можно отнести, видимо, и те свойства единиц языка (по крайней мере, часть из них), которые названы языковыми статусами значений (некоторые из них совпадают с рассмотренными нами значимостями). Статус значения, по определению М.В. Никитина, – это «совокупность соотносительных несодержательных признаков, определяющих место данного словозначения в системе языковых средств номинации. Статус значения описывает его реальный *modus vivendi* в языке, это характеристика десигната через его десигнатор. Статусные признаки не описывают того, что входит в содержание десигната, но описывают способ выражения концепта, функции данного способа выражения концепта сравнительно с другими, условия, мотивирующие этот способ, его распространенность (количественные признаки), формальные (не содержательные) правила и ограничения на употребление десигнатора в данном значении и т.п.» [144, 48].

В отличие от Никитина, квалифицирующего статус значения в основном как несодержательный признак, обусловлен-

ный главным образом тем, что значение – это концепт, связанный знаком, И.А. Стернин говорит о семантических (содержательных) значимостях – о значимостях сем и их конкретизаторов. Например, семантический признак ‘возраст’ в значении слова *женщина* представлен, по его мнению, семой ‘взрослая’ и значимостью ‘старше девочки, ребенка, младше старика, старухи’ и т.д. Значимости сем «отражают реальные отношения предметов внешнего мира по определенным признакам и входят в языковую компетенцию носителей языка, отражаясь в семантике слов. Значимость несет дифференциальную информацию, но она содержательна, представляет собой реальный семантический компонент, хотя и выделяющийся в структуре значения только в пределах той или иной семы» [185, 114]. Статус значимостей в таком их истолковании не очень ясен. Неясно, в частности, к какому содержанию (языковому или неязыковому) они относятся.

Более плодотворной представляется трактовка семантических значимостей, восходящая к идеям де Соссюра: содержательные значимости – это структурные компоненты значения, определяющие его статус в семантической системе языка (в парадигмах, синтагмах и т.д.). Как и значения, они, естественно, отражают реалии объективной действительности, т.е. обусловлены природой и свойствами называемых предметов, но в отличие от значений семантические значимости более автоматизированы в нашем сознании (и подсознании), и их знание носит поэтому скорее интуитивный, чем сознательный характер. Что же касается формальных языковых значимостей (узальных, статистических и т.п.), присущих всем единицам языка, то в них отражается знание (тоже в основном интуитивное) лишь внутрисистемных связей единиц языка. Именно по отношению к ним абсолютно справедлива мысль о том, что «значение знака раскрывается только вне данной системы (в противоположность значимости знака, которая определяется его положением внутри системы)» [213, 18].

ФУНКЦИИ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Функция – понятие очень широкое. Помимо языкознания, оно используется в математике, логике, психологии и многих других науках. В математической логике термином «функция» (или «пропозициональная функция») обозначается предикат, выражающий то или иное отношение между зависимыми от

него аргументами, или термами (по формуле aRb), например: *А предшествует В, А до В*. В близком к этому смысле употреблял термин «функция» Л. Ельмслев (аргументы он называл функциями) [76, 292–299]. Но языкознанию еще со времен Аристотеля свойственно и другое понимание функции – как роли, назначения тех или иных единиц языка (слов, морфем, грамматических категорий и т.д.). Так понималась функция, в частности, Пражской лингвистической школой, так понимается она чаще всего в советском языкознании¹.

Функции единиц языка чрезвычайно разнообразны. Самыми общими и, наверное, самыми важными являются репрезентативные (отражательно-номинативные) функции; их выполняют все основные единицы языка: звуки, слова (словоформы) и значения, а также всевозможные их сочетания. Звуки представляют словоформы, т.е. реализуют их материально и делают, таким образом, воспринимаемыми; словоформы, в свою очередь, представляют значения (семемы), выражая их путем грамматического членения фонетической субстанции; наконец, значения представляют предметы реальной действительности через понятия о них, отражая, моделируя их в нашем сознании. Вариантные единицы языка представляют, как правило, инвариантные: звуки представляют фонемы, словоформы – лексемы и т.д.

К синтаксическим функциям относятся, в частности, функции формальных («грамматических») членов предложения: формального подлежащего (*Письма доставляются почтальоном*), формального сказуемого (*Дождь идет*), формального дополнения (*Мне холодно*) и др.; функции логических, или семантических, членов предложения: предикативная, или предикатная (*Дом стоит на холме*), субъектная (*Мне холодно* – форма *мне* выполняет функцию логического субъекта, т.е. субъектного актанта как носителя состояния, обозначенного предикатом *холодно*), объектная (*Земля обрабатывается крестьянами* – форма *крестьянами* выполняет функцию логического субъекта), атрибутивная (*Сестрешили новое платье; Поезд шел медленно*) и др.; функции коммуникативных частей предложения как высказывания (*Дождь идет* – все высказывание выполняет функцию ремы; *Дождь шел вчера* – функцию темы выполняет *дождь шел*, а функцию ремы – *вчера*); различные модальные функции (например, вопроса, утвержде-

¹ О функциях-потенциях и функциях-реализациях см. [30].

ния, отрицания, сомнения, уверенности и т.п.). Все эти функции характеризуют роль единиц языка по отношению к структуре предложения (или высказывания) и к структуре акта речи.

Третий ряд образуют **конструктивные функции**: морфонологическая (например, функция интерфиксов: *пар-о-воз*, *пе-в-ец*, *уч-и-ть*, *чит-а-ть*), словообразовательная (например, функция производящей основы и форманта, или дериванта, в составе производного слова), формообразовательная (например, функция частицы *бы* как показателя сослагательного наклонения: *читал бы*), фразообразовательная (например, функция словоформы *баклуши* во фразеологизме *бить баклуши*), согласовательная (например, функция окончаний прилагательных) и др.

К следующему ряду можно отнести **стилеобразующие функции** единиц языка (например, функции слов типа *могущество*, *незабвенный*, *неуязвимый*, *година*, *кручина*, *дружище*, *показуха*, *несун*, *цаца*, *фифа*, окрашивающих речь в торжественные, поэтические, фамильярные, грубые и другие тона), а также функции разговорно-просторечных, официально-деловых, терминологических, профессиональных и других стилистических пластов лексики и фразеологии. Существуют и другие типы языковых функций: дейктическая, анафорическая, экспрессивная, эмотивная и т.д., у которых те же общие свойства, отличающие их от языковых значений и значимостей¹.

Имеются, безусловно, определенные связи между функциями единиц языка и функциями языка в целом – ономаσιологической, прагматической, коммуникативной, метаязыковой и др. [186, 174, 214]. Эти связи проявляются прежде всего в том, что функции отдельных единиц и категорий языка являются конкретной реализацией общих языковых функций.

В заключение отметим, что и функции и значимости в конечном итоге выражают различные отношения между единицами языка. Но в основе функциональных отношений лежат активные, динамические связи, обусловленные разного рода зависимостями. Иначе говоря, функции как особый тип языкового знания имеют в отличие от значимостей определенную направленность: единица языка выполняет ту или иную функцию по отношению к другой единице. Например, тот или иной аффикс является словообразовательным формантом лишь по отношению к производному слову, та или иная

¹ См. о них [64, 129, 187, 211, 232, 236].

грамматическая форма является членом предложения (выполняет определенную синтаксическую функцию) лишь по отношению к другой грамматической форме.

Есть также прямая связь между функциями и значениями. Значения трактуются нередко даже как семантические функции. Но это вряд ли оправдано. С точки зрения принятого нами понимания функции, значения следует рассматривать как субстанциональные единицы языка (идеальные сущности), выполняющие по отношению к реальной действительности и нашим знаниям о ней репрезентативную функцию. Значение – это, с одной стороны, компонент отношения (функтив, по Ельмслеву), второй частью которого (вторым функтивом) является словоформа, а с другой стороны, это компонент отношения, второй частью которого является отражаемый предмет реальной действительности.

Итак, значения, значимости и функции – это три типа языкового знания, благодаря которым любая единица языка является для говорящего осмысленной, а «осмысленность – это основное условие, которому должна удовлетворять любая единица любого уровня, чтобы приобрести лингвистический статус» [19, 132]. Однако, кроме языкового знания, существует знание неязыковое, энциклопедическое, которое, не будучи выраженным в языковых формах (в словах, фразеологизмах, грамматических формах), тоже передается главным образом с помощью языка. Основной сферой взаимодействия языкового знания с неязыковым знанием о мире, т.е. о внеязыковой действительности, является речевой смысл. Каков же механизм этого взаимодействия?

ЗНАЧЕНИЕ И РЕЧЕВОЙ СМЫСЛ

Впервые значение и речевой (актуальный) смысл были разграничены в трудах А.А. Потебни. Разграничение это выражено им в терминах «ближайшее значение» и «дальнейшее значение». Значения первого типа составляют форму языка, а значения второго типа – неязыковое мыслительное содержание¹.

¹ Дальнейшая история вопроса о соотношении значения и смысла в отечественном языкознании довольно подробно изложена А.В. Бондарко. Он рассматривает значение (вслед за Потебней) как языковую форму, а под речевым смыслом понимает ту информацию, «которая передается говорящим и воспринимается слушающим на основе содержания, выражаемого языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных в данных случаях условиях речи элементов опыта и знаний говорящего и слушающего» [28, 95].

Потебня считал, что формой выражения и способом представления неязыкового содержания являются языковые значения: «Значение слов, в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутреннею их формою в отличие от внешней звуковой, иначе – способом представления внеязычного содержания» [157, 47]. Это мнение разделяют и многие современные ученые, полагая, что языковое содержание (т.е. лексические и грамматические значения) выступает лишь в качестве средства формирования, хранения и передачи наших знаний о мире. Языковое содержание в известных пределах является общим для всех говорящих: этим, собственно, и обуславливается, в первую очередь, взаимопонимание в процессе общения. Совсем иначе обстоит дело с неязыковым мыслительным содержанием (с невербальными знаниями о мире). Объем и качество его у разных людей, да и у одного человека в разные периоды его жизни, далеко не одинаковы, что, разумеется, не может не влиять на степень взаимопонимания людей: чем ближе общающиеся (коммуниканты) по уровню и характеру энциклопедических или специальных знаний друг к другу, тем выше степень взаимопонимания между ними, и наоборот.

Взаимодействие между языковыми и неязыковыми знаниями, языковым и неязыковым содержанием нашего сознания происходит в процессе речемыслительной деятельности, в ходе формирования (кодирования) и понимания (декодирования) речевого смысла высказывания. Именно в речи «лексическое (как и грамматическое) значение используется для организации и передачи внеязыковой семантики, конкретного сообщения» [105, 158], именно в речи оно наполняется конкретным смыслом, т.е. возбуждает в нашем сознании содержание соответственного с данным значением понятия и связанные с ним ассоциативные знания о соответствующем предмете или явлении действительности. «В мозгу индивида сознание и язык образуют две относительно автономные области, каждая из которых обладает своей “памятью”, в которой хранятся относящиеся к ней строевые элементы. Эти две области сопряжены между собой таким образом, что деятельность сознания необходимо сопровождается деятельностью языка, выливаясь в единый, хотя и сложный по своей внутренней структуре, речемыслительный процесс» [102, 110]. Единство речемыслительного процесса особенно ярко проявляется в том, что в речевом смысле актуализируются (а иногда и подавляются, «зачеркива-

82

ются») так называемые потенциальные (ассоциативные, факкультативные) компоненты языковых значений, т.е. связанные с ними фоновые знания об обозначаемых предметах, явлениях, свойствах, отношениях действительности. Так, в значении слова *сообщить* нет семантического компонента, указывающего на способ передачи информации (устную или письменную речь, телефон, телеграф и т.п.), но это средство как пресуппозиция (фоновое знание), как предпосылка может быть известно из ситуации и, следовательно, входит в речевой смысл, выражаемый значением глагола *сообщить*. Напротив, в высказывании *Больной находился в тяжелом состоянии* глагол *находиться* теряет обязательный для его языкового значения компонент локативности (места) (ср.: *находиться дома, в школе, на работе* и т.д.), так как он не нужен для выражения речевого смысла 'быть' (ср. синонимичность высказываний *Больной был в тяжелом состоянии* и *Больной находился в тяжелом состоянии*). Таким образом, в пресуппозициях «язык (высказывание) и все внелингвистические знания, фиксируемые человеческим сознанием, соприкасаются друг с другом непосредственно. Но вопрос о том, каким образом происходит согласование внелингвистического с лингвистическим, подтекста с текстом или пресуппозиций с высказыванием, по сути дела остается открытым» [83, 264]. В современной лингвистике намечается два пути решения этого вопроса. Одни ученые решают его в плане дифференциации обязательного (ядерного) и потенциального (вероятностного) компонентов в языковом значении, другие – в плане разграничения языкового (системного) значения и речевого (актуального) смысла.

Интересная реализация первого подхода предложена М.В. Никитиным. В целостном когнитивном содержании словозначения (лексическом значении) автор выделяет две части: интенционал и импликационал. Первый образует содержательное ядро лексического значения, а второй – его периферию. Интенционал – «структурированная совокупность семантических признаков, наличие которых полагается обязательным для денотатов данного класса. Интенционалы понятий-значений лежат в основе мыслительных и речевых операций по классификации, отождествлению – различению денотатов и их именованию. К примеру, все матери являются женщинами-родительницами, и эти два признака ('родитель' и 'женский пол'), связанные спецификационной (родо-видовой) зависимостью, составляют интенционал слова *мать*» [144, 24]. Импликацио-

нал – это совокупность таких семантических признаков у денотатов данного класса, наличие или отсутствие которых с необходимостью или вероятностью предполагается интенциональными признаками. Он может быть сильным, слабым и отрицательным. В сильный импликационал входят высоковероятностные, хотя и не обязательные, признаки денотата (например, такие признаки денотата *зима*, как ‘самое холодное время года’, ‘выпадает снег’, ‘люди тепло одеваются’). Содержание слабого импликационала составляют такие семантические признаки, наличие или отсутствие которых у денотата в одинаковой степени вероятно (например, признаки ‘узкая ~ широкая’, ‘полноводная ~ неполноводная’ у денотата *река*). Наконец, отрицательный импликационал включает совокупность таких семантических признаков, связь которых с признаками интенционала представляется невозможной или маловероятной (такowymi являются, например, признаки ‘непроточность’, ‘горючесть’ по отношению к денотату *река*).

Таким образом, «информация о денотате, которая связывается со словом в тексте [т.е. речевой смысл. – Л.В.], складывается из двух частей: его неперенных интенциональных признаков и некоторой части его импликационных признаков, имплицитно “оживляемых”, актуализируемых контекстом или эксплицитно называемых в нем» [144, 25]. Первые, по нашему мнению, относятся к области языкового знания, т.е. такого знания, которое фиксируется, отражается в данном значении, а второе – к области неязыкового знания, т.е. к области семантического потенциала, не фиксируемого, а лишь предполагаемого (или отрицаемого) данным значением. С этой точки зрения «импликационал составляет не столько часть собственной семантики имени, сколько его “силовое поле”», «его обусловленный и варьирующийся в контексте компонент, зависимый от логической структуры контекста» [144, 27]¹.

Интересно пытается решить проблему взаимоотношения языкового и неязыкового знания И.А. Стернин. В ясной форме он ставит и вопрос о взаимоотношении языкового и неязыкового знания, и вопрос об отношении языкового значения к речевому смыслу слова. Первый вопрос рассматривается в контексте проблемы «значение слова и знание о мире». «Под знанием о мире следует понимать всю совокупность знаний, относящихся к тому или иному предмету. Знание о мире, та-

¹ Такой же примерно подход к обсуждаемому вопросу см. [169].

ким образом, включает научное, бытовое и энциклопедическое знание» [185, 21]. Языковое знание о мире, по мнению Стернина, противопоставит неязыковому, т.е. знанию, существующему в сознании в неязыковой форме. «Языковое знание представлено в значениях слов в виде отдельных семантических компонентов, неязыковое – не образует каких-либо компонентов в значениях слов. Неязыковые знания хранятся в сознании человека в конкретной, чувственно-наглядной форме и являются результатом наглядно-действенного мышления человека, общего у него с животными» [185, 31].

Мысль о том, что знания людей, фиксируемые в языковых значениях, являются частью знания о мире и что, кроме языкового знания о мире, существует также неязыковое знание, правильна¹. Но она требует некоторых уточнений. Во-первых, наряду с языковым знанием о мире, вообще не выраженным в значениях того или иного языка, следует, видимо, признать и такое неязыковое знание, которое не фиксируется только данным значением, но может быть выражено в значениях других слов. Например, в значении глагола *прибыть* не выражено знание говорящих о возможных средствах прибытия, но это знание входит в более конкретные значения глаголов *прийти*, *приехать*, *прилететь* и др.; в прямом значении слова *лиса* не выражены (не являются обязательными компонентами этого значения) такие свойства названного животного, как 'хитрый', 'лукавый', 'льстивый', но они отражены в значениях прилагательных *хитрый*, *лукавый*, *льстивый* и в переносном значении существительного *лиса*. Именно в этом и проявляется избирательный характер языкового значения: в нем отражается обычно лишь часть признаков называемого предмета (они-то и являются основой номинации), а все остальные признаки остаются по отношению к данной номинации (к данной языковой компетенции) в сфере неязыкового знания, составляя информационный потенциал (импликационал) значения, способный реализоваться лишь в речевом смысле. В языковое значение, вопреки мнению Стернина, знание о мире не входит. Во-вторых, в языковое знание, как мы видели, кроме знания о внеязыковой действительности, отраженной в значениях, входит и знание самого языка, т.е. знание значимостей и функций его единиц.

¹ Ср. рассуждения Б.А. Серебренникова о языковом и неязыковом мышлении [170, 76 – 112].

Языковому значению Стернин противопоставляет актуальный (речевой) смысл слова, под которым он понимает «совокупность коммуникативно релевантных сем в конкретном акте речи» [185, 97]. Актуальный смысл слова, считает он, «всегда представляет собой одну из возможных актуализаций значения в конкретном коммуникативном акте, которая подчинена конкретной коммуникативной задаче» [185, 100]. С этими положениями вполне можно было бы согласиться, если бы процесс актуализации не сводился автором к коммуникативному варьированию значения. «Любой актуальный смысл слова есть семный вариант его системного значения, один из возможных вариантов значения в коммуникативном акте» [185, 102] – это утверждение логически следует из широкого (интегрального) понимания языкового (системного) значения. Но такая концепция значения как единицы лексико-семантической системы языка неприемлема, ибо она растворяет собственно языковое содержание того или иного значения в необъятном море других знаний о предмете, который оно представляет (именует), и ведет, следовательно, к произволу, к совершенно неоправданному субъективизму в семантических исследованиях. Иными словами, такая концепция «системного» значения полностью стирает намеченные Потемной границы между языковым и «внеязычным» мыслительным содержанием. Непростой вопрос о взаимодействии содержания языковых значений с не отраженными в них знаниями об обозначаемых предметах в составе речевого смысла того или иного высказывания надо решать, думается, иначе.

Сферой взаимодействия языкового (языковых значений) и неязыкового содержания является предложение (высказывание). Смысл предложения как результат этого взаимодействия определяется смыслом конституирующих его единиц языка, т.е. складывается из актуализированных в речи языковых значений. Такие значения называют обычно референтными (или сигматическими), противопоставляя их значениям системным (узуальным, собственно языковым). Актуализация языковых значений и соответствующих им понятий – очень сложный рече-мыслительный процесс. Для Ш. Балли «актуализировать понятие значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта» и, следовательно, индивидуализировать его, а «индивидуализировать понятие значит одновременно локализовать (I) его и определить количественно (II)» [16, 87, 89]. Но процесс актуализации понятия (виртуального языкового значе-

ния) не сводится только к пространственной или временной локализации и количественной характеристике обозначаемого. Он включает также выделение и подчеркивание определенными средствами (актуализаторами) существенных для данного коммуникативного акта знаний об обозначаемом предмете. Эти знания могут быть зафиксированы в значении данного слова, в его интенционале (такие знания мы называли языковыми), или входить в информационный потенциал значения, в его импликационал – сильный, слабый или отрицательный (такие знания мы называли неязыковыми). Например, основное языковое значение слова *дом* составляет понятийное содержание 'строение, предназначенное для нормальной (обычной) жизни и работы, деятельности людей' (*жилой дом, Дом культуры, Дом быта, дом отдыха* и т.д.), а все другие наши знания о домах (о материале, из которого их строят, об их форме, величине и т.д.) относятся к неязыковым и составляют лишь вероятностный потенциал данного значения. Такое противопоставление языкового и неязыкового знания является в значительной мере условным, ибо «признак, являющийся ассоциативным и прагматическим в одном лексическом значении, выступает в качестве существенного и семантического в другом» [7, 68], т.е. импликационал данного значения может составлять интенционалы многих других языковых значений.

Актуализации в актах речи могут подвергаться как признаки (компоненты), составляющие содержание интенционала, так и признаки, составляющие содержание импликационала языкового значения. Не следует, однако, думать, что при построении предложения и при его преобразовании в речевое высказывание актуализируются в равной мере все его компоненты. Речевая практика свидетельствует о разной степени и неодинаковом характере их актуализации.

Признаки интенционала языковых значений актуализируются в составе высказывания как в полном своем объеме, так и частично. Например, в предложении *Вошли двое мужчин и одна женщина* значения слов *мужчина* и *женщина* (их интенционалы) реализуются полностью, т.е. актуализируются все их компоненты. Наоборот, в предложении *Больной находился в тяжелом состоянии* значение глагола *находиться* реализуется только частично: обязательный его компонент локативности нейтрализуется и, значит, не входит в речевой смысл данного слова. Полная актуализация интенционального содержания языковых значений происходит обычно в высказываниях об-

щереферентного характера, в которых акт сообщения не сопровождается актом «выделения релевантной для сообщения части класса» [123, 82] (*Человек смертен; Земля вращается вокруг Солнца; На смену ночи приходит день; Лошади – очень умные животные* и т.п.). В отношении высказываний такого типа вряд ли можно утверждать, что «в речи одно и то же слово никогда не употребляется в одном и том же значении» [163, 93]. Частичная актуализация компонентов интенционала наблюдается в общереферентных высказываниях, в которых акт сообщения сопровождается актом «выделения релевантной для сообщения части класса» (*Мудрый человек честен; Человек, предавший друга, – подлец* и т.п.), а также в таких высказываниях, в которых происходит расширение (генерализация) основных языковых значений (*Все находилось в движении; Время шло очень медленно* и т.п.). Вопрос о том, когда результат расширения основного значения при его актуализации следует считать самостоятельным языковым значением, а когда его следует рассматривать как речевой смысл, – очень трудный вопрос. Все дело, очевидно, в нормативности употребления, в сложившейся традиции: расширенное значение, явившееся следствием исторического развития языка, более традиционно и, следовательно, более нормативно, чем соответствующий ему речевой смысл. Но принципу нормативности употребления подчинены все же и те и другие. Поэтому толковые словари не всегда четко их разграничивают.

При употреблении слова с родовым значением вместо слова с видовым значением в его речевом смысле актуализируется и содержание видового значения (*Под окном нашего дома растет чинара. Это очень красивое дерево* – речевой смысл слова *дерево* включает и значение ‘чинара’).

Абстрактные компоненты (семы) интенционала в процессе актуализации часто конкретизируются и выступают в составе речевого смысла в виде аллосем. «Аллосемы – это конкретные вариации семы, обусловленные коммуникативным намерением говорящего и воплощенные в конкретном лексическом значении». «Так, сема ‘препятствие для деятельности людей’ в разных коммуникативных ситуациях может выявиться в аллосемах ‘препятствует жизни, работе’ (*ремонт*), ‘препятствует полетам самолетов’ (*туман*), ‘препятствует обработке почвы’ (*ямы, кусты, овраги*), ‘препятствует перемещению’ (*болота, джунгли*) и т.д.» [185, 115]. И тем не менее актуализация – это не просто индивидуализация и конкретизация языковых значений и да-

же не просто их модификация и семное варьирование, но обогащение языковых значений за счет неязыкового (в указанном выше смысле) денотативного знания (понятийного и образного – когнитивных структур, перцептивных образов и т.д.), обусловленного ситуацией и контекстом высказывания [210].

Те или иные компоненты импликационала, т.е. не зафиксированного в данном языковом значении знания об обозначаемом предмете, актуализируются наиболее ярко при употреблении лексических единиц в их характеристической функции. Например, в предложении *Не бойся, ведь ты же мужчина!* актуализируется наше представление о мужчине как о смелом человеке ('раз ты мужчина, то должен быть смелым'), не входящее в интенционал значения 'мужчина'; в предложении *Ничего, неси: ведь ты же мужчина* (в ситуации, скажем, с тяжелым чемоданом) реализуется представление о мужчине как о сильном человеке, тоже не входящее в интенционал значения 'мужчина', и т.д. Актуализироваться может сразу несколько компонентов импликационала. Например: *Вот это мужчина!* – актуализируются все признаки, входящие в наше понятие об идеальном мужчине; *Какой же ты мужчина!* – актуализируются признаки отрицательного импликационала и т.д. Однако все содержание импликационала, все наши знания об обозначаемом данным словом предмете вряд ли когда-либо актуализируются в отдельном высказывании полностью; для этого нужен широкий контекст. «...Можно утверждать, что основной единицей коммуникации является текст, ибо только в тексте развертывается цельная конкретная коммуникация, а само общение приобретает законченный информационный акт (будь это в форме диалога или монолога)» [107, 62].

Было бы неверно полагать, что при актуализации тех или иных признаков импликационала, т.е. тех или иных компонентов неязыкового знания об обозначаемом, содержание интенционала не реализуется. Оно лишь отступает при восприятии на задний план, становится как бы фоном, на котором более ярко выступают некоторые фрагменты импликационального знания.

При переносном употреблении слова актуализируется часть интенциональных и импликациональных компонентов того значения, которое применяется при наименовании (и характеристике) нового предмета, а параллельное прямое название этого предмета становится основой их смысловой реализации. Например, в предложении *Ну и медведь же ты!* речевой

смысл слова *медведь* складывается из компонентов 'мужчина (обычно взрослый)' (имя лица, на которое переносится другое название) и 'неуклюжий, неловкий, грубый' (импликационные признаки животного, имя которого переносится на данное лицо), причем актуальными являются лишь «переносные» компоненты этого смысла. Закрепленные общенародной традицией употребления, они вошли в интенционал переносного значения слова *медведь*. Образная сила метафорического значения заключается именно в яркости, свежести, актуальности его «переносных» компонентов. Как только их яркость тускнеет, метафора превращается в обычную номинативную единицу (*ножка стола, ручка двери, нос корабля* и т.д.).

Итак, необходимо признать (на это нас наталкивают реальные факты функционирования единиц языка в речи), что актуализация языкового значения в составе высказывания не сводится к простому варьированию его жестко заданного семного состава. Эти процессы, разумеется, имеют место в речи. Но наряду с ними происходит и другое: в речевой смысл языковых значений вовлекаются (с помощью ситуации и контекста) коммуникативно значимые компоненты тех наших знаний о предмете, которые в их содержание как системных единиц не входят. Таким образом, в процессе речевого функционирования языковые значения не только реализуют свое постоянно присущее им знаковое содержание, но и как бы впитывают в себя какую-то часть не зафиксированного в них знания об обозначаемом, а именно ту его часть, которая предусмотрена коммуникативным заданием высказывания. Поэтому речевой смысл бывает, как правило, богаче реализованного в нем языкового значения. Взаимодействие языкового и неязыкового (в узуальном смысле) содержания происходит не только при синхронном функционировании языка, но и в ходе его исторического развития: на базе речевого смысла изменяются старые значения и возникают новые. «Язык далек от того, чтобы функционировать, “не изменяясь”, как это бывает с “кодами”; он изменяется, чтобы продолжать функционировать как таковой» [112, 156].

СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЙ И ТИПЫ ИХ КОМПОНЕНТОВ

В живой речи мы имеем дело не с абстрактными значениями (лексическими, грамматическими или словообразовательными), а с конкретными значениями словоформ, т.е. с семе-

мами (если под семемой понимать все содержание словоформы).

Семемы, особенно глагольные, имеют обычно очень сложную внутреннюю структуру. Прежде всего в них выделяются такие макрокомпоненты (или аспекты), как эмпирический, или денотативный («идеальный денотат») [196], рациональный, или сигнификативный (в иных терминах – сигнификат, концепт, понятийное содержание) и коннотативный, или прагматический [182, 145, 187]. Эмпирический компонент значения – это результат конкретного понятийного и образно-чувственного мышления¹, отражающего действительность одновременно в форме понятий и представлений (ср. слова типа *береза, дуб, дом, лес, сладкий, красный, сидеть, спать*). Рациональный компонент значения – это результат абстрактного понятийного мышления (ср. слова типа *причина, следствие, отношение, материя, форма*). Наконец, коннотативный компонент значения – это результат логически слабо расчлененного отражения действительности, связанного с чувственно-ситуативным мышлением. К коннотациям относят обычно экспрессивно-образное, эмоционально-образное, эмоционально-оценочное и модально-оценочное содержание (ср. коннотации слов типа *осел, собака, дуб, береза, прикорнуть, фифа, цаца, величественный, подвиг, придется*). Иногда как коннотации трактуются также стилистические свойства слов (так называемые стилистические значения), например книжность, разговорность, просторечность и т.п.², однако при том понимании языкового значения, которое принято нами, последние следует отнести к сфере значимостей.

По другим основаниям можно выделить следующие макро- и микрокомпоненты семем: 1) лексические, в том числе словообразовательные, и грамматические; 2) эксплицитные и имплицитные; 3) парадигматические и синтагматические; 4) доминирующие и зависимые; 5) ядерные и периферийные; 6) идентифицирующие и дифференцирующие; 7) категориальные и идеосинкретические; 8) обязательные и факультативные. При этом под компонентами семем понимаются и семы (элементарные компоненты, «семантические примитивы»), и семантические множители (непосредственно составляющие се-

¹ О типах мышления см. [170, 76 – 112].

² См. [120, 187, 242]. И.А. Стернин выделяет стилистические (стилевые) свойства слов в особый, функционально-стилистический компонент значения.

мем), и семантические признаки (гиперсемы, или родосемы), и их конкретизаторы (гипосемы, или видосемы).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

Проблема лексических, словообразовательных и грамматических компонентов семемы – традиционная проблема лексического, словообразовательного и грамматического значений. Изучению этой проблемы, особенно выяснению природы указанных типов значения и критериев их разграничения, уделялось немало внимания. В результате было установлено, что, во-первых, грамматические и словообразовательные значения могут быть только абстрактными, а лексические – и абстрактными и конкретными и что, во-вторых, абстрактные лексические значения (например, слов типа *отношение, причина, следствие, направление, место*) по своему логическому содержанию могут совпадать с соответствующими словообразовательными и грамматическими значениями (ср.: *запеть – начать петь; Останьтесь. – Прошу вас остаться*). Это заставило ученых отказаться от поисков существенных различий между лексическими, словообразовательными и грамматическими значениями в плане содержания и обратиться к более тщательному исследованию их внешнеформальных и структурных (реляционных, системных) различий. В ходе этих исследований было выяснено, что с формальной точки зрения, т.е. с точки зрения соотносительности языковых значений с единицами плана выражения, собственно грамматическими следует считать такие языковые значения, которые находят свое внешнее выражение в грамматических средствах, т.е. проблема грамматического значения сводилась, по существу, к вопросу о том, что следует относить к грамматическим средствам языка¹.

В советском языкознании вопрос о грамматических средствах (о внешних выразителях грамматических категорий) наиболее глубоко и широко был поставлен в статье Л.В. Щербы «О частях речи в русском языке». К внешним выразителям категорий Щерба относит изменяемость слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонацию, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксиче-

¹ Ср. в связи с этим мнение У. Вейнрейха: «...никакого особого “грамматического значения” нет, есть лишь особые знаки, обладающие свойством грамматической (но не семантической!) обязательности» [57, 197].

скую связь. «Противопоставляя форму, знак – содержанию, значению, я позволяю себе, – говорит он, – называть все эти внешние выразители категорий **формальными признаками** этих последних, ибо не вижу никакой пользы в выделении, среди прочих признаков, формальных морфем в особую группу. <...> Признаки, выразители категорий, могут быть положительными и отрицательными: так, “неизменяемость” слова, как противоположение “изменяемости”, также может быть выразителем категории, например наречия» [217, 65]. Позднее формальные признаки Щербы стали называть формальными (грамматическими) средствами или просто формантами.

Многие ученые к формально-грамматическим средствам языка (к формантам) относят служебные слова (предлоги, послелоги, союзы, частицы, артикли) и даже местоимения. Особенно прочно этот взгляд утвердился во французской лингвистике (в работах Ж. Вандриеса, А. Мартине и др.). Здесь служебные слова рассматриваются как аналитические морфемы, выполняющие чисто грамматическую функцию и лишенные какого бы то ни было лексического значения. Мартине, например, разделяет монемы на лексические (лексемы) и грамматические (морфемы). К последним, кроме служебных слов, он относит и местоимения. Главной особенностью грамматических монем Мартине считает ограниченность их состава.

У советских лингвистов отождествление служебных слов с морфемами не было принято. Большинство ученых, в частности такие крупные теоретики, как В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, А.И. Смирницкий, выступали против смешения служебных слов и местоимений с морфемами, признавая за ними статус слова. Если под словом понимать грамматическое слово, т.е. словоформу и лексему в принятом нами определении, то это совершенно правильная точка зрения.

Попытки разграничить лексические и грамматические значения на основании структурного принципа привели к необходимости разделения, во-первых, явной (эксплицитной) и скрытой (имплицитной) грамматики, а во-вторых, центральных и периферийных, сопутствующих (маргинальных) значений.

Идею явной и скрытой грамматики в русском языкознании развивали А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, в американском – Э. Сепир, Б. Ли Уорф, в немецком – Э. Кошмидер. Согласно этой идее, языковое содержание оформляется не только с помощью внешних грамматических средств, но и с помощью внешне не выраженных семантических категорий,

выполняющих в определенном смысле функцию грамматических значений. Особенно важную роль скрытая грамматика играет в таких языках, как китайский, но в той или иной мере она заложена в природе любого языка, являясь основой всякого грамматического строя [102, 79]. В русском языке имплицитно, т.е. с помощью лексических значений и контекста, выражаются, например, значения определенности ~ неопределенности (ср.: *Срочно вызвали врача.* ~ *Врач нашел состояние больного тяжелым*), результативности ~ нерезультативности (ср.: *искать* ~ *находить*, *читать* ~ *прочитывать*), каузативности ~ некаузативности (ср.: *есть* ~ *кормить*, *смотреть* ~ *показывать*, *идти* ~ *гнать*, *ехать* ~ *везти*), произвольности ~ непроизвольности (ср.: *бросать* ~ *ронять*, *смотреть* ~ *видеть*, *слушать* ~ *слышать*), лица (например, глаголы *присутствовать*, *посещать*, *говорить*, *ругать*, *хвалить* содержат виртуальную синтагматическую сему лица) и т.д. С этой точки зрения грамматическая форма, как справедливо утверждал Потебня, есть значение, а не звук: «Формальность языка есть существование в нем общих разрядов, по которым распределяется частное содержание языка, одновременно с своим появлением в мысли» [157, 61]. Э. Кошмидер называет категории скрытой грамматики категориями подразумеваемого содержания, С.Д. Кацнельсон – просто скрытыми категориями или скрытыми категориальными компонентами лексических значений. «Скрытые категории, – пишет Кацнельсон, – это подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке. Из сказанного, однако, не следует, что скрытые категории вообще никакого выражения не имеют и обретаются, так сказать, в “эфире чистого духа”. Как и все элементы мысли, они необходимо требуют звукового выражения, но выражаются они не прямо, не непосредственно, а окольным путем, при посредстве слов и словесного контекста. Если скрытые категории, как иногда говорят, “угадываются из контекста”, то только потому, что в контексте содержатся достаточно четкие и недвусмысленные указания на этот счет. Не лексические значения и синтаксические связи сами по себе, а грамматически оформленные и сочетающиеся в предложении словесные знаки являются выразителями скрытых категорий. В звуковой оболочке слов, синтагматических и фразовых единиц вместе с другими смысловыми компонентами получают выражение и скрытые категории» [102, 83].

Лексические значения слова считаются обычно централь-

ными компонентами (в работах А.А. Шахматова, Л. Ельмслева и др.), а грамматические его значения – периферийными. Правда, Т.В. Булыгина и Г.А. Климов утверждают обратное [41], но вряд ли они правы – хотя бы потому, что грамматические значения обычно не укладываются в сентенциональное толкование слова и нередко с трудом поддаются четкому логическому определению.

Из сказанного выше следует, что строгих критериев разграничения лексических и грамматических значений еще не разработано. Однако ясно, что при узком понимании грамматических значений, т.е. при понимании грамматических значений как содержательных коррелятов каких-либо внешних формальных средств их выражения (окончаний, внутренней флексии, интонации, порядка слов и т.д.), они являются по своему характеру формально-грамматическими (внешнеструктурными) единицами языка, а при широком их понимании, учитывающем и семантические категории скрытой грамматики, – содержательно-грамматическими (внутреннеструктурными) и функциональными.

К бесспорным различиям между лексическими и грамматическими значениями (при узком понимании последних) можно отнести лишь следующие: 1) грамматические значения в отличие от неграмматических (лексических и словообразовательных) не соотнесены прямо с конкретными предметами, они выражают обычно самые общие отношения, связанные с номинативным, модально-предикативным и коммуникативным планами высказывания; 2) грамматические значения в принципе присущи всем словам данной части речи, а неграмматические – лишь отдельным ее словам или группам слов (тематическим, лексико-семантическим, лексико-грамматическим, словообразовательным, синонимическим и т.п.); 3) грамматические значения не допускают, как правило, толкований с помощью отдельных словосочетаний и предложений, что свидетельствует об их нечеткой логической вычленимости, об их связанности и автоматизированности, подсознательности; 4) грамматические значения выражаются с помощью особых грамматических средств, составляющих специфику грамматических категорий тех или иных частей речи (в содержательном плане эта особенность является факультативной, в формальном – основной).

Словообразовательные значения тоже понимаются и определяются по-разному. Одни ученые отождествляют их со зна-

чениями словообразовательных морфем, другие видят в них тот остаток, который получается вследствие вычитания значения мотивирующего (непроизводного) слова из значения мотивированного (производного) слова, третьи понимают под ними значения словообразовательных моделей¹. В любом случае словообразовательное значение представляет собой выраженное в структуре производного слова отношение между семантикой мотивирующей и мотивированной основ, т.е. «словообразовательное значение формирует лексическое значение производного слова на базе лексического значения производящего слова, ставя его в определенные отношения и сливаясь с ним в новое значение» [139, 16]. В отличие от собственно лексических значений словообразовательные значения (семы), как правильно отмечали многие ученые, всегда являются «групповыми», «серийными», «классными», т.е. они делят слова на определенные группы, классы, словообразовательные типы. Но «классными» могут быть и категориальные компоненты лексических значений (такие, как 'одушевленность', 'собирательность', 'субъект', 'объект', 'лицо', 'адресат' и т.п.). От них словообразовательные значения отличаются только своей эксплицитной производностью, т.е. выраженностью в формальной структуре слова, словообразовательной или морфемной. На эту особенность словообразовательных значений ясно указал Г.О. Винокур: «...есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и суть слова с производными основами. Вот почему значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» [62, 421]. Из этого тезиса исходят авторы «Русской грамматики» и многие другие ученые. Е.А. Земская полагает, например, что единственным словооб-

¹ Подробное критическое изложение истории изучения словообразовательных значений см. [114].

разовательным значением прилагательного *лесной* в любых его контекстах (*лесной зверь, лесные ягоды, лесной домик, лесной воздух* и т.д.) является значение 'относящийся к лесу, связанный так или иначе с лесом'.

При узком понимании словообразования иной подход, собственно, и невозможен. Но поскольку в деривационных моделях типа *учить* → *учитель* 'тот, кто учит' и *лечить* → *врач* 'тот, кто лечит' дифференциальное семантическое содержание производных слов совершенно идентично, возможно и широкое понимание словообразования (оно представлено, например, в работах В.М. Маркова), охватывающего наряду с эксплицитными также имплицитные словообразовательные модели. В случае имплицитной номинативной деривации (*лечить* → *врач*) вполне правомерно употребление термина «деривационное значение» (или «деривационная сема»). По отношению к лексико-семантической системе языка словообразовательные значения (точнее, компоненты значения) выступают в функции семантических значимостей производных слов, ибо они указывают на принадлежность производного слова к определенному словообразовательному типу и словообразовательной парадигме. Однако существуют и формальные словообразовательные значимости. К ним относятся прежде всего различные типы формальной (структурной) мотивированности деривата. Например, словообразовательное значение наречия *по-дачному* 'как на даче' является результатом его семантической мотивированности существительным *дача*, а формальная словообразовательная значимость – результатом мотивированности прилагательным *дачный*. Вообще говоря, при транспозиции (по М. Докулилу) мы всегда имеем дело с формальными словообразовательными значимостями (ср.: *читать* – *чтение*, *синий* – *синева*, *новый* – *по-новому*), а не со словообразовательными значениями как отражательными (содержательными) сущностями: синтаксический дериват может быть мотивирован своим производящим лишь формально. К сфере формальных значимостей следует, видимо, отнести и случаи словообразовательной «стилистической модификации» (*специалист* → *спец*, *столовая* → *столовка*, *штука* → *штученция* и т.п.). Поскольку и при «чистой» транспозиции и при «стилистической модификации» меняется лишь статус слова как части речи или стилистическая его значимость, эти словообразовательные процессы не следует квалифицировать как номинативную деривацию.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

Эксплицитные и имплицитные компоненты значения (семемы) различаются по способу представленности в плане выражения. Эксплицитными (явно выраженными) называют такие компоненты, которые имеют явное словообразовательное (морфемное), формообразовательное (морфологическое) или синтаксическое (лексико-семантическое) выражение: *учить* → *учитель* → *учительство* (дополнительные семантические компоненты в производных словах *учитель*, *учительство* выражают с помощью словообразующих морфем *-тель*, *-ство*); *стол* → *стола* (дополнительный семантический компонент 'множественное число' в производной словоформе *стола* выражается окончанием *-ы*); *быстро* → *быстрее* (дополнительный семантический компонент сравнительной степени в производной словоформе *быстрее* выражается формообразующим суффиксом *-ее*); фр. *rouge* 'красный' → *plus rouge* 'краснее' (дополнительный семантический компонент сравнительной степени выражается в производной аналитической форме словоформой *plus*); *читать* → *буду читать* (грамматическое значение 1-го лица единственного числа выражается словоформой *буду*); *поступать* → *поступать скромно* (виртуальная оценочная сема глагола *поступать* конкретизируется синтагматически самостоятельной лексемой *скромно*, ср. *скромничать*) и т.д. Таким образом, эксплицитными являются все словообразовательные и грамматические значения в узком их понимании¹, а эксплицироваться могут также виртуальные (имплицитные) лексические семы (случай типа *поступать скромно*, *говорить быстро*, *кричать громко* <во весь голос> и т.п.; ср.: *скромничать*, *тараторить*, *орать*). К эксплицитным относят, конечно, и такие лексические семы, которые составляют основное понятийное содержание тех или иных лексем (*отрицание*, *условие*, *причина*, *человек*, *растение* и т.п.).

Имплицитные (скрытые) компоненты значения не имеют самостоятельного явного выражения в формальной лексико-грамматической структуре языка. Они выражаются синкретиче-

¹ Следует, однако, отметить, что даже «максимально полная морфологическая сегментация лишь в редких случаях приводит к выделению предельных семантических элементов ("семантических примитивов"), поскольку морфемы, во всяком случае, корневые — обычно семантически неэлементарны» [40, 8].

ски, т.е. представлены вместе с другими компонентами одной и той же словоформой (лексемой) или морфемой (*человек* → *мужчина* – имплицирован компонент ‘человек’; *мужчина* → *юноша* – имплицированы компоненты ‘человек’ и ‘мужской пол’; *говорить* → *тараторить* – имплицирован компонент ‘быстро’; *прыгнуть* → *прыг* – имплицированы компоненты ‘быстро’ и ‘внезапно’ и т.д.). Таким образом, имплицитные компоненты значения выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах и синтагмах, т.е. через лексико-семантические оппозиции и контекст, и относятся поэтому к так называемой скрытой грамматике [195]. Конкретизация скрытых семантических компонентов осуществляется обычно путем различных синтаксических преобразований, путем лексико-семантического развертывания, перифразирования семем (*юноша* → *юный человек мужского пола*; *клеветать* → *сообщать кому-либо о ком-либо ложь с целью опорочить, скомпрометировать*; *грубить* → *говорить грубости, вести себя грубо* и т.д.); этот прием широко используется, например, в толковых словарях. Однако перифразы (семантико-синтаксические синтагмы), получаемые в результате таких преобразований, далеко не всегда эквивалентны по своему содержанию исходным лексемам (например, *вести себя скромно* не равно по значению *скромничать*, *говорить быстро* не равно *тараторить*). Чаще всего не поддаются полной экспликации коннотативные (экспрессивные) компоненты языковых значений.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По типу отношений, в основе которых они лежат, компоненты языковых значений могут быть синтагматическими (синтагмемами [68]) и парадигматическими. Так, семы субъектности и локативности (места) в значении словоформы *находится* (например, в предложении *Он находится здесь*), обуславливающие соответствующую ее семантическую сочетаемость (ее «семантическое согласование»), являются синтагматическими, а остальные семы (лексическая сема ‘быть’ и грамматические семы лица, времени, наклонения в их конкретной реализации: 3-е лицо, настоящее время, изъявительное наклонение) – парадигматическими. Первые обуславливают взаимосвязь семем в составе синтагм, из-за чего их часто называют также

семантическими валентностями, а вторые – их взаимосвязь в составе лексических и грамматических парадигм.

Р.М. Гайсина синтагматические семы (семантические валентности) глаголов отношения (например, субъектную и объектную семы в синтагме *А зависит от В*) называет функциональными ^{релятивными} семами на том основании, что их конкретизаторы выполняют функцию актантов по отношению к своему предикату, содержание которого составляют абсолютная и квалифицирующая релятивные семы [66]. В. Бондцио называет синтагматические семы (вместе с их носителями) функторами, противопоставляя их модификаторам, варьирующим функторы [224]. Вряд ли эти термины можно признать удачными, ибо абсолютно все семантические компоненты функционально значимы. Естественнее противопоставлять в значении предиката собственно предикатные и аргументные компоненты, аргументные же компоненты, в свою очередь, могут подразделяться (в соответствии с классификацией Л. Теньера [248]) на актантные и сирконстантные (обстоятельные).

От семантической сочетаемости лексических единиц, обусловленной синтагматическими компонентами их значений («синтагмемами»), необходимо отличать формальную сочетаемость словоформ, лексическую и грамматическую, обусловленную традицией, нормами употребления (ср., например, допустимость сочетания *прекратил работу* и недопустимость сочетания **перестал работу*, логически вполне возможного).

ДОМИНИРУЮЩИЕ И ЗАВИСИМЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

Доминирующие (господствующие) и зависимые семантические компоненты значения выделяются по характеру их отношения внутри семем. Например, компонент ‘каузировать, быть причиной чего-либо’ у глаголов *стыдить, сердить, волноваться, вести, показывать, кормить, убивать* и т.п. является доминирующим, а все остальные – зависимыми. При этом зависимые компоненты семемы тоже связаны между собой иерархически, т.е. подчинены (или соподчинены) друг другу. Например, значение словоформы *вспугнуть* можно истолковать как ‘воспрепятствовать, помешать кому-либо осуществить, сделать что-либо, вызвав боязнь, страх’ (каузативная сема является в этом толковании зависимой от семы контрдействия и вместе с тем господствующей по отношению к семантическому

множителю 'страх'); в значении глагола *завидовать* 'сожалеть, что не имеешь того, чем обладает другой' еще более сложная иерархия компонентов. Возможность вычленения доминирующих и зависимых компонентов в составе семем свидетельствует о том, что их структура сходна во многих отношениях с семантической структурой предложений (пропозиций). Не очень ясен статус грамматических сем в составе семем: в отличие от лексических сем и семантических множителей они не укладываются обычно в толкование значения словоформы посредством отдельного словосочетания (перифразы) или предложения, т.е. «ведут себя» примерно так, как вводные компоненты в структуре предложения, и являются, следовательно, сопутствующими.

ЯДЕРНЫЕ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По отношению к идентифицирующему значению (идентификатору) того или иного семантического класса целесообразно разграничивать ядерные и периферийные компоненты семемы (Н.И. Толстой выделяет соответственно основную и сопутствующие семы [191]). Например, компонент 'говорить (=осуществлять речь)' в значениях глаголов *говорить*, *произносить*, *разговаривать*, *тараторить*, *мямлить*, *бурчать*, *бубнить*, *ворчать* и т.п. является ядерным, а компоненты 'взаимный (речевой контакт)', 'быстро', 'медленно', 'невнятно' и др. – периферийными. Ядерные компоненты образуют инвариантное значение данного семантического класса слов (ядро семантического поля), периферийные же компоненты могут неограниченно варьироваться в его составе.

Ядерные и периферийные компоненты выделяются не только в составе семемы, но и в составе отдельных ее макрокомпонентов: лексического, грамматического, словообразовательного, денотативного, сигнификативного, коннотативного. Например, грамматическая сема завершенности (сов. вид) в глаголах *рвануть*, *резануть*, *садануть*, *звездануть* является ядерной (и доминирующей), а семы однократности, мгновенности и экспрессивные семы – периферийными; словообразовательная сема лица в существительных с суффиксами *-тяй*, *-ач*, *-ун*, *-ень* и др. (*слюнтяй*, *бородач*, *летун*, *несун*, *увалень* и т.п.) является ядерной, а экспрессивные компоненты, тоже связанные с указанными суффиксами, – периферийными и т.д.

Периферийными могут быть не только зависимые, но и доминирующие компоненты семем (в этом главное различие между ядерными и доминирующими семами). Например, каузативные компоненты в значениях глаголов *ставить*, *сажать*, *класть* 'делать так, чтобы кто-то стоял <сидел, лежал> или чтобы что-то стояло <сидело, лежало>' являются доминирующими, но периферийными по отношению к ядру семантического класса глаголов пространственного положения.

ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ И ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По своей функции в составе различных лексических, словообразовательных и грамматических парадигм компоненты семем подразделяются на идентифицирующие и дифференцирующие (Д.Н. Шмелев называет идентифицирующие компоненты значений семантической темой [213]). При этом одни и те же компоненты значения по отношению к одной семантической парадигме выполняют идентифицирующую функцию, а по отношению к другой – дифференцирующую. Так, компонент 'быстро' по отношению к парадигме *говорить – разговаривать – тараторить – мямлить...* является дифференцирующим, а по отношению к парадигме *тараторить – тарантить – строчить* (в переносном значении) – *мчаться – нестись – шнырять – ринуться – броситься – кинуться – устремиться...* – идентифицирующим, хотя сема 'быстро' в последнем случае имеет в соответствующих лексико-семантических группах периферийный характер. Практически, правда, парадигмы второго типа выделяются редко (например, при выявлении и типологии периферийных компонентов в значениях слов, входящих в различные семантические поля). Нельзя, однако, идентифицировать слова и фразеологизмы одной лексико-семантической группой (при определении ее объема) и по ядерным и по периферийным компонентам их значений, как иногда делается. Идентификатором лексико-семантической (тематической) группы должны быть только ядерные компоненты, носителем которых является обычно имя семантического поля. Идентифицирующие семы и семантические множители составляют инвариант, константу семантической структуры поля или отдельных его частей (микрополей).

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ И ИДЕОСИНКРЕТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По степени повторяемости, регулярности и соответственно по степени абстрактности, обобщенности выделяются категориальные и идеосинкретические компоненты значения (С.Д. Кацнельсон называет идеосинкретические компоненты идеоэтническими [102], Д.Н. Шмелев – интегральными семантическими признаками [213]). Например, компоненты ‘растение’, ‘дерево’ и все грамматические семы в значении слова *береза* являются категориальными, а остающиеся за их вычетом компоненты – идеосинкретическими, т.е. входят в эмпирический макрокомпонент значения и не поддаются четкому понятийному членению. Категориальными являются все грамматические и словообразовательные семы, а также лексические гиперсемы (или родосемы, архисемы). Но и гипосемы (или видосемы) могут быть категориальными, если они имеют абстрактный характер. Такова, к примеру, гипосема ‘дерево’ (гипосемой этот компонент является по отношению к гиперсеме ‘растение’) в значении слова *береза*.

Категориальные компоненты значения соответствуют синтаксическим и семантическим маркерам, а идеосинкретические – дистинкторам в работах американских ученых [234, 235]. Под синтаксическими маркерами здесь понимаются общекатегориальные грамматические значения синтаксических классов слов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий) и общие значения их подклассов (например, значения одушевленности, абстрактности, счетности у существительных, значение переходности у глаголов и т.п.), под семантическими маркерами – различные лексические значения обобщенного характера (‘объект’, ‘человек’, ‘животное’, ‘взрослый’, ‘мужской пол’ и т.п.), повторяющиеся в других значениях, а под дистинкторами – тот семантический остаток, который не поддается дальнейшему разложению на составные компоненты (является «идеосинкретическим») и который не повторяется в других значениях, так как является сугубо индивидуальным признаком данного значения.

Категориальные семы, взятые в отвлечении от конкретных значений (семем), могут квалифицироваться как совместимые или несовместимые (в составе одной семемы все компоненты должны быть, естественно, совместимыми). Например, синтагматические семы объектности и адресатности совместимы в

значении одного слова ('что-либо кому-либо'), а семы локативности ('где-либо') и директивности ('куда-либо') – несовместимы (нельзя **находиться где-то куда-то* или **направляться где-то куда-то*). «Если объем (экстенционал, предметная область) какого-либо гиперонима полностью исчерпывается двумя гипонимами, то соответствующие гипосемы не только несовместимы, но и антонимичны» (ср. *male* 'мужской пол' и *female* 'женский пол' в области *child* 'дитя' или *parent* 'родитель', а также *child* и *parent* в области *relative* 'родственник')» [144, 31].

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ И ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По степени фиксированности, закреплённости за определёнными значениями различаются обязательные и факультативные семантические компоненты. Первые относятся к сигнификативному (семиотическому) аспекту значения и поэтому совершенно необходимы для его существования как единицы языка, а вторые – к плану пресуппозиций и поэтому способны реализоваться лишь в речи. Так, синтагматическая сема локативности для значения глагола *находиться* является обязательной (ср. недопустимость конструкции **Он находится*), а для глагола *быть* она факультативна (допустимо и *Он был там* и *Он был* – утверждение существования, наличия). Факультативные компоненты значения расширяют его семиотические возможности, так как обуславливают его способность выражать в речи различное содержание. Например, глагол *сообщить*, включающий в свое значение факультативный компонент (гиперсему) способа передачи информации, может выражать также значения, обозначаемые глаголами *сказать*, *написать*, *позвонить*, *телеграфировать*, *сигнализировать* и т.п.

Немецкие лингвисты Г. Хельбиг и В. Шенкель выделяют в составе высказывания, наряду с обязательными и факультативными актантами предиката, обусловленными его семантическими валентностями (синтагматическими семами), еще свободные определители (*freie Angaben*): «Как обязательные, так и факультативные актанты (оба они являются необходимыми членами) связаны посредством валентностей с глаголом, входят в его позиционную структуру и, значит, количественно и качественно ограничены. Напротив, свободные определители (как необязательные члены) не связаны с глаголами, количественно не ограничены и могут поэтому употребляться (равно как и опускаться) почти в любом предложении» [233, 33 – 34].

Например, в немецком предложении *Mein Freund wohnt in Dresden* 'Мой друг живет в Дрездене' компонент *in Dresden* выражает обязательный актант (без него предложение было бы грамматически неправильным); в предложении *Er wartet auf seinen Freund* 'Он ждет своего друга' компонент *auf seinen Freund* выражает факультативный актант (при его опущении предложение не становится грамматически неправильным); в предложении *Er besuchte uns am Vormittag* 'Он навестил нас перед обедом' компонент *am Vormittag* является свободным определителем (как и факультативный актант, его можно опустить без нарушения грамматической правильности предложения, он не связан с валентностной структурой предиката, никак не предсказывается ею). Актанты являются факультативными лишь в поверхностной структуре предложения, в глубинной же его структуре они обязательны. Свободные определители, в отличие от обязательных и факультативных актантов, могут трансформироваться в предложения (*Er besuchte uns am Vormittag* . → *Er besuchte uns als es Vormittag war*, но нельзя **Er wohnte, als er in Dresden war*; **Er wartete, als sein Freund da war*).

Факультативные компоненты значения называют также потенциальными или ассоциативными. Первый термин уместен лишь в тех случаях, когда мы хотим подчеркнуть, что факультативные семы могут быть актуализированы в речевом смысле соответствующих значений (синхронный аспект) или закреплены в системе языка в качестве переносных значений (диахронический аспект). Например, факультативный компонент способа передвижения в глаголе *прибыть* может быть потенциально реализован в целом ряде его возможных смыслов (ср.: *Он прибыл вчера самолетом*; *Он прибыл вчера поездом* и т.д.), а факультативная сема отрицательной эмоциональной окраски основного значения прилагательного *горький* исторически реализовалась в переносных значениях этого слова (ср. сочетания типа *горькая жизнь*, *горький урок*, *горькая правда*). Второй термин неудобен тем, что он связывается обычно с различного рода коннотациями, а факультативные компоненты семем могут и не иметь коннотативного характера.

Подведем некоторые общие итоги типологического анализа структурных компонентов значения (семемы)¹.

¹ О других классификациях семантических компонентов см. [185].

1. Значения словоформ представляют собой не «пучки» семантических признаков, а их более или менее сложные «конфигурации»¹. Каждый компонент в такой конфигурации наделен определенными функциями.

2. Целесообразно разграничивать в структуре семемы, с одной стороны, макрокомпоненты («блоки») и микрокомпоненты – ингредиенты макрокомпонентов (например, ингредиенты денотативного макрокомпонента, ингредиенты коннотативного макрокомпонента и т.д.), а с другой – семантические признаки (гиперсемы) и их конкретизаторы (гипосемы).

3. Структурные компоненты значений имеют в большинстве своем относительный характер: о доминирующих и зависимых компонентах значения допустимо говорить лишь по отношению к определенной семеме, ибо один и тот же компонент в составе разных семем может быть и доминирующим и зависимым (ср.: *бояться* ‘испытывать страх’, *пугать* ‘заставлять испытывать страх’ и *вспугивать* ‘мешать кому-либо сделать что-либо путем внушения страха’); о ядерных и периферийных компонентах, равно как об идентифицирующих и дифференцирующих, – лишь по отношению к определенным семантическим классам; о парадигматических и синтагматических компонентах – лишь по отношению к определенным парадигмам и синтагмам и т.д.

4. Внутренняя структура семем обуславливает, таким образом, в значительной мере внешние связи единиц языка (парадигматические, синтагматические и деривационные). Например, предикаты (предикатные значения) содержат в своей структуре виртуальные модели различных типов предложения, взаимно предполагают друг друга антонимы (*хороший* – *плохой*, *добрый* – *злой*, *широкий* – *узкий*) и конверсивы (*иметь* – *принадлежать*, *покупать* – *продавать*, *проигрывать* – *выигрывать*), родо-видовые отношения между значениями предопределяются частичным тождеством их компонентного состава и т.д. Следовательно, семемы благодаря своей внутренней расчлененности выполняют наряду с отражательной системообразующую функцию. Однако и их речевая актуализация, и их историческое формирование обусловлены, в свою очередь, местом в составе семантических полей (парадигм) и семантико-синтаксических моделей (синтагм).

¹ У. Вейнрейх различает упорядоченные и неупорядоченные наборы семантических признаков («пучки» и «конфигурации») [56].

5. Членимость значений является теоретической и фактической основой так называемого компонентного анализа. У этого метода есть и достоинства и недостатки. Главным достоинством является то, что с помощью компонентного анализа удалось показать дискретность всех единиц языка, обуславливающую их системные связи и обусловленную их системными связями. Существенный недостаток этого метода – субъективизм в его применении. Это серьезный недостаток. Но он в не меньшей мере присущ и другим синхронным лингвистическим методам, опирающимся или непосредственно на интуицию говорящих, или на данные, полученные с их помощью. Поэтому трудно согласиться с теми учеными, которые считают компонентный анализ малоэффективным и даже научно несостоятельным. Его плодотворность уже подтверждена конкретными исследованиями значительных лексических массивов и грамматических категорий в целом ряде языков. Небесполезны также результаты теоретической разработки принципов компонентного анализа¹.

ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПО ИХ СТРУКТУРЕ И ФУНКЦИИ

Общее определение значения может быть признано удовлетворительным лишь в том случае, если оно учитывает все его типы, существующие в языке. В связи с этим важное значение имеет разработка типологии значений – на материале как одного, так и нескольких языков.

Вопрос о типах лексических значений слов впервые был поставлен В.В. Виноградовым [59]. Он выделяет следующие типы значений: 1) основные, или первичные, и производные, или вторичные, номинативные значения (по типу деривационных отношений внутри многозначного слова) (*капли дождя* и *глазные капли*); 2) прямые и переносные значения (по характеру их предметно-понятийной соотнесенности); 3) прямые номинативные и экспрессивно-синонимические значения (по парадигматическим связям слов, по их месту в составе парадигмы) (*одеть – облечь*); 4) синтаксически свободные и несвободные значения: фразеологически связанные (*отрастить волосы* <усы, бороду, ногти>), функционально-синтаксически ограни-

¹ Об этом свидетельствует, например, коллективная монография немецких лингвистов [242].

ченные (*Она у нас молодец; Окна выходят в сад*) и конструктивно-обусловленные (*плакаться* на что-либо, *разобраться* в чем-либо). Типология лексических значений, разработанная Виноградовым, развивалась и уточнялась впоследствии многими учеными. Интересную ее интерпретацию дает О.П. Ермакова. Она предлагает такую классификацию лексических значений: 1) прямые и переносные (по наличию и характеру мотивированности); 2) номинативные и неноминативные (по предметной отнесенности); 3) свободные и несвободные (по «синтаксическому поведению»), подразделяющиеся, в свою очередь, на фразеологически связанные (немотивированное ограничение лексической сочетаемости) и синтаксически ограниченные (неполный набор синтаксических функций). «Эти характеристики совмещаются следующим образом: и прямые, и переносные значения могут быть номинативными и неноминативными; и прямые, и переносные могут быть свободными и несвободными; у некоторых типов слов фразеологическая связанность может сочетаться с синтаксической ограниченностью» [78, 72]. В итоге получаются следующие противопоставления: 1) прямое номинативное (*осел, дипломат, актер*) – прямое неноминативное (*подлец, отъявленный*); 2) переносное номинативное (*город, страна* – о людях) – переносное неноминативное (*осел* – о человеке, *дипломат* – не о профессии); 3) прямое свободное (*осел* – о животном, *город* – о населенном пункте, *рыбачий*) – прямое несвободное: а) фразеологически связанное (*гнедой, крошечный, отъявленный*), б) синтаксически ограниченное (*подлец, мучитель, спящий* – о лице) – переносное несвободное: а) фразеологически связанное (*щекотливый вопрос, волчий аппетит*), б) синтаксически ограниченное (*осел* – о человеке, *дипломат* – не о профессии, *город, страна* – о людях).

Существенной особенностью классификации языковых значений, предложенной Виноградовым, и аналогичных ей классификаций является их многоаспектность: при классификации значений принимаются во внимание самые разнообразные признаки слова (семантические, функционально-синтаксические, формально-грамматические, деривационные и др.). Возможна, однако, и чисто семантическая или, по крайней мере, функционально-семантическая типология значений. Исходными ее единицами должны быть семемы как содержательные аналоги словоформ (или эквивалентных им по функции фразеологизмов и перифраз, «фразеосочетаний»), включающие в свое содержание и лексические, и словообразовательные, и граммати-

ческие значения. Общие контуры такой типологии уже намечаются.

Основные функциональные типы языковых значений должны выделяться с учетом деления слов на части речи. К таким типам относятся, во-первых, значения знаков-десигнаторов и знаков-форматоров, во-вторых, предметные (непредикатные) и признаковые (предикатные) значения, в-третьих, номинативные (денотативные) и указательные (дейктические) значения.

ЗНАЧЕНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ И СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Деление слов на знаменательные (полнозначные) и служебные освящено давней традицией. Основное различие между этими двумя разделами словесных знаков состоит в том, что знаменательные слова, «выполняя репрезентативную функцию, способны обозначать окружающую действительность, т.е. служить наименованиями отдельных предметов, фактов, явлений». Служебные слова (слова-заместители, слова-указатели, слова-актуализаторы, слова-связки, слова-квантификаторы, логические и прагматические операторы), напротив, обслуживают «сферу коммуникативно-речевой деятельности», переводя «системы виртуальных средств в актуальные, в речевые единицы» [196, 35].

В составе знаменательных слов выделяются имена собственные и нарицательные («характеризующие»), различающиеся не только грамматически, но и семантически, по типу значений. В свою очередь, имена нарицательные подразделяются (по характеру репрезентативной функции) на предметные и признаковые. Предметные имена выполняют преимущественно номинативную (идентифицирующую и классифицирующую) функцию и имеют соответственно номинативные (в узком смысле) значения¹, а признаковые – преимущественно сигнификативную (предикативную и атрибутивную) функцию и имеют сигнификативные значения.

Вместе с тем значения знаменательных слов различаются по своей логико-психологической природе: они могут быть конкретными и абстрактными, экспрессивными и предметно-понятийными (нейтральными). Конкретные значения включают наряду с категориальными также идеосинкретические ком-

¹ Узкое понимание номинативных значений принято, например, в исследованиях О.П. Ермаковой.

поненты (ср. слова типа *дом, сад, горький, кислый, сидеть, спать*), а абстрактные значения состоят только из категориальных компонентов (ср. слова типа *отношение, причина, условие, находиться, присутствовать*). Экспрессивные значения отличаются от нейтральных тем, что они включают в свое содержание логически нечленимые (коннотативные) компоненты, т.е. такие компоненты, которые связаны с семантическими категориями языка (например, с категориями оценки, количества, качества) лишь в самом общем плане, но не соотносятся со строгими по объему и содержанию логическими понятиями (ср. слова типа *прикорнуть, примоститься, взгромоздиться, швырнуть, буркнуть, величественный, цаца, мымра*).

Служебные слова, как правило, абстрактны по своему значению и нейтральны в экспрессивно-эмоциональном отношении (за исключением некоторых частиц). Лишенные номинативной функции, они выступают в роли «фиксаторов» специфических языковых значений, близких по своей природе к грамматическим.

Традиционному противопоставлению знаменательных и служебных слов в современной семиотике соответствует деление языковых знаков на десигнаторы и форматоры. «Языки обладают знаками двух типов: одни знаки являются десигнаторами (designators), а другие – форматорами (formators)... Десигнатор состоит из имеющего физическую природу означающего (sign-vehicle) и означаемого – десигната; форматор из такого же показателя и имплицитного указания на операцию, такую, как отрицание, обобщение и т.п.» [57, 166]. Следовательно, главным отличием форматоров от десигнаторов является наличие в их семантике указания на логическую операцию. К форматорам, или «логическим» знакам, У. Вейнрейх относит: 1) прагматические операторы, т.е. ‘утверждение’, ‘вопрос’, ‘повеление’, ‘отношение к содержанию высказывания’ (оценка) и подобные им значения; 2) дейктические знаки (личный дейксис, временной дейксис, пространственный дейксис, анафору, возвратность и др.); 3) логические операторы (отрицания, конъюнкции, дизъюнкции, импликации, эквивалентности); 4) кванторы (всеобщности, существования, исчисляемости ~ неисчисляемости, определенности ~ неопределенности и др.); 5) знаки, определяющие организацию выражений («чисто синтаксические» знаки): некоторые аспекты порядка слов, согласование, отдельные элементы склонения и спряжения и т.п. Специфической семантикой (семантическими значимостями), организующей со-

держание высказываний, обладают только первые четыре типа формантов; последний тип является лишь структурно значимым. Особое место среди первых четырех типов занимают дейктические знаки: в отличие от других форматоров им свойственна способность к референции, но их связь с референтом имеет иной характер, чем у десигнаторов (знаменательных слов). На этом различии основано противопоставление номинативных («характеризующих» [196]) и дейктических средств языка.

ЗНАЧЕНИЯ НОМИНАТИВНЫХ И ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Значения номинативных единиц языка (и предметных и признаковых) прямо направлены на действительность: они являются непосредственными психическими коррелятами («идеальными денотатами»), умственными моделями предметов, явлений, их свойств, отношений, действий, состояний¹. Напротив, значения дейктических знаков всегда опосредованы структурой акта речи: дейктические знаки – «это знаки (или части знаков), отсылающие к тому акту речи, в котором они используются» [57, 177]. «В противоположность называющим словам, значение которых носит абсолютный характер в том смысле, что оно детерминировано строго закрепленной за знаком предметной и/или понятийной отнесенностью, знаки относительно указания, т.е. дейктические слова, выделяют и дифференцируют предметы, явления, лица относительно координат речевого акта: актуального момента речепроизводства (временной дейксис), участников коммуникативного акта (говорящего, слушающего), так называемый личный дейксис, местоположения лиц, предметов в конкретной ситуации не только относительно субъекта речи, но и относительно друг друга (пространственный дейксис)» [196, 46 – 47].

Основной набор дейктических знаков («микросистему средств субъективного указания») составляют местоимения (в широком их понимании). Но к ним относятся и некоторые другие разряды слов (*близко, далеко, сейчас, только что, следовать, последующий, упомянутый* и т.п.), образующие микросистему средств «объективного относительного указания» [196, 47 – 50].

У. Вейнрейх определяет дейктические знаки как «имеющие

¹ О типах языковой номинации см. [69].

референты, но не имеющие десигнатов» [57, 166]. Это не совсем верно. Местоимения (а они являются типичными дейктическими знаками), считает Е.М. Вольф, «имеют свое собственное означаемое, причем построенное довольно сложным образом. Его можно представить в виде комбинации дифференциальных признаков, которые отражают разные аспекты функционирования местоимений и находятся в сложных соотношениях друг с другом. Некоторые из этих признаков отражают собственно местоименные характеристики и определяют особенности функционирования данной формы как дейктического средства (определенно/неопределенно-личность, лицо и др.), другие связаны с синтаксической ролью местоимений в именных и глагольных конструкциях (автономность/неавтономность, субъектность/объектность), третьи – с отношением местоимения к категориям замещаемого имени или соотносительного элемента текста (предметность/непредметность, род, одушевленность). Каждая местоименная форма включает общий для всех местоимений признак, который можно условно назвать признаком “прономинальности”, и признак соответствующего местоименного подкласса, например: ‘персональность’ для личных местоимений или ‘демонстративность’ – для указательных, а также не менее одного из каждой подгруппы признаков – собственно местоименных, синтаксических и связанных с категориями замещаемых элементов» [64, 4].

Видимо, не все названные признаки можно признать компонентами языковых значений местоименных слов (некоторые являются лишь их формальными значимостями), но сам факт наличия значений у местоимений не подлежит сомнению (я ‘указание говорящего на самого себя’, *ты* ‘указание на лицо, к которому обращается говорящий’, *кто* ‘вопрос о живом существе – человеке или животном’, *что* ‘вопрос о предмете или явлении, действии’, *некто* ‘неопределенное лицо’, *нечто* ‘неопределенный предмет или явление’ и т.д.). С конкретным референтом местоимения соотносятся лишь в актах речи, причем референт может меняться от ситуации к ситуации (в связи с этим местоимения называют иногда шифтерами). В число обязательных компонентов таких ситуаций входят говорящий и его адресат, время и место речи, идентичность ~ неидентичность данного акта речи другому акту речи. Этот набор, по мнению Вейнрейха, представляет собой яркую языковую универсалию [57, 177]. На нем основаны две главные функции местоименных слов – собственно дейктическая и ана-

форическая: первая «включает два элемента – дейктический знак и его референта», а вторая «относит данный акт речи к другому акту речи, у которого есть общий с ним референт, и строится на соотношении трех элементов – двух языковых обозначений, из которых по крайней мере одно представляет собой дейктический знак или включает дейктический показатель, и референта, к которому относятся оба эти обозначения» [64, 6].

ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ И ПРИЗНАКОВЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Номинативные единицы языка, как уже отмечалось, представлены двумя разрядами слов и их эквивалентов: предметными (существительные) и признаковыми (глаголы, прилагательные, наречия, а также некоторые группы существительных). Значения первых в современной семантике часто называют идентифицирующими (или денотатными), а значения вторых – предикатными (или сигнификатными)¹. «Суть предиката, – утверждает Н.Д. Арутюнова, – состоит в обозначении и оценке статических свойств и динамических проявлений предметов действительности, их отношений друг к другу. В области предикатов дифференцируются значения, шлифуется система понятий. Идентифицирующая семантика обращена к пространственному параметру мира, предикатная – организована временной осью. Между этими семантическими типами нет пропасти – их соединяет мост, перекинутый процессами транспозиции, взаимообменом, созданием суждений разных степеней абстракции». И далее: «Природа языковой компетенции применительно к именам, обращенным к миру, и словам, обращенным к мышлению человека, к системе его понятий, принципиально различна. Для того, чтобы оперировать именами, ведущими адресата к предметам действительности, нужно разбираться в природе мира; для того, чтобы оперировать семантическими предикатами (признаковыми словами), нужно разбираться в способах мышления о мире. В первом случае важно быть знакомым с реальностью, во втором – с системой выражаемых языком понятий. В первом случае необходимо знать предметную отнесенность слова, во втором понимать его

¹ В качестве разновидностей предикатного значения Н.Д. Арутюнова выделяет признаковые, оценочные и реляционные (пространственные, временные, логические) значения, а в качестве разновидности идентифицирующего (дескриптивного) – функциональное значение.

смысл. Употребление конкретных имен предопределено онтологией мира, а употребление их семантических предикатов – гносеологией» [9, 172, 185].

Предметную лексику (имена в узком смысле), характеризующуюся в первую очередь идентифицирующими значениями, Ю.С. Степанов, модифицируя «дерево Порфирия», моделирующее аристотелевскую классификацию субстанций (сущностей), делит в одном плане на индивидуальные имена (имена собственные и нарицательные в их индивидуализирующей функции: *мой дом, этот нож*), общие имена (нарицательные слова в их идентифицирующей и классифицирующей функции) и метаимена (нарицательные слова в их метаязыковой функции: *совокупность, множество, группа, предмет, изделие, часть* и т.п.), а в другом плане – на следующие четыре класса: «Вещи», «Растения», «Животные», «Люди» [182]. Первая классификация отражает виды мыслительной (номинативной) деятельности человека, а вторая соответствует естественной, существующей в самой природе классификации объектов. В таксономии «Вещи» – «Растения» – «Животные» – «Люди» основная граница проходит между классом «Вещи» и остальными тремя классами: названия вещей в отличие от имен растений, животных и людей не поддаются упорядочению по родо-видовому принципу и, следовательно, дихотомическому членению. «...Предметные группы “Вещей” отличаются от всех остальных содержательных групп таксономии особым характером внутренних отношений в группах, это отношения “целого – части”, “причины – следствия”, “цели – средства”, “функции” и ее более частных характеристик – “действие”, “объект действия”, “инструмент”, “действитель” и т.д.» [182, 78].

Существенное значение для семантических описаний имеет также деление вещей (собственно предметов) на естественные предметы (*камень, скала, гора, река* и т.п.) и на артефакты, т.е. предметы, созданные трудом человека (*стол, шкаф, дом, город* и т.д.). В составе высказывания непредикатные (идентифицирующие, денотатные) значения предметных имен связаны главным образом с позицией субъекта, ибо именно субъект предложения «указывает на нечто во внешнем мире – устанавливает референцию и одновременно выделяет это нечто из ряда ему подобных, производит индивидуализацию» [182, 51].

Ядро предикатной лексики составляют глаголы. С их семантическими классами связаны, естественно, и основные типы признаков значений, а также важнейшие типы предло-

жений. Существует немало классификаций глаголов (и семантических и семантико-грамматических). Самая известная – традиционное разграничение глаголов действия и состояния. С современных лингвистических позиций это противопоставление обосновывается в работах Ф. Данеша и Т.А. Кильдибековой. Чешский лингвист Данеш делит все глаголы (значения глаголов) на неакциональные и акциональные. Первые подразделяются далее на статические, обозначающие ситуацию (ситуативные глаголы), и динамические, обозначающие процессы и события (процессуальные динамические глаголы и событийные динамические глаголы), а вторые – на процессуальные и событийные. К неакциональным статическим относятся глаголы бытия, отношения, положения в пространстве и др. (*быть, находиться, иметь, принадлежать, отличаться, состоять, содержать* что-либо, *стоять* и т.п.); к неакциональным динамическим – процессуальные глаголы (например, *Карел спит; Лампа светит; Огонь горит; Деревья цветут*), в том числе безличные и событийные (*морозит, сверкает, горит* и т.п.; *размякнуть, побледнеть, угаснуть, расплакаться, засыпать* и т.п.), т.е. глаголы со значением изменения состояния; к акциональным процессуальным – семантически непереходные (неагентивные) глаголы, обозначающие действия, которые замыкаются в субъекте (агенте) (например, *Петр поет <прыгает, странствует, вздыхает, смеется, лезет, танцует* и т.п.), семантически переходные (агентивные), обозначающие действия субъекта, переходящие на объект (например, *Петр видит друга <смотрит фильм, размышляет и рассказывает о будущем, улыбается остроумной шутке, удивляется ее упорству, рассказывает детям сказку>*); наконец, к акциональным событийным – некаузативные глаголы со значением изменения состояния или положения субъекта (*перескочить, выбежать, уходить* и т.п.) и каузативные с внутренним агентом (*приобрести, нажать, продавать* и т.п.) и с внешним агентом (*гасить, приручать, укрощать, создавать* и т.п.) [227, 193 – 206].

Т.А. Кильдибекова также считает, что «действие как общекатегориальное значение глагола членится на собственно действие и состояние, которые составляют стержень главных лексико-грамматических разрядов глаголов» [103, 53]. К акциональным она относит только объектные (точнее, субъектно-объектные) глаголы, содержащие в семантике компоненты активности, целесообразности и каузативности (*дробить, плавить, су-*

шить и т.п.), а к неакциональным (глаголам состояния) – все остальные (*белеть, тосковать, дышать, капризничать, кипеть, работать, звучать, существовать, говорить, видеть, чувствовать, соответствовать, лежать, иметь* и т.п.). И в составе глаголов действия, и в составе глаголов состояния автор выделяет ядро и периферию. Ядро глаголов действия образуют «глаголы, обозначающие конкретные физические, интеллектуальные, абстрактные действия и сложные процессы», а его периферию – «единицы, которые обозначают действия неодушевленного субъекта» [103, 53–54]. Ядро глаголов состояния составляют глаголы физического и психического состояния, глаголы со значением физиологического процесса, глаголы поведения, звучания, бытия и «функтивные» глаголы (*гореть, мерцать* и т.п.), а его периферию – глаголы речемыслительной и психической деятельности, глаголы отношения, расположения в пространстве, обладания и принадлежности.

Другие языковеды наряду с глаголами действия и состояния выделяют в качестве основных лексико-грамматических разрядов (семантических классов) также глаголы бытия, процесса, отношения и т.д. У. Чейф, например, вычленяет глаголы (предикаты) со значением состояния (*быть сухим*), процесса (*сохнуть, высохнуть*), действия (*нет*), действия и процесса (*сушить, разбить*) [204]. Р.М. Гайсина делит глагольную лексику, с одной стороны, на глаголы бытийности и становления (или статические и динамические), а с другой – на глаголы действия, состояния и отношения [66]. Г.А. Золотова выделяет четыре основных класса глаголов: реляционные, экзистенциальные, статуальные и акциональные (с их дальнейшим подразделением на подклассы), причем основным критерием подразделения знаменательных глаголов служит, по ее мнению, значение акциональности ~ неакциональности [88]¹.

Второй важной группой предикатной лексики являются прилагательные. Их семантическая типология, к сожалению, менее разработана. Пожалуй, самую полную классификацию качественных прилагательных по характеру их лексических значений (на материале современного русского языка) предложил А.Н. Шрамм. Основанием классификации являются «различия в характере признака, обозначаемого качественным прилагательным. Этим различиям соответствуют и разные виды

¹ Еще более подробные классификации глаголов см. [171, 212].

мыслительных операций при установлении, осознании (и назывании) признака предмета» [216, 17].

Весь класс качественных прилагательных, противопоставленных относительным прилагательным, Шрамм делит на два подкласса: эмпирийные прилагательные и рациональные прилагательные. Эмпирийными он называет такие качественные прилагательные, которые обозначают признаки, воспринимаемые органами чувств и осознаваемые человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с «эталоном» (*голубой, сладкий, соленый* и т.п.), а рациональными – прилагательные, обозначающие признаки, возникающие на основе воспринятых органами чувств признаков в результате анализа, сопоставления, умозаключений (*красивый, умный* и т.п.) [216, 21 – 22]. Каждый из подклассов подразделяется на роды. В составе эмпирийных прилагательных выделяется семь родов: слова со значением зрительного (*черный, уса́тый, пого́гий* и т.п.), слухового (*тихий, громкий* и т.п.), обонятельного (*ча́дный, затхлый* и т.п.), вкусового (*сладкий, соленый, пресный* и т.п.) и осязательного (*горячий, мягкий, сухой, влажный* и т.п.) восприятия; слова, обозначающие признаки предмета, определяемые мышечным напряжением (*легкий, тяжелый, тугой, крепкий, хрупкий* и т.п.); слова, обозначающие признаки предмета, воспринимаемые несколькими органами чувств (*рыхлый, зрелый* и т.п.). Рациональные прилагательные делятся на четыре рода: слова, обозначающие признаки человека (*грамотный, талантливый, бережливый, радушный, пожилой* и т.п.), признаки животных (*хищный, одичалый, породистый* и т.п.), признаки предметов (*ядовитый, прочный* и т.п.), и слова, обозначающие оценочные признаки, свойственные и человеку, и животному, и предметам (*красивый, безобразный, удобный, полезный* и т.п.). Каждый род прилагательных разделяется, в свою очередь, на виды и подвиды по более частным семантическим признакам. Обращает на себя внимание то, что рассмотренная классификация прилагательных в значительной мере ориентирована на основные классы имен, выделенные Ю.С. Степановым («Вещи», «Растения», «Животные», «Люди»)¹.

Из классификаций предикатов, представленных разными

¹ Интересную семантическую типологию прилагательных современного русского языка (типологию семантем как ближайших инвариантов семем) по их связи с различными семантическими полями и семантическими категориями разработала также Ж.П. Соколовская [179].

частями речи, в том числе служебными, важное значение имеет таксономия Ю.С. Степанова. Опираясь на десять категорий Аристотеля, он выделяет десять типов предикатов (предикатных значений) и соответствующих им типов предложений:

- 1) Сущность: *Мой брат – учитель; Сомневаться – это искать* (главные предикаторы – неиндивидуальные существительные и инфинитив);
- 2) Количество: *Нас пятеро; Дел много* (главные предикаторы – количественные числительные и наречия);
- 3) Качество: *Снег бел; Трава зеленая* (главные предикаторы – прилагательные);
- 4) Отношение (соотнесенное): *Москва больше Ленинграда; Петя Оле не брат* (главные предикаторы – формы сравнительной степени прилагательных или наречий и имена с относительными значениями – *брат, отец* и т.п.);
- 5) Где? (место): *Мать – в саду; Друзья – рядом* (главные предикаторы – наречия и наречные словосочетания);
- 6) Когда? (время): *Собрание – сегодня; Юбилей – в этом году* (главные предикаторы – наречия и наречные словосочетания);
- 7) Положение: *Лес шумит; Ребенок сидит; Дети веселятся; Любовь существует; Машины нет* (главные предикаторы – непереходные и невозвратные глаголы, не требующие третьего члена в предложении);
- 8) Состояние (Обладание): *У меня есть...; Мне холодно; Мне спится* (главные предикаторы – *У... есть* и так называемая категория состояния);
- 9) Действие: *Мальчик читает книгу; Я пишу брату; Эта болезнь лечится только покоем* (главные предикаторы – прямопереходные и косвеннопереходные глаголы, требующие обязательного дополнения);
- 10) Претерпевание (Страдание): *Меня трясет; Знабит; Меня зовут; Меня ругают* (главные предикаторы – личные формы глагола со значением пассивности и неопределенности действующего лица).

При обобщении рассмотренных категорий-предикатов «мы получаем три основные группы, которые были намечены самим Аристотелем: I (Сущность), II (Свойства или Состояния), III (Отношения или Соотнесенное). Эти группы являются вполне универсальными, не исключая и искусственных логических языков» [182, 162].

Рассмотренные и многие другие классификации глаголов или предикатов (предикатных значений) не могут быть признаны вполне адекватными системе языка, ибо в них не укладываются все языковые факты (а если укладываются, то с большой натяжкой). Предлагаемый ниже опыт классификации предикатов, выражаемых знаменательными частями речи, тоже

не претендует ни на абсолютную полноту охвата материала, ни на теоретическую завершенность.

Весь массив предикатов целесообразно систематизировать, на наш взгляд, по трем основаниям: 1) по доминирующим компонентам их значений, выделяемым на базе лексических парадигм; 2) по ядерным компонентам, выполняющим функцию идентификаторов основных семантических классов слов и фразеологизмов, выделяемых по денотативному (ономасиологическому) принципу; 3) по синтагматическим компонентам, выделяющимся на базе семантико-синтаксических моделей предложения, основой (ядром) которых являются предикаты. Эти три классификации перекрещиваются между собой.

По доминирующим лексическим компонентам значений выделяются два основных типа предикатов: бытийные (по доминирующему компоненту 'быть' или 'не быть') и акциональные (по доминирующему компоненту 'осуществлять, совершать какое-либо действие, делать что-либо' или по тому же компоненту с отрицанием).

К бытийным относятся следующие типы предикатов:

1) собственно бытийные и событийные (*быть, существовать, наличествовать, иметься, есть, нет, бывать, случаться, происходить, иметь место* и т.п.); для семантико-синтаксических моделей с такими предикатами обязательна лишь позиция субъекта;

2) бытийно-релятивные (предикаты отношения) (*отношение, соответствовать, равняться, больше, меньше, иметь, принадлежать* и т.п.); инвариантное значение 'быть ~ не быть в каком-либо отношении к кому-, чему-либо' (*А зависит от В; А больше В; У А есть В* и т.п.);

3) бытийно-квалификативные (предикаты свойства) (*новый, молодой, большой, широкий, много, мало, очень* и т.п.); инвариантное значение 'быть ~ не быть каким-либо по качеству, количеству, форме или какому-либо иному признаку' (*Дом новый; Ошибок – много* и т.п.);

4) бытийно-оценочные (*хороший, плохой, полезный, приятный, необходимый, возможный* и т.п.); инвариантное значение 'быть оцененным положительно или отрицательно с определенной точки зрения' (*Книга хорошая; Это возможно* и т.д.);

5) бытийно-генеративные (*звучать, звенеть, светить, мерцать, белеться, краснеться* и т.п.); инвариантное значение 'быть ~ не быть источником проявления или порождения ка-

кого-либо признака' (*Лес шумит; Трава зеленеет; Звенит колокол* и т.д.);

6) бытийно-статальные (предикаты состояния) (*твердый, жидкий, мягкий, холодный, теплый, больной, усталый, грустный, бедный, хромать, спать, дрожать, тосковать, радоваться, вращаться* и т.п.); инвариантное значение 'быть ~ не быть в каком-либо состоянии, социальном положении' (*На улице холодно; Мне грустно; Земля вращается вокруг Солнца* и т.д.);

7) бытийно-локативные (предикаты положения в пространстве) (*находиться, присутствовать, оставаться, жить, сидеть, стоять, висеть* и т.п.); инвариантное значение 'быть ~ не быть где-либо или в каком-либо пространственном положении' (*Он находится здесь; Все сидят* и т.д.);

8) бытийно-акциональные (предикаты деятельности) (*заниматься чем-либо, работать над чем-либо, учительствовать, рыбачить, бездельничать* и т.п.); инвариантное значение 'быть ~ не быть занятым чем-либо, какой-либо деятельностью' (*Он работает; Она занимается спортом* и т.д.);

9) бытийно-функциональные (предикаты функционирования); инвариантное значение 'быть ~ не быть функционирующим, действующим' (*Мотор работает; Сердце бьется; Учреждение функционирует* и т.п.).

В составе высказывания все бытийные предикаты могут быть заменены перифразами (и в этом их главное отличие от акциональных предикатов), начинающимися с глагола-связки *быть* или с глаголов, содержащих в качестве доминирующей сему 'быть' (*дружить = быть в дружбе; звучать = быть источником звука, издавать звук; работать = быть занятым работой; полагать = иметь какое-либо мнение; интересоваться = иметь интерес; знать = иметь знание, обладать информацией о ком-, чем-либо* и т.д.). Это говорит о том, что сема 'быть' является ингредиентом их языкового содержания. Акциональные же глаголы предполагают эту сему (квантор существования) лишь в качестве логической пресуппозиции.

Семантическими дериватами многих бытийных предикатов являются глаголы становления (инхоативы) и каузативные глаголы (каузативы) (*сохнуть, сушить, слепнуть, ослеплять, садиться, сажать, улучшаться, улучшать* и т.п.). Как правило, они обозначают процессы.

Особое место среди бытийных предикатов занимают вспомогательные, синтаксически несамостоятельные глаголы, а

именно: 1) глаголы-связки (*быть, являться, оказываться* и т.п.); 2) модальные глаголы и предикативы (*мочь, хотеть, должен, нужен, надо* и т.п.) – являются модальными модификаторами самостоятельных предикатов; 3) глаголы «мнения» (*считать, полагать, предполагать* и т.п.) – образуют модальную рамку, модус высказывания; 4) фазисные глаголы (*начинать, продолжать, кончать* и т.п.) – выступают в функции фазисных модификаторов автономных предикатов; 5) наречия со значением меры и степени (*очень, весьма* и т.п.) – функционируют в качестве атрибутов к количественным предикатам и интенсивам; 6) абстрактные предикаты поведения (*поступать, вести себя* и т.п.) – связывают субъект с оценочным предикатом (*Он поступил правильно. = Его поступок правильный*); 7) абстрактные локативы (*находиться, пребывать* и т.п.: *Он находится здесь. = Он здесь*) и др.

Акциональные предикаты представлены в основном глаголами действия, воздействия, движения и психофизиологических процессов (*делать, создавать, строить, разрушать* что-либо, *думать, говорить, разговаривать* о чем-либо, *умыться, бороться; толкать, гнать, поощрять, наказывать; идти, ползти, нести, вести; видеть, слышать, дышать* и т.п.); инвариантное значение 'осуществлять, совершать какое-либо действие или процесс'. Акциональные глаголы обозначают, как правило, события или процессы, но, выступая в некоторых контекстах в функции бытийных предикатов, они могут указывать и на состояния. Например, в предложении *Птицы летят на юг* глагол *лететь* обозначает действие, а в высказывании *Камень летит вниз* – состояние, т.е. имеет значение 'быть в состоянии полета, падения'. Наиболее частыми семантическими дериватами акциональных предикатов являются результативные глаголы (результативы) [189], в том числе глаголы совершенного вида (*искать – находить, слушать – слышать, строить – построить* и т.д.). Каузативные глаголы могут быть дериватами как акциональных, так и бытийных предикатов (*идти – вести, сухой – сушить* и т.д.).

По наиболее абстрактным ядерным идентифицирующим компонентам выделяются следующие семантические (ономастиологические) классы полнзначных слов и фразеологизмов:

1) бытийные и событийные предикаты: а) абстрактного бытия [*быть, существовать, появляться, возникать, оказываться, происходить, случаться, создавать* (перен.), *порождать* (перен.) и т.п.]; б) биологического существования (*жить, рас-*

ти, *рождаться, рождать, умирать, умерщвлять* и т.п.); в) фазисные предикаты (*начинать, кончать, продолжать(ся), длиться, оставаться* и т.п.)¹;

2) предикаты отношения (релятивы): а) абстрактные релятивы (*отношение, связь, причина, зависеть, иметь отношение* и т.п.); б) посессивы (*иметь, принадлежать, обладать, владеть, мой, твой, чужой* и т.п.); в) компаративы (*соответствовать, равняться, сравнивать, больше, меньше* и т.п.); г) партитивы (выражают отношение целого и части) (*состоять из чего-либо, входить во что-либо, содержать что-либо*)²;

3) предикаты свойства (квалификативы): а) качественные (*молодой, новый, старый, плоский, прямой, стареть, стариться, старить* и т.п.); б) параметрические (меры множества и величины) (*много, мало, большой, широкий, длинный, длительный, краткий, увеличиваться, уменьшать, умножать, расширять* и т.п.); в) предикаты проявления признака или свойства (*белеться, звучать, звенеть, светить, сиять, блестеть* и т.п.);

4) оценочные предикаты: а) абстрактно-оценочные, т.е. предикаты общей оценки (*хороший, плохой, полезный, приятный* и т.п.); б) модально-оценочные, т.е. предикаты возможности, необходимости, желания и т.п. (*возможный, мочь, надо, необходимо, хотеть, желать* и т.п.); в) предикаты «мнения» (*полагать, считать, предполагать* и т.п.); г) предикаты поведения, т.е. оценки по поведению [65] (*честный, скромный, скромничать, мошенник, мошенничать* и т.п.);

5) предикаты состояния (стативы) [168, 92]: а) физического и физиологического (*твердый, твердеть, мягкий, мякнуть, размягчаться, размягчать, хромой, хромать, спать, усыплять, усталый, уставать, утомлять, больной, болеть* и т.п.); б) психофизиологического, т.е. умственного и эмоционального (*быть в своем уме, обезуметь, свести с ума, печальный, печалиться, влюбляться, влюблять* и т.п.); в) социального положения (состояния) (*бедный, богатый, богатеть, разорить, угнетать, угнетенный* и т.п.);

6) предикаты положения в пространстве (локативы): а) абстрактные (*находиться, пребывать, присутствовать, оставаться* и т.п.); б) пространственно-квалификативные, характеризующие положение предмета в пространстве (*сидеть, садиться,*

¹ Бытийные предикаты рассматриваются в [14, 96, 120].

² Наиболее полно предикаты отношения описаны в [66].

сажать, лежать, ложиться, класть, висеть, вешать, висячий и т.п.);

7) акциональные предикаты: а) физической, речемыслительной и психической деятельности, т.е. предикаты класса действий или процессов [168] (*заниматься* чем-либо, *работать* где-либо ~ над чем-либо, *руководить*, *учительствовать*, *учиться*, *царствовать*, *стараться*, *добиваться*, *сопротивляться* и т.п.); б) конкретного действия – физического, умственного или волевого (*стучать*, *пилить*, *читать*, *писать*, *разговаривать*, *размышлять*, *требовать*, *приказывать*, *кормить*, *поить* и т.п.); в) воздействия – физического и психического, морального (*толкать*, *сжимать*, *подавлять*, *наказывать*, *поощрять* и т.п.); г) движения (*двигаться*, *ходить*, *ездить*, *лететь* – *летать*, *нести*, *вести*, *гнать*, *падать*, *ронять*, *вращать* и т.п.); д) способности к действию, деятельности, движению, т.е. предикаты обобщенного действия (*Ребенок уже ходит, говорит; Птицы летают* и т.п.);

8) акционально-процессуальные: а) чувственного и умственного восприятия (*видеть*, *слышать*, *чувствовать*, *понимать*, *смотреть*, *слушать*, *замечать*, *показывать*, *обращать внимание* и т.п.); б) физиологических процессов [*дышать*, *зевать*, *тошнить* (безл.), *рвать* (безл.) и т.п.]; в) психофизиологических процессов (*смеяться*, *плакать*, *рыдать* и т.п.);

9) функциональные предикаты (*Завод работает; Часы ходят; Сердце бьется; Учреждения функционируют* и т.п.); Г.А. Золотова называет такие предикаты *функтивными*¹.

Ономасиологические (денотативные) классы признаков слов, выделяемые по ядерным компонентам их значений (по семантическому идентификатору класса), могут включать как бытийные, так и акциональные предикаты, а также всевозможные их дериваты: каузативы, фактитивы, результативы, ингрессивы, инхоативы, интенсивы и др. Следовательно, они имеют обычно более или менее ярко выраженную парадигматическую структуру, основанную на оппозициях по семам каузативности ~ некаузативности, бытийности ~ становления (инхоативности), результативности ~ нерезультативности, активности ~ пассивности, положительной ~ отрицательной модальности, по значениям способов действия (начинательного, ин-

¹ О семантической типологии предикатов см. также [168].

тенсивного, сативного, комитативного и др.) и т.д. Например, в класс предикатов состояния входят, кроме исходных слов *мягкий, сухой, больной, болеть, спать, волноваться* и т.п., их различные семантические дериваты: инхоативы (*мякнуть, размягчаться, смягчаться, сохнуть*), каузативы и фактитивы (*смягчать, сушить, зарождать, усыплять, волновать*), результативы (*смягчить, высушить – высушивать, заболеть, заразить, усыпить, взволновать*), ингрессивы (*заболевать, засыпать, заволноваться*), интенсивы (*разболеться, разоспаться, разволноваться*) и т.д. Набор таких оппозиций и степень их регулярности в каждом семантическом классе слов своеобразны.

Наконец, по синтагматическим семам (семантическим валентностям) выделяются такие типы предикатов, как субъектные (*Он работает <отдыхает, спит и т.д.>*), двухсубъектные (*А равно <соответствует> В; А дружит <ссорится> с В и т.д.*), субъектно-объектные (*Он строит дом <сочиняет музыку, отвечает на письмо, заботится о детях и т.д.>*), субъектно-объектно-адресатные (*Он подарил мне книгу <написал письмо отцу, передал привет другу и т.д.>*), субъектно-локативные (*Ленинград стоит на Неве; Он остается здесь; Слоны обитают в Африке и т.д.*); каузативные (фактитивные) – реализуют семантическую модель «агенса (каузатора) – его действие – пациенс – его действие или состояние» (*А ведет В*), оценочные – реализуют семантическую модель «оценивающий субъект – предикат мнения – оцениваемый субъект или объект – оценочный предикат» (*Он хороший специалист; Ты поступил честно и т.д.*) и др. Такие классификации разрабатывались и обсуждались многими учеными [7, 26, 196, 67]. Их теоретическим обобщением является, в частности, падежная грамматика Ч. Филлмора [199].

В заключение отметим, что выделенные нами по трем основаниям типы предикатов (предикатных значений), как и сами семантические компоненты, по которым они выделяются, имеют относительный характер. Об этом хорошо сказала Н.Д. Арутюнова: «Чем более обобщенным становится значение предиката, тем активней развиваются его синтаксические валентности и тем необходимей становится их замещение. Лексический анализ всегда чреват синтаксическим синтезом. Все то, что было разорвано, должно быть вновь соединено. Все

синтаксические связи порождены процессами дробления, расчленения лексических значений, обеднения семантики предикатных слов. Отрыв признака от предмета дает возможность в дальнейшем соединить их атрибутивной связью, отрыв предмета от пространственного фона открывает в предложении обстоятельственную позицию, разрыв событий по оси времени ведет к развитию временных и логических отношений. В значении предиката (глагола) уже предчувствуются типы синтаксических связей» [15, 225].

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Семантическими полями принято считать и семантические классы (группы) слов какой-либо одной части речи, и семантически соотносительные классы (группы) слов разных частей речи, и лексико-грамматические (функционально-семантические) поля, и парадигмы синтаксических конструкций, связанных трансформационными (derivационными) отношениями, и различные типы семантико-синтаксических синтагм. Объединяет их, несмотря на существенные структурные различия, то, что все они имеют в своей основе ту или иную семантическую категорию или категориальную ситуацию. В практических целях целесообразно, однако, разграничивать семантические классы слов (в них могут входить и фразеологизмы) и семантические поля (наряду со словами и фразеологизмами они включают также грамматические средства языка).

Семантические классы слов одной части речи – это лексические поля парадигматического типа, представляющие собой более или менее сложные группировки, члены которых связаны общим смыслом (инвариантным значением-идентификатором). К ним относятся лексико-грамматические разряды (например, одушевленные существительные, качественные прилагательные, способы глагольного действия и т.п.), синонимические и антонимические объединения слов, лексико-семантические группы. Три последних типа лексических групп нередко называют лексико-семантическими парадигмами¹. Однако так следовало бы,

¹ Лексико-семантическая парадигма определяется как «относительно целостное, незакрытое и способное к развитию множество слов или их лексико-семантических вариантов, объединенных вокруг доминанты общностью лексического значения, упорядоченных отношением семантической производности и служащее целям дифференцированной номинации» [169, 61].

наверное, именовать (в соответствии с традицией употребления этого термина) только такие семантические классы слов, члены которых связаны регулярными оппозициями (т.е. такими, которые регулярно повторяются в составе различных микрополей данного парадигматического поля). Например, глагольное семантическое поле восприятия структурируется такими пропорциональными оппозициями, как *наблюдать : замечать = смотреть : видеть = слушать : слышать; видеть : видеться (виднеться) = слышать : слышаться* и т.п. Особенно регулярны такие оппозиции в сфере аспектуальных значений глагола (*говорить : заговорить : заговориться : разговариваться : наговориться : поговорить : проговорить = брюзжать : забрюзжать : разбрюзжаться : набрюзжаться : побрюзжать* и т.д.). В соответствии с двумя типами оппозиций выделяются два типа парадигм: парадигмы, члены которых находятся в эквиолентных оппозициях (*ходить ~ ездить ~ летать ~ ползать*), и парадигмы, члены которых находятся в привативных оппозициях (*двигаться ~ перемещаться ~ ходить ~ бродить*). Парадигмы последнего типа можно назвать ступенчатыми [213]. Если у ступенчатой и неступенчатой парадигм есть общие члены (как в приведенном примере), то их совмещение дает структурированную часть лексико-семантической группы.

Структуру лексико-семантических парадигм формируют главным образом бинарные оппозиции (например, оппозиции по семам каузативности ~ некаузативности, произвольности ~ непроизвольности действия и т.п.). Но возможны и многочленные оппозиции, обусловленные многосторонними связями самих явлений действительности (ср., например, оппозиции в тематической группе прилагательных цвета, в лексико-семантической группе глаголов движения и т.п.). Парадигматически структурированный характер имеют все лексические группы слов, в том числе терминосистемы и даже тематические группы. Однако степень их структурно выраженной системности, т.е. степень регулярности противопоставлений, лежащих в основе системности, неодинакова. Различия эти в значительной мере обусловлены экстралингвистическими факторами. В наибольшей степени от них зависит структура тематических групп слов, в наименьшей – структура синонимических рядов. Структура тематических групп, или полей ситуативного характера, отмечает Ю.Н. Караулов, отличается от структуры десигнативных полей тремя особенностями: 1) имена денота-

тивного характера, называющие ситуацию, как правило, не имеют синонимов (ср.: *театр, мебель, почта*); 2) антонимы у имен такого типа весьма специфичны (ср.: *город – село, театр – кино, голова – ноги*); 3) на месте видовых отношений между гипонимами в поле с именем ситуативного характера выступает перечисление составных частей данного имени как суперординаты [94, 134].

Синонимическая группа – это минимальная парадигма слов и эквивалентных им по своей функции фразеологизмов, входящая обычно в более сложную лексико-семантическую парадигму (парадигматическое поле). Что же представляет собой такая парадигма по содержанию и структуре? Если при определении синонимов исходить из семантических критериев, то необходимо признать две возможные точки зрения: 1) понимание синонимов как абсолютно тождественных по значению единиц языка, как омосемантов и 2) понимание их как тождественных или очень близких по значению единиц языка, как парасемантов. Теоретические аспекты этих двух подходов наиболее полно рассмотрены в работах С.Г. Бережана и Ю.Д. Апресяна [21, 7]. Второй подход реализован в академических словарях синонимов русского языка¹.

При понимании синонимов как омосемантов их выделение вызывает трудности в основном лишь в тех случаях, когда языковое значение трактуется не как отражательная категория, т.е. не как психическая сущность, однородная по своей природе с понятием и представлением, а как реляционная категория, включающая не только отношение означающего к означаемому (знаковую семантическую функцию), но и всевозможные отношения знака к другим знакам, его «реляционные свойства»: стилевые (стилистический компонент значения), сочетаемостные (селективный компонент значения) и т.п. В этом случае мы неизбежно приходим к выводу, что абсолютно тождественных по значению слов в языке вообще нет, а значит, нет и синонимов. Но если языковое значение как отражательную категорию строго отграничить от значимости, знаковой функции и речевого смысла, то синонимы можно трактовать как единицы языка, тождественные по значению, но различающиеся своими значимостями: стилевыми, узуальными (син-

¹ См.: *Словарь синонимов*: Справочное пособие/Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1975; *Словарь синонимов русского языка*/Под ред. А.П. Евгеньевой: В 2 т. Л., 1970 – 1971.

тагматическими), темпоральными, генетическими, деривационными и др. Например, *год* и *година* различаются стилевой значимостью, *карий* и *коричневый* – узуальной, *аэроплан* и *самолет* – темпоральной, *лингвист* и *языковед* – генетической, *волчица* и *волчиха* – деривационной значимостью. Особого рассмотрения требует вопрос о коннотативных компонентах значения (экспрессивных, модальных, оценочных и т.п.).

При понимании синонимов как парасемантов, т.е. как слов, близких по значению (как квазисинонимов), весьма проблематичен вопрос о необходимой степени и характере их семантической близости. Ведь семантически близкими можно считать и слова типа *идти* – *брести*, и слова типа *идти* – *двигаться*, и слова типа *автор* – *писатель*, поскольку в определенных контекстах они, заменяя друг друга, выражают нередко один и тот же смысл (ср.: *Машины двигались медленно. – Машины шли медленно*). Целесообразно ли такое широкое понимание синонимии? Вряд ли. Хотя бы потому, что синонимическая группа при таком подходе к синонимам не отграничивается от других семантических групп (классов): тематических, лексико-семантических, антонимических, гипонимических (родо-видовых) и т.д.

Д.Н. Шмелев предложил считать лексическими синонимами только такие близкие по значению слова, позиционно обусловленные семантические различия которых могут нейтрализоваться. «Синонимы, – считает он, – это слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях. Чем больше таких позиций, чем выше степень синонимичности соответствующих слов, тем чаще осуществима их взаимозаменяемость» [213, 130]. Это очень интересный и надежный критерий, но он, к сожалению, не дает возможности разграничить языковые и речевые синонимы: с этой точки зрения синонимами надо признать и слова *идти* – *двигаться* в приведенных выше фразах, и слова *находиться* – *быть* во фразах типа *Больной находился в тяжелом состоянии; Больной был в тяжелом состоянии*, хотя в первом случае мы имеем дело с нейтрализацией как явлением языка, и следовательно, диахронии, а во втором – с нейтрализацией как явлением речи, и следовательно, синхронии¹.

¹ О трудностях применения критерия нейтрализации к явлениям синонимии см. [35].

Интересным в этом плане представляется понимание синонимии как «симметричной гипонимии», определенной в терминах двусторонней импликации. «С точки зрения операционального подхода, – пишет Л.А. Новиков, – синонимию можно определить в терминах двусторонней импликации, или эквивалентности. Если два предложения имплицируют друг друга (*Мы изучаем языкознание* → *Мы изучаем лингвистику* и *Мы изучаем лингвистику* → *Мы изучаем языкознание*), т.е. эквивалентны, имеют одинаковую структуру и отличаются только соотносительными лексическими единицами, занимающими одну и ту же позицию, то такие единицы представляют собой синонимы (*языкознание – лингвистика*). Напротив, импликация типа *Он подарил ей розы* → *Он подарил ей цветы* является односторонней (“несимметричной”): обратного отношения с необходимостью не следует (**Он подарил ей цветы* → *Он подарил ей розы*). Такое родо-видовое отношение, определяемое в терминах односторонней импликации, образует гипонимию, по отношению к которой синонимия выступает как “симметричная гипонимия”» [145, 228]. Однако и такое определение синонимов, более или менее четко отграничивающее их от гипонимов, не снимает все же вопроса о возможной степени их семантической близости.

Следовательно, вопрос о критериях выделения синонимов как парасемантов (квазисинонимов) остается пока открытым. При таком положении дел парасемантами целесообразнее всего было бы считать (по крайней мере, из практических соображений) такие лексические единицы языка, которые совпадают по понятийным компонентам значения, но различаются по его коннотативным компонентам (экспрессивным, эмоциональным и оценочным).

Понятия синонима и синонимического ряда – это, вообще говоря, понятия синхронические, ибо синонимические отношения мыслимы лишь в пределах современного для носителей языка языкового сознания. Все факты языка, находящиеся вне этих пределов, относятся к его истории, в частности к истории синонимических групп. Однако синонимическая цепь хранит часто «звенья минувших эпох», скрепляя «время ушедшее с настоящим» [36, 13]. Поэтому и при синхронном подходе к изучению синонимов необходимо все же выделять явления диахронии. К ним относятся, например, архаизмы и неологизмы. Архаизмы – это такие единицы языка, которые известны говорящим (скажем, из литературы, из речи старшего поколе-

ния и т.д.) и, значит, присущи их языковому сознанию, но которые обычно не употребляются в обиходной речи. Например, архаизмы типа *хлад*, *мраз*, *ланиты* известны современным носителям русского языка в основном как поэтизмы – из художественной литературы XVIII – XIX вв., слова *чело*, *узы* и многие другие знакомы по фразеологизмам (*бить челом*, *брачные узы*) и т.д. От историзмов, не имеющих обычно синонимов, архаизмы отличаются главным образом тем, что они являются устарелыми названиями «живых» реалий. **Неологизмы** – это единицы языка, которые осознаются говорящими как такие слова и выражения, которые раньше не употреблялись (ср., например, слово *аэробус* как новое по сравнению со словосочетанием *воздушный лайнер*). Признаки слов, благодаря которым они воспринимаются в качестве архаизмов или неологизмов, относятся не к сфере значений (не являются их компонентами), а к сфере значимостей, ибо они представляют собой наши знания об отношениях между словами в системе языка.

Антонимическая группа – это уже более сложная семантическая парадигма слов и фразеологизмов. Она состоит обычно из двух частей (субпарадигм), члены которых, в особенности их доминанты, противопоставлены друг другу по каким-либо противоположным, полярным (положительным и отрицательным) компонентам значений, относящихся к одному и тому же признаку (аспекту), к одной и той же семантической категории (*большой*, *огромный*, *громадный*, *колоссальный*, *гигантский* – *маленький*, *небольшой*, *малюсенький*, *крохотный*; *много*, *сколько угодно*, *хоть пруд пруди* – *мало*, *кот наплакал*). Между собой члены субпарадигм связаны синонимическими отношениями. Синонимические ряды, антонимически противопоставленные, составляют оппозиционное единство, связанное родовым понятием [36, 83]. Антонимическое поле может быть представлено и словообразовательным гнездом.

Противоположность антонимов по их значению может иметь контрарный, комплементарный и векторный характер. **Контрарными** (противоположными) антонимами являются «крайние симметричные члены упорядоченного множества (контрарные видовые понятия), между которыми существует средний, промежуточный член: *молодой* – <*нестарый*, *немолодой*, *пожилой*...> – *старый*, *холодный* – <*негорячий*, *прохладный*, *теплый*...> – *горячий*» [145, 245] (ср. также: *строить* – *разрушать*, *появляться* – *исчезать*, *закрывать* – *открывать*,

соединить – разъединить, ускорить – замедлить и т.п.). Отношения, лежащие в основе такой антонимии, – это отношения собственно противоположности, а не взаимоисключения (ср. невозможность трансформации **соединить → не разделить, *увеличить → не уменьшить* и т.д.). Более содержательными в парах слов типа *создавать – разрушать, возникнуть – исчезнуть, открыть – закрыть, увеличить – уменьшить* являются вторые их члены, «они как бы включают в себя в свернутом виде понятия о действиях, названных первыми членами (*создавать, возникнуть* и т.п.), но не исчерпывают этим своего объема. Разрушенным может быть то, что создано, но не только то; открытым может быть то, что закрыто, но не только то; удаленным то, что помещено, но не только то и т.д.» [119, 55]. Комплементарные антонимы характеризуются в отличие от контрарных тем, что между противопоставляемыми членами, видовыми понятиями, дополняющими друг друга до родового понятия, нет никакого промежуточного члена: *живой – мертвый, истинный – ложный, можно – нельзя, вместе – врозь, присутствовать – отсутствовать, разрешать – запрещать* и т.д. [145, 245]. Логическая основа таких антонимов – противоречащие (контрадикторные) понятия. Важнейшей их особенностью является то, что они допускают отрицательную трансформацию: *истинный – ложный (= не истинный), присутствовать – отсутствовать (= не присутствовать)* и т.д. Наконец, **векторные антонимы** обозначают разнонаправленные действия, движения или признаки: *подниматься – опускаться, входить – выходить, революционный – контрреволюционный* и т.п. [145, 245 – 246]. По существу, это разновидность контрарных антонимов, и поэтому их можно назвать контрарно-векторными.

В антонимической парадигме противопоставлены не только доминанты, но и все другие члены ее бинарных частей, синонимичные в той или иной мере своим доминантам и друг другу. Однако они не всегда являются абсолютными антонимами. С ослабленной антонимией мы встречаемся, например, в случае градуальной синонимии между членами противопоставленных субпарадигм (*нетрудный, легкий, простой, пустяковый – трудный, нелегкий, сложный* и т.п.). В связи с этим от истинных (точных) антонимов принято отграничивать квазиантонимы, под которыми понимаются несимметричные и семантически неоднородные лексические единицы (*великий – малень-*

кий, обожать – ненавидеть, глупый – неглупый, бездонный – мелкий и т.п.) [7, 145].

Между синонимами и антонимами существует тесная взаимосвязь. С одной стороны, антонимы в известном смысле синонимичны друг другу: они обязательно имеют в своих значениях какой-то общий понятийный компонент, а с другой – синонимы могут противопоставляться друг другу как антонимы (*У нее не глаза, а очи; Он не сидел, а восседал* и т.п.), хотя, разумеется, не все противопоставления слов в контексте можно квалифицировать таким образом (ср.: *не дом, а дворец; не школа, а завод* и т.п.).

Семантически соотносительные классы слов, принадлежащие к разным частям речи, образуют межчастеречные лексические поля. К ним относятся словообразовательные гнезда транспозитивного типа и объединения слов типа *успех – повезло, звонить – телефон, до – предшествовать, после – следующий, причина – из-за – потому что* (А.А. Залевская называет такие слова симилярами). В психолингвистике симиляры трактуются обычно как ассоциативные поля. Но у них есть и лингвистические основания – семантические категории языка. Симиляры и компоненты словообразовательных гнезд, связанных отношением транспозиции (иногда также и мутации: ср. *читать – чтение* и *читать – читатель*), могут вступать как в парадигматические, так и в синтагматические связи (ср.: *Он учитель / Он учительствует* и *Учитель учит детей*) [67].

От семантических классов слов следует отличать формальные классы. К ним относятся, например, абсолютные синонимы (омосеманты [21]), родовые классы существительных, не связанных с категорией пола, типы склонения существительных, типы глагольного спряжения и т.п. Отношения между формальными и семантическими классами слов (как и вообще между формой и содержанием в языке) сложны и противоречивы. Например, слова *табун, отара, стая, свора* с общим значением ‘совокупность каких-либо животных’ составляют, на первый взгляд, формальный класс. Однако при более глубоком анализе их значений оказывается, что они образуют семантический класс, ибо каждое включает в свое содержание, кроме понятийного ядра ‘совокупность животных’, специфическую качественную характеристику называемых множеств (лошадей, овец, волков, собак, птиц). Иначе говоря, понятийное содержание слов *табун, отара, стая, свора* взаимодействует с их разным содержанием.

Лексико-грамматические (функционально-семантические) поля в отличие от лексических полей (семантических классов слов) могут быть представлены в плане выражения и лексическими (в том числе словообразовательными) и грамматическими средствами. В советском языкознании наиболее основательно такие поля изучал А.В. Бондарко. Опираясь на факты русского языка, он выделяет четыре группировки функционально-семантических полей (ФСП), образующих в языке систему: 1) ФСП с предикативным ядром (комплексы полей аспектуальности, модальности, бытийности, залоговости и персональности); 2) ФСП с предметным (субъектно-объектным) ядром (поля субъектности ~ объектности и определенности ~ неопределенности); 3) ФСП с качественно-количественным (преимущественно атрибутивным) ядром (поля качественности, количественности, компаративности, посессивности); 4) ФСП с обстоятельственным ядром (поля обусловленности и локативности). По структуре они делятся на два основных типа: моноцентрические поля, опирающиеся на грамматическую категорию (например, поле темпоральности в русском языке), и полицентрические (например, поле определенности ~ неопределенности в «безартиклевых» языках) [32, 34].

Синтаксические парадигмы – это семантические поля, выраженные конкретными словосочетаниями и предложениями, связанными друг с другом трансформационными (синонимическими и деривационными) отношениями (*Мне холодно. ~ Я мерзну. ~ Меня знобит; Ветер сорвал крышу. ~ Ветром сорвало крышу* и т.п.). Такие поля называют также трансформационными. Синтаксические парадигмы тесно связаны с лексическими, образуя нередко вместе с ними единые парадигматические комплексы (*интересоваться ~ проявлять интерес ~ относиться с интересом; Мне страшно. ~ Я страшусь <боюсь, трушу, испытываю страх>. ~ У меня душа в пятки ушла* и т.д.). Особенно широко они взаимодействуют в транспозитивных и перифрастических преобразованиях.

Конкретные семантические синтагмы типа *лаять ~ собака, ржать ~ лошадь*, реализуемые в соответствующих синтаксических синтагмах (*собака лает, лошадь ржет* и т.п.), это синтаксические поля Порцига [241, 111]. В истолковании В. Порцига они соотносительны с тем типом устойчивых сочетаний, которые В.В. Виноградов назвал фразеологическими сочетаниями. Однако с точки зрения современной теории языковой ва-

лентности в качестве полей такого типа (их следовало бы именовать синтагматическими) можно рассматривать любые конкретные семантические синтагмы (синтагматические микрополя), внутренняя структура которых, т.е. семантическая согласованность (солидарность) компонентов синтагмы, обусловлена валентностями предиката (*смотреть внимательно, работать честно, мчаться стремглав, сорока стрекочет, воробей чирикает* и т.д.; но нельзя: **внимательно слышать, *быстро спать, *ветер стрекочет* и т.п.).

Что же касается абстрактных семантико-синтаксических моделей типа «действие – действие – объект» (*Рабочие строят дом*), «субъект (лицо или предмет) – его состояние» (*Ребенок спит; Мне холодно; Вода теплая*), «лицо – его поведение – оценка поведения» (*Ученик поступил правильно*) и т.п., то они представляют собой смешанные (комплексные, комбинированные) семантические поля, являющиеся результатом объединения в одной семантико-синтаксической модели (абстрактной семантической синтагме) в соответствии с валентностями того или иного типа предикатов нескольких лексических парадигм. Например, семантическая модель «лицо – его поведение – оценка поведения» объединяет в одну абстрактную синтагму три класса слов (три парадигматических поля): класс предметных слов с инвариантным значением лица, класс признаков (предикатных) слов с общим значением поведения и класс предикатных слов со значением оценки. Синтаксически детерминирующим (ядерным) в этой модели является класс слов со значением поведения. В класс оценочных предикатов входят как слова, относящиеся только к полю поведения (*честно, скромно* и т.п.), так и слова общеоценочного характера (*хорошо, плохо* и т.п.), способные сочетаться со словами разных семантических полей. Класс слов со значением лица часто расширяется в речи за счет названий животных и растений, особенно при их персонификации (ср.: *Собака держится очень скромно; Рожь ведет себя нынче хорошо* и т.п.).

Все рассмотренные типы семантических полей являются по своей структуре или парадигматическими, или синтагматическими, или смешанными (комплексными). Парадигматические поля представляют собой различные типы простых и сложных, ступенчатых парадигм (лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических) с каким-либо общим семантическим стержнем (категориальным значением). Разнородные по средствам выражения парадигмы могут объ-

единяться на основе какой-либо общей семантической функции в более сложные комбинации, называемые обычно функционально-семантическими полями. Синтагматические поля реализуются в различных типах конкретных семантических синтагм, а смешанные поля – в различных типах абстрактных семантических моделей.

Кроме семантических, выделяются также ассоциативные и понятийные поля (термин «ассоциативные поля» ввел Ш. Балли). Ассоциативное поле, «будучи онтологически отражением структур мысли, может рассматриваться как характеристика индивидуума, среднего носителя языка, воспринимающего действительность. Понятийное же поле тяготеет к тому, чтобы быть непосредственным отражением, характеристикой самой действительности» [94, 176]. Что касается семантического поля, то оно стремится соединить обе указанные характеристики. С ассоциативным семантическое поле сближает «тенденция быть характеристикой носителя, но одновременно в него включается аспект, характеризующий непосредственно действительность» [94, 176].

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И СУБКАТЕГОРИИ КАК ОСНОВА КЛАССИФИКАЦИИ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

В основе всех семантических полей лежат те или иные семантические категории (СК), являющиеся языковой интерпретацией и реализацией понятийных категорий. Лингвистическая реальность семантических категорий, несмотря на их слабую изученность, у многих современных ученых не вызывает сомнений. Их онтологическая природа хорошо охарактеризована: «Основание всех ФСП (любых структурных типов) – это отражение тех или иных отношений объективной действительности (временных, пространственных, качественных, количественных и т.д.) в сознании людей в виде определенных семантических категорий (разумеется, высказывания направлены не на выражение той или иной категории, а на то, чтобы выразить конкретный речевой смысл, однако выражение смысла регулируется определенными категориальными константами). В языковом знании (и сознании) говорящих существует потенциальная способность выразить тот или иной вариант данной категории (например, отнесенность ситуации к прошлому) определенным кругом языковых средств. Говорящий в каждом акте речи осуществляет выбор тех средств, которые в наибольшей

степени соответствуют общей смысловой (а также эмоционально-экспрессивной) направленности формирующегося высказывания. Круг языковых средств, имеющихся в распоряжении говорящих на данном языке для выражения вариантов определенной семантической категории, – это и есть основание понятия ФСП в языковой и речевой онтологии» [31, 496]. Однако строгого определения семантических категорий и тем более их исчерпывающего описания еще нет. Что же понимается и что следует понимать под семантическими категориями?

Семантические категории – это абстрактные содержательные (в основе своей – понятийные) категории языка, выражающиеся средствами явной и скрытой грамматики. К важнейшим средствам явной грамматики относят части речи и их грамматические категории (морфологические и синтаксические), а к наиболее важным средствам скрытой грамматики – селективные компоненты семем (в иных терминах – семантические валентности, синтагматические семы, синтагмемы), деривационные модели (лексико-семантические и синтаксические) и контекст (лексический и синтаксический).

И.И. Мещанинов, разрабатывая теорию понятийных категорий, имел в виду именно семантические категории (в современном их истолковании)¹: «Понятийные категории выступают непосредственными выразителями норм сознания в самом языковом строе. Они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [137, 15]. Нет резкого противопоставления понятийных и семантических категорий (соответственно – понятийных и семантических полей) также в работах А.В. Бондарко. Термин «функционально-семантические поля» он использует применительно к конкретно-языковому аспекту, а термин «понятийные поля» – к универсально-понятийному аспекту, подчеркивая при этом, что функционально-семантические и понятийные поля – это не разные объекты, а «разные аспекты одного и того же изучаемого объекта, существующего в плане языковой (точнее, мыслительно-языковой) онтологии» [32, 48].

¹ В этом отличие смысловой структуры термина «понятийные категории» у И.И. Мещанинова и в работах О. Есперсена и Л. Ельмслева, в толковании которых «данный термин практически отождествлялся с логическими категориями, в свою очередь понимаемыми отнюдь не однозначно» [73, 6].

С таким пониманием понятийных и семантических категорий, лежащих в основе понятийных и функционально-семантических полей, можно в принципе согласиться. По своему логическому содержанию понятийные и семантические категории действительно могут быть тождественными. Различаются они главным образом тем, что семантические категории в отличие от понятийных имеют языковую реализацию, т.е. воплощены в конкретных языковых средствах (лексических, грамматических и др.), специфических для каждого языка, и тем, что они тесно связаны со сферой коннотаций, т.е. дополнительным смысловым содержанием, соотношенным с образным мышлением, и со сферой структурных значимостей и функций, т.е. с различными типами сугубо языкового знания. Это весьма существенные различия, вполне достаточные для того, чтобы признать целесообразность разграничения понятийных и семантических категорий в лингвистических исследованиях¹. Необходимость учета наряду с семантическими понятийных категорий особенно заметна при разбиении слов на самые общие классы (например, при выделении таких разделов словаря, как «Природа», «Человек», «Общество», «Бытие», «Пространство», «Время» и т.д.). Частеречное и категориально-грамматическое противопоставление слов в таких классификациях как бы перестает быть значимым (ср., например; полную логическую тождественность слов *быть* и *бытие*).

Неясным остается вопрос о том, какие типы языкового мыслительного содержания следует относить к области семантических категорий. Довольно основательно (в работах А.В. Бондарко, В. Бёка и др.) изучены лишь функционально-семантические категории (например, темпоральность, аспектuality, модальность, залоговость, множественность и др.), являющиеся базой грамматически ориентированных функционально-семантических полей. Однако система семантических категорий не исчерпывается только этими их типами. Семан-

¹ Ср.: «Если вообще имеет смысл противопоставление семантических категорий понятийным за пределами терминологической вариантности в плане называния разных аспектов одного явления, то это противопоставление категорий лингвистических, т.е. имеющих дело с единицами языка, категориям логическим, которые не ориентированы на языковые единицы (на содержание языковых единиц или на способ представления категоризации действительности средствами языка), а отражают общие закономерности познания мира безотносительно к возможностям их выражения (ср. понятие и значение)» [127, 47].

тическими категориями, или субкатегориями, являются, видимо, и абстрактные семантические признаки (в иных терминах – архисемы, гиперсемы, родосемы, семантические аспекты), реализующиеся или в «чистом» виде, или в их оппозитивных, часто антонимических вариантных компонентах (например, признак релятивности в значении слова *отношение* представлен в «чистом» виде, признак пола в значениях существительных *сын ~ дочь* – в виде бинарных компонентов ‘мужской ~ женский’, признак локативности в значениях наречий *тут ~ там ~ везде* – в виде множественных более конкретных компонентов и т.д.), и семантические валентности предикатных значений (например, синтагматические семы субъектности, объектности, адресатности, локативности, оценочности и т.п.), и некоторые другие семантические единицы языка, связанные с его понятийной категориальностью.

Семантические признаки (гиперсемы), в том числе семантические валентности, по своему логическому содержанию совпадают с простыми семантическими категориями. Но существуют и сложные семантические категории, отнюдь не тождественные категориальным семантическим признакам языковых значений. Таковы, например, семантические категории пространства, количества, качества, времени, модальности и др. Они включают в свое содержание сложные комплексы категориальных сем. Так, семантическая категория количества включает субкатегории множества, величины, меры, степени, собирательности, единичности и др.; семантическая категория пространства синтезирует субкатегории предмета (субстанции), формы (внешней определенности предмета) и количества (меры, величины) и т.д. Отдельные категориальные семы (даже такие, как бытийность, релятивность и т.п.) вообще выступают обычно в «связанном» виде, т.е. только в составе семантических категорий, и осознаются лишь в парадигматических противопоставлениях языковых значений. В этом отношении они сходны со словообразовательными и грамматическими компонентами значений (со значениями «фиксаторов» [144]). В свою очередь, языковые значения являются, как правило, результатом синтеза лексических, словообразовательных и грамматических сем, относящихся к разным семантическим категориям. Это главным образом и обуславливает пересечение и активное взаимодействие семантических полей.

Типы семантических категорий весьма разнообразны. Они различаются по степени абстрактности и самостоятельности, по

объему содержания и его внутренней расчлененности, по внешним средствам выражения содержания, по характеру связей с другими семантическими категориями. Наиболее абстрактными и логически самостоятельными являются семантические категории предмета, признака, бытия, отношения, действия, состояния, количества, качества, пространства, времени и т.п. Они соотносятся с самыми общими понятиями. Менее абстрактны и самостоятельны семантические категории движения, места, направления, множества (множественности), величины, степени, каузативности, притяжательности, одушевленности, лица, собирательности, объемности, протяженности, длительности и т.п. Их называют обычно субкатегориями. Например, множественность, величина, мера, степень и собирательность являются субкатегориями количества; локативность, директивность, объемность, протяженность и т.п. – субкатегориями пространства и т.д. Отношения между семантическими категориями и субкатегориями имеют часто иерархический характер. Понятие одушевленности можно, например, рассматривать как субкатегорию предмета, а понятие лица – как субкатегорию одушевленности. Однако такая иерархия из-за сложного пересечения связей между различными семантическими категориями редко бывает строгой. Объясняется это целым рядом причин. Во-первых, простые семантические категории входят нередко в сложные семантические категории, неоднородные по своему логическому содержанию. Например, СК пространства является результатом синтеза СК предмета (субстанции), формы (внешней определенности предмета) и количества (меры величины); СК движения объединяет в своем содержании категории действия (по отношению к каузатору движения) и состояния (по отношению к перемещающемуся предмету) – отсюда возможность двоякого толкования глагола *двигаться*: ‘совершать движение’ и ‘быть в состоянии движения’ и т.д. Во-вторых, многие семантические категории имеют релятивный характер, т.е. мыслятся только в связи с какими-то другими категориями. Например, СК степени (градуальности) всегда мыслится вместе с СК качества (*очень прочный*) или интенсивности (*очень быстрый*); СК движения – вместе с СК пространства; состояние предполагает носителя состояния (субъект); оценка всегда имеет в виду того, кто оценивает, и объект оценки и т.д. В-третьих, семантические категории образуют однородные по своему логическому содержанию группы, лежащие в основе соответствующих группировок функционально-семантических полей.

Объем и структура семантических категорий различаются не только в разных языках, но и внутри одного языка. Развитые семантические категории имеют глубокую субкатегоризацию, т.е. конкретизацию абстрактной идеи – идентификатора поля, а следовательно, и богатое содержание, сложную систему оппозиций, конституирующих структуру таких категорий и соответствующих функционально-семантических полей. Неразвитые семантические категории остаются очень слабо дифференцированными по своему содержанию. Так, семантическая субкатегория зрительного восприятия в современном русском языке дифференцирована (точнее, структурирована) по своему содержанию в гораздо большей мере, чем субкатегория слухового восприятия, а последняя – в большей мере, чем субкатегория вкуса (создав богатый спектр цвета, «человек не создал спектра запахов, вкусов и осязательных ощущений» [9, 218]).

Внешние средства выражения семантических категорий (их форма проявления) довольно разнообразны: одни категории выражаются как лексически, так и грамматически, другие – только лексически; одни категории реализуются в словах разных частей речи, другие – в словах только одной части речи и т.д. Например, СК темпоральности представлена в русском языке как грамматическими формами категории времени, так и лексическими средствами (в том числе словообразовательными), а СК каузативности – главным образом лексическими средствами. Известно также, что в одних языках одна и та же семантическая категория может выражаться грамматически (морфологически), а в других – лексически. Например, СК определенности ~ неопределенности во многих языках выражается с помощью артиклей, а в русском языке – лексически и синтаксически. Говоря о внешних средствах выражения семантической категории, необходимо остановиться на их отличии от грамматических категорий.

Грамматические категории (к ним следует отнести и части речи – категории слов) – это исторически сложившиеся классы, парадигмы слов или словесных форм, объединенных каким-либо общим семантическим или функциональным стержнем. Они могут быть содержательными и формальными. Содержательные грамматические категории (ГК) и их формы выступают обычно в качестве основных репрезентантов семантических категорий, образуя ядро моноцентрических функционально-семантических полей, т.е. наиболее формализованную их часть. Формальные грамматические категории (например, прилагательные

тельное и наречие как части речи; род, число и падеж прилагательных и т.п.), лишённые какого бы то ни было содержания, кроме структурных значимостей и функций, варьируют лишь внешние средства языкового выражения семантических категорий. Таким образом, содержательные грамматические категории отличаются от семантических категорий лишь большей формализованностью содержания, большей его автоматизированностью в нашем сознании, обусловленной жесткостью грамматических правил и парадигм. Одна и та же семантическая категория может быть представлена разными формальными грамматическими категориями. Например, слова *читать* и *чтение* выражают одну и ту же СК действия, мыслимую в отношении к категориям субъекта и объекта, но относятся к разным грамматическим категориям, т.е. имеют статус разных частей речи. Иными словами, грамматические категории в отличие от семантических категорий характеризуются не только содержательными, но и формальными системными значимостями.

Итак, взаимосвязь и взаимодействие понятийных, семантических и грамматических категорий отражает сложные движения мысли от неязыкового мыслительного содержания к языковому как внутренней форме его представления и от языкового мыслительного содержания – к внешним средствам его выражения (к внешней форме).

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ГРАНИЦАХ ПОЛИСЕМАНТИЧНОГО СЛОВА

Еще А. Рудскогер писал о том, что значения многозначных слов образуют «понятийные сферы», т.е. своеобразные семантические поля, компоненты которых связаны каким-то общим смысловым стержнем [244]. Современные исследования в области полисемии подтверждают эту мысль: «Многозначное слово представляет собой микросистему, в которой значения взаимосвязаны и взаимообусловлены» [161, 32]. Например, все значения глагола *думать* относятся к полю мышления, почти все значения глагола *говорить* – к полю речи и т.д. Вместе с тем выяснилось, что в пределах многозначного слова возможна и семантическая омонимия, т.е. наличие значений, не имеющих общих компонентов, общей семантической части. Например, у лексических значений глагола *идти* в предложениях *Я иду на рынок*; *Эти товары хорошо идут на внешнем рын-*

ке и *Этот костюм тебе идет* ничего общего в понятийном содержании нет.

Между значениями полисемантического слова допустимы три типа отношений: пересечение, включение и семантическая омонимия [126]. Однако в одно семантическое поле их объединяют лишь отношения пересечения и включения, а семантическая омонимия «разводит» их по разным полям (ср. значения глагола *идти* в приведенных примерах). Поэтому для изучения многозначного слова как полевой семантической структуры, как «понятийной сферы» первостепенное значение имеют первые два типа отношений: включение и пересечение.

Отношения включения между значениями многозначного слова базируются на последовательной («цепочечной») их деривации. Центром и исходным пунктом деривационной цепочки всегда является основное значение [*земля* ‘верхний слой почвы’ → *земля* ‘почва, опора’ (*вбить кол в землю*) → *земля* ‘место обитания’ (*родная земля*)]. В основе пересечения лексико-семантических вариантов лежит параллельная («радиальная») их деривация: например, от основного значения слова *голова* ‘часть тела человека или животного’ образуются параллельно значения ‘единица счета скота’, ‘передняя часть отряда, колонны, поезда’, ‘выборный руководитель в органах самоуправления в дореволюционной России’ и ‘пищевой продукт в форме конуса или шара (*голова сыру, сахарная голова*)’. Чаще всего, однако, в семантической структуре многозначных слов представлены одновременно и отношения включения и отношения пересечения между значениями. Например, от основного значения слова *мягкий* ‘нетвердый, такой, что легко мять или гнуть’ образуется значение ‘нежесткий, эластичный (*мягкие волосы, мягкая шерсть*)’; от него параллельно образуются значения ‘содержащий мало извести (о воде, от которой волосы и кожа становятся мягкими)’ и ‘не раздражающий, приятный, нерезкий (*мягкий свет, мягкие тона*)’; от последнего параллельно образуются, в свою очередь, значения ‘кроткий, негрубый (*мягкий характер*)’ и ‘палатализованный (о звуках языка)’.

И при включении и при пересечении значений многозначного слова в центре образованного ими семантического (или ассоциативного) поля всегда находится основное значение. Ему прямо или косвенно подчинены все остальные значения. Следовательно, полисемия слова в значительной мере определяется его основным значением. Можно ли, однако, общее (инва-

риантное) содержание многозначного слова как семантического поля (или парадигмы) свести к основному значению? Если нет, то что же представляют собой доминанты таких полей? Какова их природа? По каким правилам и законам происходит их семантическое варьирование? Ответы на эти вопросы давались разные.

Некоторые ученые (К.С. Аксаков, Н.П. Некрасов, Р.О. Якобсон, В.А. Звегинцев и др.) пытались свести отдельные значения многозначного слова к так называемому общему значению или рассматривать их как речевые варианты языкового инварианта. Эта концепция не была, однако, подтверждена лексикографической практикой, а ее теоретические основы подверглись серьезной критике (в работах Е. Куриловича, С.Д. Кацнельсона, В. Шмидта и др.). «Семантическое единство слова, – писал А.М. Пешковский, – заключается не в наличии у него некоего “общего значения”, как бы подчиняющего себе более частные, выделяемые обычно в толковых словарях значения, а в определенной связи этих отдельных самостоятельных значений друг с другом и их закреплённости за одним и тем же знаком» [152, 83].

В последнее время возникло несколько новых интерпретаций общего значения. Многие лингвисты вслед за Е. Куриловичем предлагали принять за инвариант содержания многозначного слова его основное значение. Но основное значение, несмотря на его наибольшую частотность и семантическую самостоятельность (автосемантизм), все же лишь один из лексико-семантических вариантов слова, реализация которого в речи исключает все остальные [117]. Интересную попытку выйти из этого затруднения предприняла И.В. Сентенберг. Под общим значением полисемантического слова, по ее мнению, следует понимать объективное содержание его основного значения, т.е. собственно значение и его информационный (смысловой) потенциал. Объективное содержание значения – это совокупность всех знаний об обозначаемом предмете, присущих носителям какого-либо языка, которые в целом или по частям реализуются в процессе речемыслительной деятельности в качестве «актуальных» (речевых) значений теми или иными «системными» (языковыми) значениями. Преимущества такой трактовки общего значения, как считает Сентенберг, в том, что оно, во-первых, «имеет вполне реальные очертания» (его можно объективировать путем анализа сочетаемости слова в основном значении) и что оно, во-вторых, «действительно очерчивает

возможности развития семантической структуры слова через варьирование семного состава и экспликацию признаков информационного потенциала» [169, 35]. Все это так. Тем не менее главная трудность и при таком подходе к определению общего значения все же остается: содержание общего значения нельзя свести к основному значению как единице языка, т.е. как «системному» значению, а «информационный потенциал» основного значения, на который, по мысли автора, «проецируются» в конечном итоге все значения многозначного слова, относится к сфере неязыкового знания, т.е. к сфере мыслительного содержания, не выраженного данным языковым значением многозначного слова. В основном значении следует видеть не «общее» значение, но такое значение, «которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически» [213, 212]. Таким образом, вопрос о взаимоотношении основного и других значений многозначного слова должен, видимо, решаться в связи с проблемой взаимодействия языкового значения и речевого смысла, шире – в связи с проблемой взаимодействия языкового и неязыкового мыслительного содержания.

Э.В. Кузнецова, опираясь на анализ глагольной лексики, принимает за инвариант, за «семантический эталон» многозначного слова не просто основное значение, а особую его модификацию, которую, как она полагает, можно было бы называть обобщенным значением. Обобщенные значения возникают на базе основных (исходных) конкретных значений при расширении их содержания в определенных контекстах (ср.: *Он взял книгу в руки и подошел к столу. – Он взял книгу в библиотеке*) и представляют собой, следовательно, второй тип основных значений. От основного обобщенное значение как особый лексико-семантический вариант отличается «по составу сем и типу контекста» (обобщенные значения реализуются в более широком контексте, чем конкретные), а от других вторичных значений – неспециализированностью контекста, близостью к основному конкретному значению, неспособностью вступать в отношения вторичной синонимии, своей особой ролью «во внутрисловной семантической парадигме, образуемой всем набором ЛСВ [лексико-семантических вариантов] многозначного слова». «Обобщенное значение, – заключает Кузнецова, – составляет основу для развития всех других вторичных значений, является связующим звеном между ними и основным конкретным значением. Глаголы с конкретным значением, у

которых не развито обобщенное значение, обычно лишены широкой многозначности, так же как глаголы, основные значения которых по самой своей природе являются обобщенными (например, *приобрести, овладеть, владеть, верить* и т.п.)» [117, 10].

Л.А. Новиков определяет общее значение как «теоретическое построение, имеющее ценность как некоторый инвариант смысла, определяющий основу и границы смысловой структуры, ее суть» [145, 165]. Такое понимание общего значения было бы вполне приемлемым и практически полезным при изучении полисемии как внутрисловных семантических парадигм (полей), если бы все значения многозначных слов связывались каким-то общим смысловым компонентом (семантическим инвариантом). Фактически, однако, мы часто встречаемся с такими случаями, когда единый для всех значений многозначного слова компонент отсутствует. И даже в тех случаях, «когда такой компонент прослеживается во всех значениях слова (в качестве категориального или дифференциального), он не может быть признан представителем всех значений, так как не соответствует интуитивным представлениям о лексическом значении слова. Например, признак 'острый' присутствует во всех значениях слова *игла* (*игла швейная, иглы хвои, иглы ежа, иглы оstrom*), но свести значение слова *игла* только к признаку 'острый' было бы неправомерно, так же как нельзя свести значение глагола *вести* к значению 'направленность' на том основании, что соответствующая сема представлена во всех его семантических вариантах» [116, 103]. Кроме того, «во многих случаях в основе единства семантических вариантов лежат сложные психологические ассоциации, которые трудно интерпретировать как простое сходство значений по отдельным компонентам» [116, 102 – 103].

Таким образом, проблема общего значения остается дискуссионной. Тем не менее это не препятствует изучению семантической структуры многозначного слова как семантической парадигмы, компоненты которой (лексико-семантические варианты слова) так или иначе связаны друг с другом. Каковы же характер и механизм этих связей?

М.В. Никитин говорит о двух основных типах содержательных связей между «словозначениями»: импликационном, основанном на связи сущностей объективного мира, и классификационном, основанном на общности обозначаемых сущностей объективного мира по их наличным признакам. «Наиболее яв-

ным примером импликационных связей являются сильные причинно-следственные зависимости, но сюда же относятся и зависимости слабые: пространственные, временные и др.» [144, 37]. Метонимия рассматривается Никитиным как частный случай импликационных связей: «Импликационная связь значений широко представлена в семантических структурах многозначных слов. Конкретные виды связей, служащие основанием импликации, весьма разнообразны: материал – изделие, причина – следствие, исходное – производное, действие – цель, процесс – результат, часть – целое, признак – вещь, смежность (соположенность) в пространстве, следование во времени и т.д. и т.п.» [144, 38]. Особой разновидностью импликационных связей в семантической структуре слова является конверсивная связь значений (*одолжить*₁ ‘взять в долг, займы’ – *одолжить*₂ ‘дать в долг, займы’). В отличие от импликационных классификационные связи словозначений (концептов) «устанавливаются исключительно на основе известной общности содержания концептов. Наличие-отсутствие импликационной зависимости концептов при этом несущественно. Классификационные связи могут быть двоякого рода: 1) гипо-гиперонимические (видо-родовые, инклюзивно-эксклюзивные) и 2) симулятивные» [144, 45]. Гипо-гиперонимические связи устанавливаются между словозначениями разного уровня обобщения. В зависимости от направления связи, т.е. от того, какой концепт и, в частности, какое значение многозначного слова берется за основное, различают связь специализации (инклюзивная, родо-видовая) и связь генерализации, обобщения (эксклюзивная, видо-родовая) [*медведь* ‘вид животного’ – *медведь* ‘самец этого вида’, *кошка* ‘вид животного’ – *кошка* ‘самка этого вида’ (родо-видовая связь); *бежать* ‘быстро передвигаться при помощи ног’ – *бежать* ‘быстро передвигаться’ (видо-родовая связь)]. Симулятивная классификационная связь «имеет место в том случае, когда общая часть не исчерпывает содержания ни одного из концептов: помимо общих семантических признаков, концепты содержат еще различающие их признаки, каждый свои» [144, 43]. Симулятивной связью объединены, например, значения слова *облако* ‘скопление сгустившихся водяных паров в воздухе’ и ‘сплошная масса летучих частиц’ (*облако пыли, дыма*). Метафора – это частный случай симулятивной связи. Рассмотренными типами содержательных связей определяются, по мнению Никитина, «соотношение и взаимодействие значений многозначного слова и увязывание этих значений в еди-

ную смысловую структуру, а также описываются с содержательной стороны пути возникновения у слов новых значений на базе старых» [144, 45].

И.В. Сентенберг указывает на четыре типа модификации основного значения: 1) актуализацию ассоциативных (потенциальных) признаков и переход их в ранг обязательных сем (англ. *walk* 'идти, ходить' – *walk* 'гулять, прогуливаться'); 2) переход обязательной семы в разряд потенциальных (ассоциативных) признаков, сопровождающийся расширением значения (англ. *walk* 'идти, ходить' – *walk* 'двигаться, быть в движении' = *go*); 3) спецификацию сем основного значения в производных значениях [англ. *walk* 'идти, ходить' – *walk* 'совершать пеший марш (о солдатах)']; 4) мену категориальных сем (например, семы одушевленности на сему неодушевленности, семы действия на сему состояния и т.п.). К последнему типу модификации автор относит также метафорические и метонимические переносы¹. Эти различия между производящими и производными значениями в семантической структуре многозначных слов широко распространены и, безусловно, очень важны. Но ими все же не исчерпываются способы образования новых значений в границах многозначного слова. Новые значения могут возникать также в результате «семантической конденсации» [*молоть чепуху (языком)* → *молоть* 'говорить что-либо глупое или неправду', *смаывать удочки* → *смаывать* 'уходить' и т.п.]; в результате редукции эксплицитных сравнений (*человек, нечистоплотный, как свинья* → *свинья*); в результате расщепления синкретического содержания доминирующих сем основного значения [*грустить* 'быть (в состоянии грусти)']// 'испытывать (состояние грусти)']// 'выражать (состояние грусти)': *Он грустит.* ~ *Ему грустно*; *Он грустит.* ~ *Он испытывает грусть*; *Он грустит.* ~ *В глазах его грусть*]. Следует подчеркнуть, что деривационные отношения между лексико-семантическими вариантами многозначного слова могут рассматриваться не только в диахроническом (этимологическом), но и в синхронном аспекте, т.е. как их синхронные связи. «Семантические варианты многозначного слова определенным образом организованы в рамках внутрисловной парадигмы. Ядром этой парадигмы, своеобразным центром является основное, или первичное, значение, вокруг которого организуются все остальные значения, называемые неосновными,

¹ Их анализ см. [145, 161].

или вторичными. Первичное и вторичное значения не являются результатом временной последовательности в развитии вариантов слова. Они отражают соотношение главных и второстепенных функций слова, и термины “основное” и “неосновное” значение здесь, очевидно, будут более уместны» [116, 105]. На необходимость различать этимологические, т.е. исторические, и актуальные, проявляющиеся в современном слове деривационные отношения указывал и С.Д. Кацнельсон [100].

Специфика семантических полей, образуемых значениями многозначного слова, состоит в том, что они соотносятся с одной и той же лексемой как единицей плана выражения. Но средствами плана выражения должны быть так или иначе дифференцированы и отдельные значения многозначного слова. Каковы же эти средства? В чем их своеобразие? На эти вопросы языковеды отвечают в основном однозначно. Лексико-семантические варианты могут выражаться различными грамматическими формами слова (например, формами залога, наклонения, числа, падежа и др.). Но основным способом их дифференциации является контекст.

Типы контекстов довольно разнообразны: лексический, синтаксический, стилистический, ситуативный, социальный, экстралингвистический, лингвистический, коммуникативный, специализированный и др. Для разграничения лексико-семантических вариантов многозначного слова существенное значение имеют типовые контексты: тематический, конструктивный и фразовый. «Типовой контекст – это, с одной стороны, отвлечение, абстракция от множества речевых использований слова (в его семантических вариантах), а с другой – потенциальное условие реализации каждого данного варианта, условие, характеризующее его как единицу лексико-семантического уровня языка. Таким образом, типовой контекст – это условие, если рассматривать его исходя из системы языка, и указатель, если рассматривать его исходя из речи, из уже данного текста» [126, 21]. Обусловленность лексико-семантического варианта тематическим типовым контекстом (широким или специализированным) указывает на его связь с каким-то кругом явлений действительности (например, с состоянием человека, со строением его тела, с его эмоциональной или мыслительной деятельностью и т.д.) и соответствующим тематическим классом слов (лексикой со значением состояния, названиями частей тела и т.д.). Если условием реализации лексико-семантического варианта является определенная синтаксическая конструкция (Ему

везет; *Это платье тебе идет* и т.п.), то мы имеем дело с конструктивным типовым контекстом. Конструктивный контекст отличается от тематического «своим внутриязыковым характером, в свою очередь обусловленным статусом тех признаков, которыми задается класс слов, являющийся условием реализации данного семантического варианта» [126, 23]. Однако надо иметь в виду, что значение многозначного слова может выражаться не одной, а несколькими синтаксическими конструкциями, т.е. синтаксической парадигмой. Наконец, условия реализации семантического варианта могут быть заданы не признаками класса слов (содержательными или формальными), который может быть представлен любой лексемой, обладающей этими признаками, а перечислением лексем, т.е. фразовым контекстом. Фразовый контекст «принципиально отличается от контекста, задаваемого признаками, и также является внутриязыковым: ограничение списка, невозможность извлечения из него общих признаков обусловлены не качествами или свойствами явлений действительности, а сугубо лингвистическими причинами, особенностями системы данного языка, синхронно не мотивированными» [126, 23].

Контекст, таким образом, есть «естественное состояние языковой коммуникации, в которой и по содержанию и по выражению субстанциональные единицы вступают в определенные связи – последовательные и иерархические, передавая тем самым в конечном итоге реальные связи объективных вещей и явлений» [107, 125].

В заключение остановимся еще на одном вопросе, связанном с парадигматической упорядоченностью значений многозначного слова. А.И. Смирницкий отметил, что связи между лексико-семантическими вариантами (значениями) одного слова в системе языка оказываются повторяющимися, типичными, закономерными. Л.А. Новиков развивает эту мысль: «Именно осознание типичности, повторяемости, регулярности, пропорциональности связей значений (ЛСВ) делает полисемию “удобной”, эффективной и продуктивной классификационной категорией. Основа полисемии – это своеобразная “сетка” отношений, на которую как бы нанизываются лексико-семантические варианты, отражающие те или иные предметы (явления, признаки и т.п.) действительности. Эта “сетка” удобна, потому что отношения единиц в ней – регулярные, повторяющиеся, и экономна, так как позволяет распространять знак (лексему) в качестве названия сходных, связанных по сети отношений

предметов и явлений внеязыковой действительности» [145, 193]. Систематическое изучение регулярной полисемии помогает пролить новый свет на принципы системной организации лексики, на механизм образования новых значений, на внутреннюю структуру семантических парадигм и их взаимодействие.

Особенно высокой степенью регулярности отличаются связи значений в структуре многозначных слов, основанные на ассоциациях по смежности (метонимические связи) и по сходству (метафорические связи): действие – результат действия (*посылка бандероли – получить посылку*), действие – место действия (*вынужденная остановка – стоять на остановке*), часть – целое (*высокая слива – купить килограмм слив*), предмет (небесное тело) – человек (*звезда на небе – звезда экрана*) и т.д. Очень развита регулярная полисемия в лексике со значением звучания, речи, движения, восприятия, чувства, в наименованиях растений и животных, во многих других лексико-семантических группах.

ТИПЫ СЛОВАРЕЙ, ФИКСИРУЮЩИХ СВЯЗИ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА ПО ИХ ЗНАЧЕНИЯМ

Системный характер языка, в частности его словарного состава, уже со времен античности так или иначе отражался в описательных нормативных грамматиках и в различных словарях – синонимических, антонимических, словообразовательных, идеографических, толковых и др. Например, прекрасное описание фонетической и грамматической системы санскрита оставил выдающийся древнеиндийский ученый Панини. В Древнем Китае и в Древней Греции (III – II вв. до н.э.), а потом в Индии, Риме (II – III вв.) и на арабском Востоке (VII – XII вв.) были составлены довольно совершенные и значительные по объему синонимические и тематические (предметные) словари. Позднее в Европе были созданы другие труды такого типа. В нашу задачу входит краткое рассмотрение современных словарей, отражающих системные связи слов по их значениям, а именно: синонимических, антонимических, идеографических, предметно-тематических, аналогических и ассоциативных.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ И АНТОНИМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

В настоящее время синонимические словари или комбинированные словари синонимов и антонимов составлены для всех основных европейских языков. Первыми синонимически-

ми словарями русского языка были «Опыт российского сословника» Д.И. Фонвизина (1783), «Опыт словаря русских синонимов» П.Ф. Калайдовича (1818), «Словарь русских синонимов, или сословов» А.И. Галича (1840) и др. В советское время были изданы (и переизданы) учебный словарь синонимов В.Д. Павлова-Шипкина и П.А. Стефановского, учебный словарь В.Н. Ключевой, словарь синонимов З.Е. Александровой и академические словари синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой – двухтомный и однотомный.

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой (1968), предназначенном для специалистов, представлено около 9000 синонимических рядов. Синонимы понимаются в этом словаре довольно широко. Перечень синонимических слов и словосочетаний сопровождается стилистической, синтаксической (сочетаемостной) и семантической характеристиками. Все характеристики синонимов в связи с практической направленностью словаря очень лаконичны. Например:

КЛАСТЬ; возлагать (высок.)/много: накладывать/внутри: вкладывать, закладывать/в определенном порядке: укладывать, складывать/что-л. тяжелое: взваливать, взгромождать.

В двухтомном «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (1970 – 1971) синонимы определяются более строго – как слова максимально близкие или тождественные по значению. «Тождественными или близкими по значению, – пишет Евгеньева во введении к словарю, – следует считать только те слова, которые употребляются для обозначения одного и того же понятия и различаются между собой или оттенками значения в пределах данного понятия, или экспрессивной, эмоциональной окраской, или употреблением в определенных стилистических условиях, в определенных сочетаниях с теми или иными словами». Словарь содержит 4148 всесторонне разработанных статей. И по своей полноте, и по научному уровню это, безусловно, лучший словарь синонимов русского языка. Синонимы снабжены стилистическими и грамматическими пометами; дается тщательная и в большинстве случаев точная характеристика семантических различий между ними; каждый синоним документируется иллюстрациями из художественной, публицистической и научной литературы; в необходимых случаях приводится также исторический или лингвогеографический комментарий; в конце статьи указаны производные с тем же значением и антонимы рассмотренных синонимов.

В однотомном «Словаре синонимов» под редакцией А.П. Евгеньевой (1975) синонимы также определяются как «слова, обозначающие одно и то же понятие, следовательно, тождественные или предельно близкие по значению». Семантические характеристики и иллюстрации в нем сокращены до минимума, хотя количество синонимических групп здесь значительно пополнено, в ряде случаев внесены изменения в их состав. Например:

ВЛЮБИТЬСЯ в кого (*почувствовать любовь, влечение к кому-л.*). Влюбиться с первого взгляда. Влюбиться по уши. *ПОЛЮБИТЬ* кого (*о более серьезном, глубоком, прочном чувстве*). *УВЛЕЧЬСЯ* кем (*обычно о сильно захватывающем, но быстро проходящем чувстве*), *ВРЕЗАТЬСЯ* в кого; *прост.*, *усилит.*, *ВТЮРИТЬСЯ* в кого; *прост.*, *шутл.*, *ВЛОПАТЬСЯ* в кого; *прост.*, *ВТРЕСКАТЬСЯ* в кого; *прост.* – Несов.: *ВЛЮБЛЯТЬСЯ*, *УВЛЕКАТЬСЯ*.

Наряду со словарями синонимов (включающими нередко и антонимы) широко распространены словари антонимов. «Словарь антонимов русского языка» Л.А. Введенской (1971; 2-е изд. 1982) включает 529 статей. Каждая антонимическая пара (или ряд синонимических пар) сопровождается четким толкованием и хорошо подобранными иллюстративными примерами. Составитель «стремился показать, с какими словами вступает в антонимичные отношения каждое помещенное в нем слово; если оно многозначно, то в каких значениях это слово имеет антонимы; какие из антонимов имеют синонимичные пары». Под антонимами понимаются разнокорневые и однокорневые слова с противоположными значениями, принадлежащие к одной части речи и обладающие каким-либо общим семантическим признаком (логическим основанием противопоставления). При этом любое противопоставление слов в речи, как справедливо подчеркивает Введенская, не может служить основанием для отнесения противопоставляемых слов к антонимам. Необходимо отличать окказиональное противопоставление слов (*это не школа, а завод*) от противопоставления синонимов (*он не сидел, а восседал*) и противопоставления антонимов (*учитель говорил не тихо, а громко*).

В «Словаре антонимов русского языка» Н.П. Колесникова (1972) приведены (без иллюстративных примеров) и истолкованы (применяется и синонимический способ толкования) свыше 1300 антонимических пар. Не включены в словарь имена лиц и животных, противопоставляемых по половому признаку (*колхозник – колхозница, баран – овца* и т.п.), антонимические словосочетания (*возведение в степень – извлечение корня, как*

по маслу – с грехом пополам и т.п.) и некоторые другие группы противоположаемых или сопоставляемых слов. И в этом словаре антонимичными признаются не только слова, образованные от разных корней (*богатый – бедный, зима – лето, высоко – низко, умирать – рождаться*), но и однокорневые слова с соответствующими служебными морфемами, придающими им противоположные значения (*вход – выход, вооружить – разоружить, шумный – бесшумный, благодарный – неблагодарный, разведчик – контрразведчик, народный – антинародный*).

«Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова (1978; 4-е изд. 1988) включает более 2000 антонимических пар, распределенных по 846 статьям. Возглавляют статьи полные антонимы (доминанты и их синонимы), а затем идут неполные антонимы («квазиантонимы»). В словаре представлены не только знаменательные части речи, но и служебные (предлоги, частицы). Значения антонимов не толкуются, а раскрываются с помощью литературных примеров: каждая цитата иллюстрирует новое значение или новый оттенок значения антонимов. Стилистически отмеченные слова снабжены пометами.

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ, ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ И АНАЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

К системным словарям относятся идеографические (групповые) словари (тезаурусы в широком смысле слова)¹. В Европе первый такой словарь был опубликован в 1852 г. П.М. Роже (автор трудился над ним более 50 лет)². Позднее словарь многократно переиздавался. Всю лексику и фразеологию английского языка Роже делит на 6 основных классов и 24 подкласса: 1) «Абстрактные отношения» (с подклассами: «Бытие», «Отношение», «Количество», «Порядок», «Число», «Время», «Изменение», «Причинность»); 2) «Пространство» (с подклассами: «Пространство вообще», «Величина», «Форма», «Движение»); 3) «Материя» (с подклассами: «Материя вообще», «Неорганическая материя», «Органическая материя»); 4) «Разум» (с подклассами: «Формирование мыслей», «Передача мыслей»); 5) «Воля» (с подклассами: «Индивидуальная воля», «Социальная воля»); 6) «Чувства» (с подклассами: «Чувства вообще», «Индивидуальные чувства», «Эмоциональные взаимоотноше-

¹ Специальные системные словари (тезаурусы в узком смысле слова), отражающие различные терминосистемы, здесь не рассматриваются.

² Roget P.M. Thesaurus of English Words and Phrases. 6 ed. L., 1857.

ния», «Мораль», «Религия»). Названные подклассы подразделяются далее на тысячу категориальных тем: «Бытие» – на 8 тем, «Отношение» – на 16 тем, «Количество» – на 33 темы и т.д. Например, подкласс «Личные эмоциональные состояния и переживания» включает темы «Удовольствие», «Удовлетворение», «Страдание», «Сожаление» и др. При разработке (описании) темы учитываются синонимы заглавной лексемы и другие близкие ей по значению слова, а также семантически соотносительные слова других частей речи, фразеологизмы и перифразы. Например, в статье на тему «Modesty» ('скромность') приводятся синонимичные существительные *humility*, *timidity* и др., глагол *humble* и глагольная перифраза *to be modest*, фразеологизм *to keep in the background*, прилагательные *modest*, *humble*, *timid*, *bashful* и др., наречия *humble*, *quietly*, *privately* и др.

По образцу тезауруса Роже были созданы аналогичные словари французского, немецкого и испанского, а позднее – венгерского, шведского, голландского и новогреческого языков.

К идеографическим относят также «Идеологический словарь испанского языка» Х. Касареса, понятийный словарь французского языка «Система понятий как основа лексикографии» Р. Халлига и В. Вартбурга, а также «Узусный словарь испанского языка» М. Молинер, сочетающий в себе толковый словарь с идеографическим, и др.¹ [141, 94].

Полного идеографического словаря русского языка пока еще, к сожалению, не существует, хотя необходимость в нем давно назрела. Имеется лишь «Минимальный идеографический словарь» (МИС), составленный Ю.Н. Карауловым (по специально разработанной автором методике) [94, 276 – 298]. Он включает 340 семантических полей, в которые входит около 4000 полноточных слов (существительных, прилагательных, глаголов и наречий). Составитель этого словаря опирается не на априорную логическую (синоптическую) схему, а на исходный список слов (лексический минимум), сведенный в поля путем ассоциативно-компонентного их анализа. Караулов приводит также 25 расширенных семантических полей русского языка (полных статей идеографического словаря). Семантические поля вбирают в себя частично и свойства ассоциативного

¹ Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona, 1942; Hallig R., Wartburg W. Begriffssystem als Grundlage für Lexikographie. 2 Auflage. Berlin, 1963; Moliner M. Diccionario de uso del español. T. 1–2. Madrid, 1966 – 1967.

поля, и свойства тематического класса, так как они опираются на особенности классификации, присущие сознанию носителя языка [94, 175]. В процессе работы над словарем автор приходит к двум важным выводам: «Во-первых, эффект “сокращения”, или сведения ядер в группы, нельзя получить путем повторения уже использовавшихся на других этапах процедур и надо вводить новые операции. Во-вторых, установление иерархических зависимостей между ядрами, а затем – между именами групп невозможно осуществить чисто лингвистическими приемами, оставаясь в рамках собственно лексических отношений» [94, 263]. Установить отношения иерархической зависимости в идеографическом словаре можно только опираясь на «концептуальную модель мира» составителя, т.е. используя лежащие в ее основе философские категории. Таким образом, начиная с некоторого уровня обобщение носит идеологический характер [94, 266].

В 1982 г. как опыт автоматического построения тезауруса (идеографического словаря) вышел в свет «Русский семантический словарь» под редакцией С.Г. Бархударова. В словаре 1600 темам-понятиям, охватывающим все сферы жизни и представляющим русскую лексику, поставлены в соответствие около 10 тысяч слов современного русского литературного языка. Распределение слов по понятийно-тематическим группам осуществлено с помощью ЭВМ на основе кодированной записи смысла каждой единицы как совокупности семантических множителей. Понятийно-тематические группы (1654 словарные статьи) расположены по алфавиту понятий (дескрипторов). Каждое понятие снабжено нумерованным перечнем семантических множителей, упорядоченных по возрастанию их частотности¹, а слова, включенные в статью дескриптора, содержат указание на основание для такого включения в виде номеров совпадающих (т.е. оказавшихся общими у дескриптора и слова) семантических множителей. В этом существенное отличие данного словаря от обычных идеографических словарей. Использование информации, представленной в статьях словаря, может быть самым разнообразным – «от установления количественных зависимостей между множителями и словами, выявления наиболее продуктивных, малопродуктивных и непродуктивных, т.е. не работающих, семантических множителей в каждой дескрип-

¹ «Частотный словарь семантических множителей русского языка» Ю.Н. Караулова издан в 1980 г.

торной статье и на всем массиве словаря с целью корректуры и совершенствования толкований слов, построения оптимальных дефиниций в толковых словарях вплоть до изучения механизмов переносных значений с помощью учета семантических множителей».

Из предметно-тематических словарей рассмотрим широко известный «Предметно-групповой словарь немецкого языка» Ф. Дорнзайфа (1933)¹. Дорнзайф считает, что реально существуют только денотативные группы, которые идентичны понятийным областям, тогда как «поля значений» являются «чистой мистикой» [94, 258]. В его словаре выделяется 20 основных групп: 1) «Неорганический мир. Вещества»; 2) «Растения. Животные. Человек как физическое существо»; 3) «Пространство. Положение в пространстве. Форма»; 4) «Величина. Масса. Число. Степень»; 5) «Существование. Отношения. События»; 6) «Время»; 7) «Зрительное восприятие. Свет. Цвет. Звук. Температура. Вес. Физическое состояние. Обоняние. Вкус»; 8) «Движение»; 9) «Желания и поступки, действия»; 10) «Ощущения»; 11) «Чувства. Аффекты. Свойства характера»; 12) «Мышление»; 13) «Знак. Сообщение. Язык»; 14) «Письменность. Наука»; 15) «Искусство»; 16) «Общество и общественные отношения»; 17) «Приборы, инструменты. Техника»; 18) «Хозяйство»; 19) «Право. Этика»; 20) «Религия. Сверхчувственное». Первая группа состоит из 29 подгрупп, вторая – из 48 и т.д. Например, в группу «Ощущения» входит 21 подгруппа (словарная статья): «Физическое чувство», «Осязание», «Нечувствительность», «Ощущение тепла», «Ощущение холода», «Обоняние», «Вкусовые ощущения», «Приятный вкус», «Неприятный вкус», «Голод», «Сильный голод», «Прихотливость в еде», «Жажда», «Насыщение», «Ощущение света», «Оптические инструменты», «Слабое зрительное восприятие», «Слепота», «Слуховое восприятие», «Глухота», «Чувственное восприятие, чувственность». Каждая подгруппа включает (без толкования) уже конкретную лексику и фразеологию. Так, подгруппа «Жажда» включает глаголы *dürsten, dursten, jachern, lechzen, verschmachten*, глагольный фразеологизм *die Zunge klebt am Jaumen*, прилагательные *durstig, ausgedörrt* и существительные *Brand, Durst*; в статье делается отсылка к глаголу *trinken* и существительному *Begierde*. Любую лексическую единицу, помещенную в словарь, легко найти по алфавитному указателю.

¹ Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 7 Auflage. Berlin, 1970.

К предметным по преимуществу относятся и учебные тематические словари, например «Тематический русско-болгарский словарь»¹, «Тематический русско-таджикский словарь» К.Н. Садыковой (1968), «Русско-узбекский тематический словарь» под редакцией Н.М. Шанского (1975) и др.²

Так, «Тематический словарь русского языка для башкирской средней школы» Л.Г. Саяховой и Д.М. Хасановой (1976) предлагает вниманию учащихся наиболее употребительные слова и сочетания слов для построения связных высказываний по той или иной теме. Весь материал словаря группируется вокруг тематических разделов «Человек», «Общество» и «Природа». Каждый раздел членится на темы, которые, в свою очередь, дробятся на подтемы и далее – на микротемы. Основной принцип подачи слов в пределах тем и подтем – ассоциативно-смысловой: слова, независимо от их принадлежности к той или иной знаменательной части речи, оказываются сближенными по смыслу (понятийному содержанию). Так, раздел «Природа» расчленяется на темы «Явления природы», «Земля. Вода. Воздух», «Растения (растительный мир)» и «Животные (животный мир)». Тема «Явления природы» делится на подтемы «Атмосферные явления», «Природные явления на земной поверхности», «Природные явления на водной поверхности», «Климат. Погода» и «Времена года». Первая из этих подтем включает микротемы «Движение воздуха», «Световые явления», «Температурные явления» и «Атмосферные осадки». Например, микротема «Движение воздуха» дается в словаре так:

(воздушный поток)	шквальный, шквальный ветер
ветер, порыв ветра	вихрь (промчался)
сильный, порывистый ветер	бушевать, разбушеваться
штормовой, южный ветер	сухове́й (пронёсся)
ветер дует (подул)	бура́н, снежный бура́н
ветер веет (повеял)	метель, метелица
бу́ря (поднялась, утихла)	поднялась метель
урага́н, урага́нный ветер	пурга́, вы́юга (бушует)
урага́н (пронёсся)	вью́жить (безл.), завью́жить (безл.)
тайфу́н обрушился	вью́жно (безл.)
шквал (начался, налетел)	поэ́мка, метёт поэ́мка

В «Учебном тематическом словаре русского языка» Л.Г. Саяховой и Д.М. Хасановой (1977) шире и основательнее разрабо-

¹ Бабов К., Въргулев А. Тематичен руско-български речник. София, 1961.

² Краткий обзор зарубежных идеографических словарей учебного типа см.

тан раздел «Общество». Каждая тема представлена тремя рубриками: схемой внутренней тематической организации лексики, тематическим словником и алфавитным словником¹.

К этой же категории примыкает и комплексный учебный словарь «Лексическая основа русского языка» под редакцией В.В. Морковкина (1984). Он является, безусловно, важным вкладом в учебную лексикографию. Словарь в типологическом и содержательном отношениях не имеет аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной лексикографии. Цель словаря в том, чтобы «а) определить и корректно представить лексическое ядро современного русского литературного языка, б) сделать явными системные связи каждой лексико-семантической единицы, входящей в это ядро, в) обнаружить семантические, морфологические, орфоэпические и другие особенности слов, составляющих лексическое ядро, г) установить и показать читателю, какого рода работа и на каком материале является полезной при усвоении лексического ядра русского языка». В соответствии с этим словарь состоит из двух разделов: «Лексическое ядро русского языка» и «Материалы для поаспектной работы над русской лексикой». В первом разделе выделяются алфавитная (включает около 2500 самых частотных слов) и идеографическая части, а во втором – следующие подразделы: «Лексико-методические группы синонимического типа», «Лексико-методические группы антонимического типа», «Лексико-методические группы омонимического типа», «Лексико-методические группы паронимического типа», «Фразеологическая ценность слов исходного списка», «Этимологические справки», «Трудности и тонкости словоупотребления (ортология)», «Лексико-методические группы страноведческого типа». Заканчивается книга списком наиболее употребительной русской лексики в алфавитном порядке по концам слов, общим индексом слов и выражений и списком наиболее употребительных русских личных имен.

Идеографическая часть словаря представляет собой совокупность систематизированных лексико-семантических объединений (29 именованных классов, 254 именованных разряда, 649 нумерованных групп). Она выполняет функцию идеографического классификатора исходного алфавитного лексического пе-

¹ В книге Л.Г. Саяховой «Вопросы учебной лексикографии» (Уфа, 1980) опубликованы материалы к словарю лексико-семантических групп русского глагола.

речня и функцию распространителя этого перечня. Таким образом, в идеографической части представлены как слова исходного списка, так и слова, в нем отсутствующие. Общая схема идеографической части выглядит так:

I. Абстрактные отношения и формы существования материи: «Существование, бытие», «Пространство», «Форма», «Время», «Изменение», «Движение». «Качество», «Отношение», «Порядок», «Причинность».

II. Материальный мир:

Неорганический мир;

Органический мир:

Человек: «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо» («Ощущения и восприятие», «Эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия и состояния», «Душевный склад человека», «Деятельность человека»), «Человек в обществе [«Коммуникация мыслей и чувств», «Отношения в обществе (Моральные отношения», «Отношения людей», «Отношения обладания»)]», «Трудовая деятельность человека», «Социальная организация общества».

Каждая тема расчленяется на подтемы. Например, тема «Существование, бытие» имеет такую структуру:

1.0. бытийность <i>гр.</i> 1	4.0. модус бытия <i>гр.</i> 5 – 8
2.0. действительность, реальность <i>гр.</i> 2	4.1. вероятность ~ невероятность <i>гр.</i> 5
3.0. событие, факт <i>гр.</i> 3 – 4	4.2. возникновение ~ исчезновение <i>гр.</i> 6
3.1. событие, факт:	4.3. присутствие, наличие ~ отсутствие <i>гр.</i> 7
общие понятия <i>гр.</i> 3	4.4. опасность ~ безопасность <i>гр.</i> 8
3.2. совокупность обстоятельств, фактов <i>гр.</i> 4	

В смысловых группах лексемы различных частей речи, в том числе местоимений и служебных слов, сопровождаются различными пометами, отсылками, а в необходимых случаях – также краткими иллюстративными примерами.

Между собственно идеографическими (понятийными) и предметно-тематическими словарями нет большого различия. Синоптические схемы в них в основном совпадают: «Универсальный характер основной, центральной части в структуре идеографических словарей испанского, немецкого и французского языков обусловлен прежде всего единством отражаемого в сознании материального мира и отсутствием принципиальных различий в содержании, передаваемом средствами любого языка» [94, 258 – 259]. Различаются же эти типы словарей тем, что в идеографических словарях преимущество отдается именам сигнификативной направленности, а в предметно-тематических – денотативной направленности. Статья в предметно-тематическом словаре строится как «развертывание данной заго-

160

ловочным словом темы, или типовой ситуации. Так, раздел тематического словаря *РАСТЕНИЯ* включает следующие рубрики: *Основные типы растений, Строение растения, Жизнь растений, Сельскохозяйственные растения, Фруктовые деревья и фрукты, Южные растения и плоды, Ягоды, Лекарственные растения, Декоративные растения, Грибы*. В свою очередь, рубрика *Строение растения*, например, охватывает статьи: *Корень, Стебель, Кора, Крона, Ветвь, Лист, Форма листа, Цвет*» [94, 166].

Специфическую область идеографии составляют аналогические словари. Первым словарем этого типа был «Аналогический словарь французского языка» П. Буассьера, затем появились «Аналогический словарь» Ш. Макэ, «Алфавитный и аналогический словарь французского языка» П. Робера, упомянутый выше словарь М. Молинер и др.¹ Главная особенность аналогических словарей в том, что идеографический принцип расположения слов совмещается в них так или иначе с алфавитным: либо по алфавиту слов-центров располагаются лексико-семантические (тематические) группы или слова в составе тематических групп, либо по алфавиту приводятся и толкуются все слова с их параллельным размещением по тематическим группам и т.д. Вот, например, как выглядит одна из статей, возглавляемых словом *Abandon* («оставление») в словаре Макэ:

RENONCEMENT. – *Abandon, abandonner, abandonnement.* – *Abstention, s'abstenir.* – *Renoncer, Abnégation.* – *Négliger, négligence, négligeable.* – *Rebuter, mettre au rebut, à l'écart de côté.* – *Se débarrasser. Déposer.* – *Débaïsser, délaissement.*

Reculer. Renâcler. En démordre. – *Jeter le manche après la cognée.* – *En avoir assés.*

Следующим по алфавиту в этом словаре является ключевое слово *Bas* («низкий»), возглавляющее группы с доминантами *Abaïsser* («опускать, понижать»), *Sábaïsser* («опускаться, оседать») и т.д. Такой способ размещения слов в идеографическом словаре имеет и свои плюсы и свои минусы. «Органическое взаимодействие механизмов алфавитного и идеографического размещения лексического материала делает словарь весьма эффективным при обращении к нему для наведения эпизодиче-

¹ *Boissière P.* Dictionnaire analogique de la langue française. P., 1862; *Maquet Ch.* Dictionnaire analogique. P., 1936; *Robert P.* Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. 10-ème édition. P., 1985. T. 1 – 9.

ских справок, таких, как поиск синонима, антонима, слова-ассоциата и т.п. Однако, с другой стороны, это достоинство словаря оборачивается и основным его недостатком. Алфавитное расположение тематических групп препятствует реализации потенциальных возможностей идеографической классификации лексики. Оно создает своего рода ширму, за которой трудно разглядеть смысловые и ассоциативные нити, тянущиеся от одной тематической группы к другой. Тематические группы, так же как и слова, находятся между собой в определенных отношениях. Выявление этих отношений является немаловажной задачей составителя идеографического словаря. В этом смысле методика Роже представляется более убедительной и перспективной» [141, 26]. А вот несколько иное мнение, касающееся одного из новейших словарей такого типа: «...аналогический словарь обладает тем преимуществом, что в нем вся информация о слове сосредоточена в одном месте – в словарной статье. Здесь и семантическая его характеристика, и стилистические ограничения, и иллюстрации употребления, и указанные с помощью целой сети перекрестных отсылок системные связи (синонимические, антонимические, омонимические, паронимические, ассоциативные), и грамматическая его квалификация, и словообразовательные отношения, и этимологический параметр, и некот. др. Таков словарь М. Молинер...» [93, 153].

АССОЦИАТИВНЫЕ СЛОВАРИ

В нашей стране опубликованы два словаря такого типа: «Киргизско-русский ассоциативный словарь» Л.Н. Титовой (1975) и «Словарь ассоциативных норм русского языка» под редакцией А.А. Леонтьева (1977)¹.

«Словарь ассоциативных норм русского языка» включает 500 словарных статей, расположенных по алфавиту слов-стимулов (они отобраны по частотному принципу)². В состав слов-стимулов входят существительные, прилагательные и глаголы.

¹ См. также: Kent J.H., Rosanoff A.J. A Study of Association in Insanity//American Journal of Insanity. 1910. Vol 67. № 1–2; Deese J. The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore, 1965; Norms of Word Associations/ Ed. by L. Postman and J. Keppel. N.Y.; L., 1970.

² В обратном ассоциативном словаре Дж. Диза названием словарной статьи является не стимул, а реакция, и в словарную статью входят все вызвавшие данную реакцию стимулы.

Слова-реакции (ассоциаты) приводятся в статье в порядке убывания их частотности в ответах испытуемых (в ассоциативном эксперименте участвовало от 500 до 700 человек). Самыми частыми реакциями на стимул *бумага* являются, например, слова *белая, чистая, писчая, тетрадь, писать и карандаш*, на стимул *вода* – слова *холодная, жидкость, прозрачная, чистая*, на стимул *давать* – слова *брать, взаймы, книгу, деньги*. Слова-реакции, характеризующиеся одинаковой частотностью, даются в алфавитном порядке. В конце некоторых статей приводятся параллели из английского, немецкого, французского, голландского и польского языков. Собственно ассоциативному словарю предшествуют вступительные статьи, посвященные понятию ассоциации, ассоциативному эксперименту, методике составления словаря и т.п. В одной из них подчеркивается, что «теоретическая значимость исследования ассоциаций вообще и типичных для данного языкового коллектива, в частности, громадна. И не последнее место в числе тех, кто может получить необходимую информацию из исследования ассоциаций, занимают специалисты в области обучения языку. Имея объективные данные относительно типичных или стереотипных ассоциаций на слова русского языка, мы можем использовать эти данные в самых различных сторонах обучения – от составления словарей до отбора фразеологизмов, от установления оптимальных способов семантизации до анализа культуроведческих проблем».

Реакции испытуемых на слова-стимулы имеют, разумеется, в значительной мере субъективный характер. Тем не менее «при всей причудливости, нестандартности индивидуальных ассоциаций некоторая их часть оказывается общей для всех носителей языка и может быть выделена в качестве статистически обоснованной ассоциативной нормы» [93, 163]. Объективность такой нормы подтверждает, например, сравнение статей на стимул *дом* в «Киргизско-русском ассоциативном словаре» и в «Словаре ассоциативных норм русского языка». В первом словаре статья включает 14 слов-реакций, во втором – 88. Общими из 14 слов оказались 11 (*большой, высокий, красивый, квартира, кирпичный, крыша, здание, семья, белый, наш, мой*), два находятся в ассоциативной связи (*дым – очаг, забор – двор и забор – сад*), и лишь слово *том*, ассоциированное, вероятно, на основе рифмы, не имеет соответствия в «Словаре ассоциативных норм...».

Ассоциативные нормы у носителей разных языков неодинаковы. Об этом свидетельствует, например, сравнение пяти наиболее частых ассоциаций на слова-стимулы со значением 'черный' в русском, белорусском, польском, английском и киргизском языках: «Общей реакцией для всех языков оказалась реакция *белый*. Но интересно, что уже такая, казалось бы, общая реакция, как *ночь*, отсутствует среди частых реакций в киргизском ассоциативном словаре. Реакция *хлеб*, частая для русского и белорусского языков, лишь в трех ответах зафиксирована в польском словаре и отсутствует в английском и киргизском. Ответ *кот* оказался "европейским" – его нет среди неединичных киргизских ответов. Интересно, что из названий животных в киргизском эксперименте выдвинулось в число сравнительно устойчивых ассоциаций слово со значением 'баран, овца'. Однако надо отметить в русском и белорусском реакции *ворон*. Стоит подчеркнуть несколько иное цветовое соотношение слова *черный*. У всех славян цветовые реакции на *черный* – это *белый* и *красный*. У англичан и у киргизов наряду с этими реакциями среди частых оказались слова со значением 'голубого'» [136, 63 – 64].

В ассоциативных нормах языка (соответственно – в ассоциативных словарях) отражаются как парадигматические, так и синтагматические связи слов. Более того, «ассоциативный словарь может рассматриваться как преимущественное выражение типовых контекстных связей, или метадесигната слов – названий статей» [94, 172].

Ассоциативный принцип используется в той или иной мере также в других типах системных словарей (например, в рассмотренных выше «Минимальном идеографическом словаре», в «Тематическом словаре русского языка», в комплексном учебном словаре «Лексическая основа русского языка» и др.), но в ассоциативных словарях он является главным.

Заканчивая этот раздел, следует отметить, что системные связи языковых значений (парадигматические и синтагматические) и соответственно слов по их значениям отражаются также в толковых словарях (в частности, в толкованиях слов), например: синонимические и антонимические связи, родо-видовые отношения, связи значений многозначного слова, словообразовательные отношения (даже если словарь строится не по гнездовому принципу), лексическая и синтаксическая сочетае-

мость слов и т.д. Однако эта информация обычно не имеет в них системного и строго регулярного характера. По этой причине толковые словари не были предметом нашего анализа. Оманимические и паронимические словари не рассматривались нами потому, что они отражают системные параметры плана выражения¹.

¹ Наиболее полную характеристику всех типов словарей см. [93, 255]. Не потеряла еще своего научного значения и статья Л.В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

(звездочкой отмечены работы, рекомендуемые студентам)

- *1. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
2. *Актуальные проблемы учебной лексикографии.* М., 1977.
3. *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
4. *Амосова Н.Н.* Слово и контекст//Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1958. № 243. Вып. 42.
5. *Аничков И.Е.* Об определении слова//*Морфологическая структура слова в языках различных типов.* М.; Л., 1963.
6. *Античные теории языка и стиля.* М.; Л., 1936.
- *7. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
8. *Апресян Ю.Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики//*Проблемы структурной лингвистики.* М., 1963.
- *9. *Арутюнова Н.Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения//*Аспекты семантических исследований.* М., 1980.
10. *Арутюнова Н.Д.* Об объекте общей оценки//*Вопр. языкознания.* 1985. № 3.
11. *Арутюнова Н.Д.* О значимых единицах языка//*Исследования по общей теории грамматики.* М., 1968.
12. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
13. *Арутюнова Н.Д.* Синтаксис//*Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972.
14. *Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н.* Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
15. *Аспекты семантических исследований.* М., 1980.
16. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- *17. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
18. *Белошапкова В.А., Шмелева Т.В.* Деривационная парадигма предложения//*Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.* 1981. № 2.
19. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
20. *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа//*Новое в лингвистике.* М., 1965. Вып. 4.
21. *Бережан С.Г.* Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.

- *22. Березин Ф.М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1968.
23. Бирвиш М. Семантика//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
24. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
25. Богданов В.В. О перспективах изучения семантики предложения//Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982.
26. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
27. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.
- *28. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
29. Бондарко А.В. Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX века//Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985.
30. Бондарко А.В. К истолкованию понятия «функция»//Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1987. № 3.
31. Бондарко А.В. О грамматике функционально-семантических полей//Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1984. № 6.
32. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
33. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
34. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
35. Брагина А.А. Нейтрализация на лексическом уровне//Вопр. языкознания. 1977. № 4.
36. Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. М., 1986.
37. Будагов Р.А. В защиту понятия *слово*//Вопр. языкознания. 1983. № 1.
38. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952. Т. 1.
- *39. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке//Семантические типы предикатов. М., 1982.
40. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
41. Булыгина Т.В., Климов Г.А. Уровни языковой структуры//Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
42. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
43. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
44. Васильев Л.М. Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1985.
45. Васильев Л.М. Имплицитная семантическая деривация//Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972.
46. Васильев Л.М. Модальные глаголы русского языка в их отношении к структуре предложения//Синтаксис и интонация. Уфа, 1976.
47. Васильев Л.М. Опыт структурно-сопоставительного анализа лексики современных славянских языков//Славянский филологический сборник. Посвящ. V Международ. съезду славистов. Уфа, 1962.
- *48. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981.
- *49. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. Глаголы речи, звучания и поведения. Уфа, 1981.
50. Васильев Л.М. Синхронный и диахронический аспект синонимии//Вопросы семантики. Калининград, 1983.

51. *Васильев Л.М.* Современные способы формального описания семантики языковых единиц//*Теория содержательной формы.* Тамбов, 1981.
52. *Васильев Л.М.* «Стилистическое значение», экспрессивность и эмоциональность как категории семантики//*Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей.* Пермь, 1985.
53. *Васильев Л.М.* Теория значения в лингвистической литературе//*Филол. науки.* 1971. № 4.
54. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей//*Вопр. языкознания.* 1971. № 5.
55. *Вежица А.* Из книги «Семантические примитивы». Введение//*Семиотика/Под ред. Ю.С. Степанова.* М., 1983.
56. *Вейнрейх У.* Опыт семантической теории//*Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1981. Вып. 10.
- *57. *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка//*Новое в лингвистике.* М., 1970. Вып. 5.
58. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- *59. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
60. *Виноградов В.В.* Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.
- *61. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд. М., 1986.
62. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
63. *Винокур Т.Г.* О содержании некоторых стилистических понятий//*Стилистические исследования.* М., 1972.
64. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
- *65. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- *66. *Гайсина Р.М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.
67. *Гайсина Р.М.* Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики. Уфа, 1985.
68. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики//*Проблемы структурной лингвистики.* М., 1972.
69. *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций//*Языковая номинация. Общие вопросы.* М., 1977. [Кн. 1].
70. *Гинзбург Е.Л.* Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. М., 1985.
71. *Грамматика русского языка.* М., 1954. Т. 2. Ч. 1.
- *72. *Грамматика современного русского литературного языка.* М., 1970.
73. *Гухман М.М.* Понятийные категории, языковые универсалии и типология//*Вопр. языкознания.* 1985. № 3.
74. *Дементьев В.З.* Новые тенденции в американской лингвистике 1970 – 1980-х годов//*Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка.* 1986. № 3.
75. *Ельмслев Л.* Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?//*Новое в лингвистике.* М., 1962. Вып. 2.
76. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка//*Новое в лингвистике.* М., 1960. Вып. 1.

77. Ельмслев Л. Язык и речь//Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2.
78. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
- *79. Жирмунский В.М. О границах слова//Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.
- *80. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
81. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
82. Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
- *83. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
84. Звегинцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания XIX – XX веков. М., 1956.
- *85. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- *86. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.
87. Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. Л.В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982.
- *88. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
89. Золотова Г.А. О перспективах синтаксических исследований//Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1986. № 6.
90. Исследования по семантике. Уфа, 1975, 1979, 1984.
91. История лингвистических учений. Средневековый Восток/Под ред. А.В. Десницкой, С.Д. Кацнельсона. Л., 1981.
92. Камалова А.А. Категория состояния как понятийное поле и способы его выражения в современном русском языке//Исследования по семантике. Уфа, 1983.
93. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- *94. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
95. Карцевский С.И. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака//Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2.
96. Категории бытия и обладания в языке/Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1977.
97. Катц Дж. Семантическая теория//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
98. Кацнельсон С.Д. Послесловие//Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.
99. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы//Вопр. языкознания. 1984. № 4.
- *100. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
101. Кацнельсон С.Д. Теоретико-грамматическая концепция А.А. Потебни//Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985.
- *102. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

103. Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке. Саратов, 1985.
104. Клобуков Е.В. Об объеме деривационной парадигмы предложения//*Деривация и текст*. Пермь, 1984.
105. Кодухов В.И. Общее языкознание. М., 1974.
106. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977; 2-е изд. М., 1983.
107. Колишанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.
108. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
109. Кондратов А.М. Звуки и знаки. М., 1978.
- *110. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Проблемы, методы, опыты. Воронеж, 1978.
111. Косериу Э. Лексические солидарности//*Вопросы учебной лексикографии*. М., 1969.
112. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история//*Новое в лингвистике*. М., 1963. Вып. 3.
- *113. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
114. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
- *115. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
- *116. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. 2-е изд. М., 1989.
117. Кузнецова Э.В. О статусах слова//*Исследования по семантике*. Уфа, 1983.
118. Кузнецова Э.В. Язык в свете системного подхода. Свердловск, 1983.
119. Кузнецова Э.В., Кусова М.Л. Глагольная антонимия как проявление системных отношений в лексике//*Проблемы глагольной семантики*. Свердловск, 1984.
120. Лазуткина Е.М. Событийные глаголы в аспекте их синтагматических свойств//*Филол. науки*. 1980. № 4.
121. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
122. Лакофф Дж. О порождающей семантике//*Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1981. Вып. 10.
123. Лебедева Л.Б. К проблеме общереферентных высказываний//*Вопр. языкознания*. 1986. № 2.
124. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
125. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения//*Семантическая структура слова*. М., 1971.
126. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984.
127. Литвин Ф.А. О семантических категориях синтаксиса//*Семантические категории языка и методы их изучения*. Уфа, 1985. Ч. 1.
128. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
129. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
130. Лэм С.М. Очерк стратификационной грамматики. Минск, 1977.
131. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.
132. Мартине А. Основы общей лингвистики//*Новое в лингвистике*. М., 1963. Вып. 3.

133. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.
134. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.
135. Мельничук А.С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма//Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
136. Методы изучения лексики//Под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1975.
137. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке//Труды/Воен. ин-т иностр. языков. 1945. № 1.
138. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978.
- *139. Моисеев А.И. Словообразование современного русского языка. Л., 1985.
- *140. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
- *141. Морковкин В.В. Идеографические словари. М., 1970.
142. Моррис Ч.У. Основания теории знаков//Семиотика/Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983.
143. Найда Е.А. Анализ значений и составление словарей//Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.
- *144. Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983.
- *145. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
146. Новицкая В.В. Лексические средства выражения мощности (меры) множества//Семантика и структура предложения. Уфа, 1978.
147. Основные направления структурализма. М., 1964.
- *148. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
149. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения//Вопр. языкознания. 1977. № 4.
- *150. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977.
151. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
152. Пешковский А.М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?//Избр. труды. М., 1959.
- *153. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
154. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
155. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1986.
156. Потапова М.Д. Семантика грамматической категории числа в свете понятия множества//Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1983. № 2.
- *157. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1 – 2.
158. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4.
159. Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
160. Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978.
161. Прохорова В.Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. М., 1980.
- *162. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.
163. Реформатский А.А. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы//Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- *164. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1 – 2.
- *165. Савченко А.Н., Иоффе В.В. Общее языкознание. Ростов-на-Дону, 1985.
- *166. Саяхова Л.Г. Лексика как система и методика ее усвоения. Уфа, 1979.

167. Селиверстова О.Н. Значение слова и информация//Теория речевой деятельности. М., 1968.
- *168. Семантические типы предикатов/Под. ред. О.Н. Селиверстовой. М., 1982.
169. Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола. М., 1984.
- *170. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
171. Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов//Проблемы структурной лингвистики. М., 1973.
172. Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц//Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- *173. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1980.
174. Слюсарева Н.А. Методологический аспект понятия функций языка//Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1979. № 2.
175. Смирницкий А.И. Значение слова//Вопр. языкознания. 1955. № 2.
176. Смирницкий А.И. К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»)//Вопросы теории и истории языка... М., 1952.
177. Смирницкий А.И. К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»)//Труды/Ин-т языкознания АН СССР. М., 1954. Т. 4.
178. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове//Вопросы грамматического строя. М., 1955.
179. Соколовская Ж.П. Система в лексической семантике. Киев, 1979.
- *180. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971; 2-е изд. М., 1976.
- *181. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- *182. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
183. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
184. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968.
- *185. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
186. Сыроваткин С.Н. Значение высказывания и функции языка в семиотической трактовке//Вопр. языкознания. 1973. № 5.
- *187. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
188. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.
189. Типология результативных конструкций/Под ред. В.П. Недялкова. Л., 1983.
190. Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава//Вопр. языкознания. 1963. № 1.
- *191. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семастиологии//Славянское языкознание: VII международный съезд славистов. М., 1973.
- *192. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
- *193. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.

194. Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология//*Новое в лингвистике*. М., 1962. Вып. 2.
195. Уорф Б.Л. Грамматические категории//*Принципы типологического анализа языков различного строя*. М., 1972.
- *196. Уфимцева А.А. Семантика слова//*Аспекты семантических исследований*. М., 1980.
197. Фёрс Дж.Р. Техника семантики//*Новое в лингвистике*. М., 1962. Вып. 2.
198. Филлин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.
199. Филлмор Ч. Дело о падеже; Дело о падеже открывается вновь//*Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1981. Вып. 10.
200. Фоменко Ю.В. К спорам о предмете синтаксиса//*Предложение в русском языке*. Омск, 1985.
201. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. М., 1956 – 1957. Т. 1 – 2.
202. Фриз Ч. Значение и лингвистический анализ//*Новое в лингвистике*. М., 1962. Вып. 2.
203. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
204. Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.
205. Чудинов А.П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердловск, 1986.
206. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
207. Шарадендзе Т.С. Лингвистическая теория И.А. Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX – XX веков. М., 1980.
208. Шафф А. Введение в семантику. М., 1963.
- *209. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
210. Шахнарович А.М., Голод В.И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности//*Вопр. языкознания*. 1986. № 2.
211. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.
212. Шведова Н.Ю. Лексическая классификация русского глагола//*Славянское языкознание: IX международный съезд славистов*. Киев, 1983.
- *213. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
214. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
215. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
216. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.
217. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
218. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. М.; Л., 1974.
219. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
220. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
221. Якобсон Р.О. Итоги Девятого конгресса лингвистов//*Новое в лингвистике*. М., 1965. Вып. 4.
222. Ярцева В.Н. Предложение и словосочетание//*Вопросы грамматического строя*. М., 1955.
223. Beiträge zur Valenztheorie/Hrsg. v. G. Helbig. Halle, 1971.
224. Bondzio W. Valenz, Bedeutung und Satzmodelle//Beiträge zur Valenztheorie. Halle, 1971.

225. *Breal M.* Essai de sémantique. P., 1897.
226. *Cantineau J.* Le classement logique des oppositions//Word. 1955. V. 11. № 1.
227. *Daneš F.* Pokus o strukturní analizu slovesných významů//Slovo a slovesnost. 1971. Č. 3.
228. *Dokulil M.* K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice//Slovo a slovesnost. 1982. Č. 4.
229. *Dokulil M.* Tvorení slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
230. *Erdmann K.O.* Die Bedeutung des Wortes. Leipzig, 1922.
231. *Guiraud P.* La sémantique. P., 1964.
232. *Helbig G.* Funktionen der substantivischen Kasus in der deutschen Gegenwartssprache. Halle/Saale, 1973.
233. *Helbig G., Schenkel W.* Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 2. Auflage. Leipzig, 1973.
234. *Katz J.J., Fodor J.A.* The Structure of a Semantic Theory//Language. 1963. V. 39. № 2.
235. *Katz J.J., Postal P.M.* An Integrated Theory of Linguistic Descriptions. Cambridge (Mass.), 1964.
236. *Koschmieder E.* Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965.
237. *Kronasser H.* Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952.
238. *Milewski T.* Derywacja fonologiczna//Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego. Kraków, 1949. Zesz. 1.
239. *Ogawa Y., Sato J.* Colloquial Japanese in four Weeks. Tokyo, 1963.
240. *Ogden C.K., Richards I.A.* The Meaning of Meaning. L., 1960.
241. *Porzig W.* Das Wunder der Sprache. Berlin; München, 1962.
242. *Probleme der semantischen Analyse.* Berlin, 1977.
243. *Reisig Chr.* Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1839.
244. *Rudskoger A.* Fair, Foul, Nice, Proper. A Contribution to the Study of Polysemy. Stockholm, 1952.
245. *Sperber H.* Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn; Leipzig, 1923.
246. *Steinthal H.* Grammatik, Logik und Psychologie, ihr Prinzipien und ihr Verhältnis zu einander. Berlin, 1955.
247. *Stern G.* Meaning and Change of Meaning. Göteborg, 1931.
248. *Tesnière L.* Eléments de syntaxe structurale. P., 1959 [pyc. nep. M., 1988].
249. *Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931.
250. *Ullmann St.* The Principles of Semantics. Oxford, 1963.
251. *Weisgerber L.* Das Gesetz der Sprache als Grundlage des Sprachstudiums. Heidelberg, 1951.
252. *Weisgerber L.* Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962.
253. *Wellander E.* Studien zum Bedeutungswandel im Deutschen. 1 Teil. Uppsala, 1917.
254. *Wundt W.* Völkerpsychologie. Bd. 1. Die Sprache. Bedeutungswandel. Leipzig, 1900.
255. *Zgusta L.* Manual of Lexicography. Praha, 1971.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Введение	4
Из истории лингвистической семантики.....	4
Основные направления современной лингвистической семантики.....	16
О методах семантических исследований.....	20
Глава 1. Язык как система	23
Понятие системы и структуры в современном языкознании.....	23
Современные представления о языке как системе уровней.....	25
Конкретные и абстрактные единицы языка.....	27
Единицы фонетического яруса.....	27
Единицы лексико-грамматического яруса.....	33
Единицы семантического яруса.....	36
Слово как единица языка.....	39
Морфема как единица языка.....	42
Словосочетание как единица языка.....	45
Предложение как единица языка.....	50
Типы отношений между единицами языка.....	55
Отношения между единицами разных ярусов языка.....	55
Отношения между единицами разных уровней одного яруса языка.....	58
Отношения между единицами разных подуровней одного уровня.....	60
Отношения между однородными единицами языка.....	61
Глава 2. Природа, структура и типы языковых значений	67
Проблема сущности языкового значения.....	67
Значение и другие типы языкового знания.....	72
Значимость единиц языка.....	73
Функции единиц языка.....	78
Значение и речевой смысл.....	81
Структура значений и типы их компонентов.....	90
Лексические, словообразовательные и грамматические компоненты значения.....	92
Эксплицитные и имплицитные компоненты значения.....	98
Синтагматические и парадигматические компоненты значения.....	99
Доминирующие и зависимые компоненты значения.....	100
Ядерные и периферийные компоненты значения.....	101
Идентифицирующие и дифференцирующие компоненты значения.....	102

Категориальные и идеосинкретические компоненты значения	103
Обязательные и факультативные компоненты значения.....	104
Типы языковых значений по их структуре и функции.....	107
Значения знаменательных и служебных слов	109
Значения номинативных и дейктических единиц языка.....	111
Значения предметных и признаковых единиц языка	113
Глава 3. Семантические классы слов и семантические поля.....	126
Типы семантических классов слов и семантических полей.....	126
Семантические категории и субкатегории как основа классификации единиц языка.....	136
Отношения языковых значений в границах полисемантического слова.....	142
Типы словарей, фиксирующих связи единиц языка по их значениям	151
Синонимические и антонимические словари	151
Идеографические, предметно-тематические и аналогические словари.....	154
Ассоциативные словари	162
<i>Использованная литература.....</i>	<i>166</i>

35к.

Созданием файла в формате pdf
занимался ewgeniy-new
(июнь 2015)